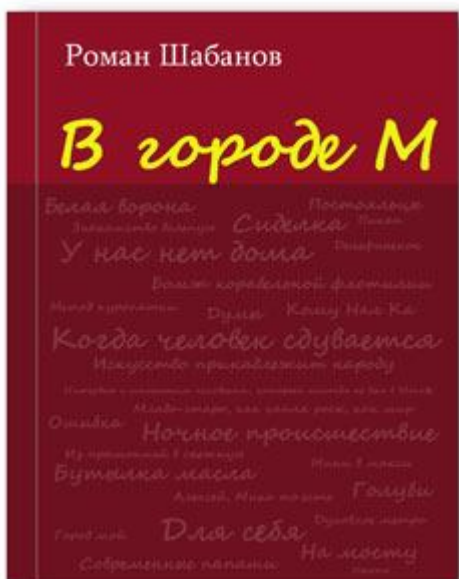

Роман Шабанов
«В городе М»
Рассказы

Оглавление

[Алексей, Миха то есть](#)

[Белая ворона](#)

[Бомж корабельной флотилии](#)

[Бутылка масла](#)

[Голуби](#)

[Город мой](#)

[Дельфиненок](#)

[Для себя](#)

[Думы](#)

[Духовное метро](#)

[Знакомство вслепую](#)

[Из промокшей в снежную](#)

[Интервью с маленьким человеком, который никогда не был в Москве](#)

[Искусство принадлежит народу](#)

[Когда человек сдувается](#)

[Кому Нал Ка](#)

[Метод куропатки](#)

[Мини в макси](#)

[Младо-старо, как капля росы, как мир](#)

[На мосту](#)

[Ночное происшествие](#)

[Ошибка](#)

[Пикап](#)

[Постояльцы](#)

[Сиделка](#)

[Современные папаши](#)

[У нас нет дома](#)

[Уехать](#)

Алексей, Миха то есть

Некий господин, довольно известный в своих кругах, назовем его N, шел по Арбату и курил свой любимый сорт сигарет. «Казбек» был не тот, как раньше. С душком что ли. Он вспомнил, как его бабуля доставала из банки соленья и приговаривала: «С душком, потому что от души». Но в данном случае эта аналогия выглядела сродни сходству ледокола и броненосца – похожи, да не совсем.

– А что, если бы я снялся в «Броненосце», – подумал он. – Заговорили бы. Ей богу. Были же времена, когда спокойно по улице не пройдешь. Обязательно окружают, попросят автограф, а сами в свою очередь отдают что-то свое – связанное, приготовленное собственными руками – шарф? пирожок или сердце. А ты извиняешься, мол, не могу, я на репетицию, поймите, но не отстают же, и приходится брать и действительно идти в театр с этими презентами и делиться с актерами. Они-то довольны, но что мне делать? Я выбирал другой маршрут и даже одевался менее заметно, все равно кто-то из толпы выкрикивал: «Это же...!», ну а другие сбегались на зов, и опоздание в театр было обеспечено. Когда в театре спрашивали, где я, про меня говорили: «Он раздаёт лоскутки своей кожи женщинам, чтобы они могли залатать раны после стрелы, которую пустил не он, но был определенно виноват в этом». На что наш главный отвечал: «Его нужно прописать здесь и не позволять сходить со сцены, а то он, как только выходит из театра, портится». Ведь прямо так и сказал: «Портится». Как сметана в банке, как суп. А сколько было ресторанов. После «Праги» на теплоход, где швыряли тарелки на спор, одну в другую, прыгали в воду, спасали друг друга. Потом мокрые согревались у какой-то дамы дома. Обязательно приходил муж, и после небольшого скандальчика мы сидели за одним столом и пели под гитару романсы. Такое происходило не всегда – не каждый муж был таким снисходительным, некоторые спускали с лестницы и даже вышвыривали в окно. Дважды, уф, на снег и в куст. Второй и первый этаж. Да, с этажами везло, с женщинами меньше.

Женщин было много. Они шли расслабленно, старались не походить друг на друга, как-то выделиться, что свойственно всем представительницам этого пола – походкой, рисуя на асфальте сапожками фигуристые движения, от которых замирало в груди у сильной половины, превращая их в слабых и покорных щенят.

– Почему они смотрят вверх? – мучился господина N. – Им не нужны люди. Что же такое происходит с человечеством? Они ищут в серо-голубом небе образы, слова, фигуры, что-то ненастоящее. Почему не смотрят в глаза, не хотят найти среди идущих, прыгающих, бегающих, когда-то известных те самые глаза, к которым потянется их душа и заставит затрепетать все тело? Боже, как все изменилось. Сколько я прошел? Тысячи километров за всю жизнь. А сейчас уже три станции проехал, два пешеходных перехода миновал, сто метров Арбата осилил и... ничего. Забывать начали. Если не забыли совсем.

Проходя мимо Вахтанговского театра, он увидел бразильянку в образе мифической леди, на деле обычную номенклатурную листовщицу, которая стояла под мрачным баннером в черно-белых красках афишей «Дяди Вани». Она вскидывала то одну, то другую руку с зажатой в ней рекламой, одновременно шокируя народ своим поведением, понимая, что этот антураж – яркий и цепкий в цветах – уже не привлечет избалованный разнообразием народ.

– Специально сегодня побрился, – с досадой думал господин N, – да и грим использовал, как на новогоднем представлении. В принципе, я еще очень даже ничего и нравлюсь женщинам. Только все мои фанаты близоруки и смотрят из окна за прохожими и видят только черные силуэты, независимо от времени суток. Как странно, они наблюдают за мной. А я за ними – никогда. С экрана, со сцены видны разве лучи света, слышны кашель и разговоры, подчас не совсем приятные, на съемочной площадке ты лишь совершаешь прогноз - примерный, 50/50. Для них я остался героем, я не существую для них в жизни, я не хожу по Арбату просто так. Разве может герой из полюбившегося им фильма о любви, который всегда упорно добивался своей цели, всегда шел к ней и никогда не болтался на улице, думать о том, что весь мир стал не

таким. Это привилегия слабого, обычного человека. Но большинство из прохожих делают это, а я не могу. Так они думают, и мне приходится думать, как они. Если же я перестану, то прощай моя карьера, хотя я уже стою на краю и мне машут прощально платочком мои старые и новые поклонницы (последних можно посчитать по пальцам). Художник писал девушку. Она лениво смотрела на своего парня, курившего сигареты, плюющего чересчур много и часто, вскидывала голову, поправляла длинные пряди волос и кокетливо улыбалась мастеру с карандашом в руке – тот заканчивал ее профиль и переходил к деталям.

– А я его знаю, – подпрыгнул внутренний голос господина N. – Он и меня как-то рисовал. Да, борода его была жиденькой, а вот прическа немного пышнее. Лет десять назад мой портрет был среди его образцов. Сегодня я вытеснен новыми лицами, образами улыбающихся кукол.

Ему хотелось задать вопрос: «Почему так происходит?», который возник у него в голове на протяжении последней пятилетки, но как обычно остался изогнутым знаком. Он шел дальше. Вторая сигарета появилась во рту, старая арбатская улица продолжала дарить воспоминания.

– Одна полоумная прыгнула ко мне на шею и стала шептать признания, – восторженно вспоминал N, – чего только она не говорила. Назвала меня гусликом, откусила пуговицу и сказала, что пришьет ее у себя, показала дом, где живет. Точно, Калошин переулок, третий дом. Или четвертый? Точно, третий. Она поила меня кофе с крендельками с корицей и рассказывала о том, как любит смотреть из окна на редких прохожих, завернувших в переулок. Ах, эти переулки, прогулки – переулки, поцелуи – признания, в разном порядке. Страсть, безумие, и главное – во всем жизненная необходимость.

И только господин N подумал о том, что в городе, в котором он живет уже полвека, есть все, чтобы чувствовать себя счастливым – парки, старинные здания, тишина, шум, – все, что душе угодно, и не беда, что это сладостное чувство перестало быть таким, как в юности, и потеряло ту окраску – сочную, с переливами цветов, а стало скорее монументально серым, сохранив лишь четкие пропорции без палитры, как перед ним предстала женщина-листовщица. Словно дикое животное, вырвавшееся из плена обыденных условий, позабыв про приличия, она произнесла, что-то вроде «А-а... э... я!». На что киногерой отвернул взгляд в сторону книжных лотков с букинистической литературой, за которыми стояли заспанные торгаши – они не увидели в лице повернувшегося родного, да что говорить, знакомого человека. Они сладко зевнули, второй лениво посмотрел в сторону кинотеатра «Художественный» и промямлил «Художественный фильм «Разбирай-ка» – сиквел о нас» и дико заржал.

– Алексей, куда же вы? – прогорланила бразильянка, и флагман в виде ее шляпы набекрень с огромными полями сдвинулся на угол вправо, отчего она еще сильнее замахала руками с листовками. – Алексей, вы должны остановиться, вы должны! Господин N остановился. Сигарета выпала из рук. Женщине было под пятьдесят, неудачно замазанные морщины и косметика, грубо нанесенная на кожу. Он потянулся за сигаретой, но то же самое сделала и она – столкновение, посыпались листовки, и вот они оба на корточках стараются собрать глянцевый мусор, чтобы вернуть былой порядок.

– Але-ксей, – пропела она, выделяя «але», как при телефонном разговоре. Господин N резко встал, поправил свой костюм, сдвинутый галстук на резинке и смахнул невидимую пыль, как делают всегда, оказавшись в неудобном положении.

– Миша я, – проговорил господин. – Ми-ша.

Женщина сгребла оставшийся ворох рекламы сувениров, положила их в специальный карман на костюме и всплеснула руками то ли от того, что он с ней заговорил, то ли от произошедшей ошибки.

– Ой, извините, – сказала она и улыбнулась, зажмуривая глаза. – Вы же... я вас сразу узнала. Да? Ну, ответьте же. Да?

Последнее она произнесла с визгом, отчего окружающие стали оборачиваться на них. Господин N, только что испытывающий тоску забытого героя, стал объектом внимания

не только этой оголтелой женщины, но и массы прохожих на самой популярной улице столицы. Он улыбнулся, повторил действия «бразильянки», а именно зажмурил глаза, словно смутился от такого внимания, и произнес еле слышно, как, помнится, в классе пятом, когда читал басню Крылова «Волк на псарне»: «Да, это, наверно, я» – и в тот миг зазвучала музыка. Неизвестно, откуда она была. Скрипки, пары, танцующие под музыку фламенко, просто гитары и живая музыка из «автобуса». Лицо господина N заалело. Ему не хотелось больше думать о той минувшей поре, как самой лучшей, безвозвратно канувшей в лету. Он хотел верить, что сейчас он проживает самые лучшие мгновения, и в эти секунды ему хотелось вернуть былой образ, утративший свою оболочку, но не потерявший внутреннего содержания.

– Как я люблю ваши фильмы, – качала головой женщина. – Боже мой. Или даже бог мой. Хотя он и не мой только. Но и ваш, и всех, кто ходит по земле. А земля-то она плодоносит. И таких, как вы.

– Хорошо, – зашумело в груди, – вот оно лекарство от всех недугов. Помогает. Я, кажется, начинаю забывать про свой радикулит и два инсульта, про то, что лежал в реанимации и думал о приближении конца. Я уже не помню, как ездил лечиться в Швейцарию, как мне было хорошо, потому что когда тебе лучше, чем когда-либо, то ты забываешь о прежних удовольствиях. А мне хорошо. Точнее, какое-то новое, или очень старое, забытое чувство.

– Вас надо любить, – продолжала «бразильянка». – На руках носить. И как же вы тут совсем один ходите? Без охраны. Была бы моя воля, я бы вас окружила вниманием, теплом, каждую минуту лоб вытирала. Не говоря уже о прическе или вашем питании. Вы достойны лучшего.

– Ах, – боднуло самую сердцевину груди, – какая мощь! Неужели я совсем забыл, как это бывает...

Господина N качнуло. Он посмотрел на женщину, на редких прохожих, заинтересовавшихся этим диалогом – пожилой интеллигентный мужчина и женщина в рекламной амуниции. Он странно себя чувствовал, словно проглотил что-то очень вкусное, но немного переборщил.

– Как вы сыграли Гоголя... – заголосила «листовщица», – так правдоподобно, так натурально, так... – она так и не смогла дополнить свое красноречие еще одним эпитетом, но закачала головой, собрала руки в замок, что тоже несло своеобразную энергетику. – Как вы...

– Как я сыграл, – кричало в области сердца, – как я... Но, позвольте, – произнес он, вытирая появившуюся испарину со лба. – Интересно даже. Я сыграл – это конечно правильно. Я актер. А без игры нам вроде бы и жить ни к чему. Но Гоголя – это вопрос. Вы не заблуждаетесь?

Женщина сняла шляпу, положила на коробку, поправила прическу, достала зеркальце из внутреннего кармана и помаду из наружного, накрасила губы, причмокнула и широко улыбнулась.

– Нет, – сказала она, – я не могу заблуждаться. – Я слишком хорошо вас знаю. Слишком хорошо.

В голове господина N замаячили женщины – одна за другой, большое количество, они брали автографы, фотографировались с ним, оставались на ночь. Он пытался вспомнить лицо хоть одной из них. Воспоминания рисовали лик с морщинами и неудачным макияжем. Они шептали ему много слов и хоть бы одна фраза донеслась... Это было как до его первой жены, так и после.

– Одна из таких женщин не слишком популярной сферы стала моей женой, – подумал он, вкушая атмосферу известности. – Заслуженный, народный, и хоть кто-то это помнит. Человек из народа.

– Вы играли Наполеона. Я запомнила. Правда же?

Он усмехнулся. Она смотрела на него, показала рукой, как он снимал шляпу и возвращал ее на место. Да, наверное, так и было.

– Правда, – согласился господин N. – Было-было. Но давно, в студенческие годы. Я тогда и сам здесь стоял и частушки пел.

– Неправда. Быть этого не может. Вы – здесь?

– Было все. И здесь, и в переходе, и в Сокольниках, и на Чистых прудах. Тогда энергия шла в русло, энергия.

– А сейчас куда она идет?

– А нынче в русло денег, наживы, рвачества. Хотя сейчас словно проснулся. Вас встретил и ... проснулся.

Женщина снова достала зеркальце, проделала знакомую процедуру и прямо уставилась на господина N. Мимо прошла ватага ребятишек с шариками. Один шарик оторвался и отправился в воздушное плавание под крики расстроенного малыша, который прыгал, пытаясь оттолкнуться так, чтобы достать улетевшего, смотрел на прохожих, на воспитательницу, которая была высокой и имела больше возможностей для удачного прыжка. Господин N смотрел на удаляющийся предмет зеленого цвета, и сердце забилось, дыхание сперло, словно это он был тем самым мальчиком, потерявшим шарик.

– Знаете, моя дочка от вас просто без ума, – продолжила женщина в бразильском костюме. – Вы не начири...начиркаете пару фраз, она мне так благодарна будет. И вам, конечно.

Она достала флаер с сувенирной надписью.

– Вот здесь, между словами «Заходите» и «Добро пожаловать»...

– Может быть, между «уникально» и «факт»... Согласитесь, эти слова более точно отражают суть.

Господин N немного устал. Впереди маячил «Синий троллейбус», в котором подавались исключительные блины, и глоток пива бы не помешал. Обязательно встретишь старых друзей, с которыми так приятно вспомнить былые годы. Их тоже забыли, но зато это не мешало им поговорить и вспомнить былое. Он написал несколько слов Дарье (так звали ее дочь) и протянул флаер. Женщина взяла, убедилась, что автограф написан, и покрутила его в руке. Она не хотела отпускать господина N.

– Хотите я сделаю поклон? – предложила она. – Я научилась танцевать, махать платочком.

И, не дожидаясь положительного ответа, она развернулась, покружилась в своем широкоподольном платье и запела: «А у нас на Арбате проходил как-то Алексей...»

– Михаил я, – сказал он, возвращаясь к равнодушным людям, думам и образцам, где не было его.

– Еще раз извините, – сказала она, поправляя шляпу. – На морозе постоишь с месяцок – не то забудешь.

Воздух был теплым, и упоминание про мороз в летнем воздухе звучало как насмешка.

– Спасибо, что фамилию вспомнили, – сказал он, думая о том, кто же будет сегодня – завсегдатай X или Z. Давно же я не видел M. Уехал он или стал критиком.

– Ну как же без фамилии, – серьезно произнесла «бразильянка». Без фамилии никак нельзя. Я вот сама Луговая, так меня как только не звали – и Рощина, и Лесная, и Запорожная. Вот я вас увидела и все... Вот вчера Агутина видела. Так прошел мимо, не обращая внимания. Я ему тоже кричала.

– Алексей?

– Что?

– Алексей кричали?

– Нет, вы что? Ленкой назвала. А недавно Тумаса из театра видела?

– Туминаса имеете ввиду?

– Ну. Да кто этих поляков поймет.

– Он же из Прибалтики.

– Опять напутала. Постоишь здесь с полгода, не то спутаешь. А что мы здесь. Спасибо, хоть едой обеспечивают. Накормят в обед, потом выходишь и спишь. Как будто не ты произносишь слова, а кто-то из тебя. Вон стоит эфиопец. Как только пришел, как он шпинялся. Идет люд, он шмыг, идет снова, он снова – шмыг. Ладно, я ему мораль прочитала, нынче самый креатив на Арбате.

Эфиопец пел, расхваливая товар.

– Вы меня извините, я пойду, – сказал господин N.

– Всего, как говорится. Вот у меня есть внучка. Так она говорит, что кино – это будущее, а театр – это прошлое. Мы все увядающее поколение. И не знаю, что хотят то они, на спектакли не ходят. Да и ладно. Я сама здесь, в спектакле, ничуть не хуже Моники Белуччи. Вот так вот, Алексей.

– Миша я. Михаил.

– Да, я подумала, а сказала по-другому, – засмеялась женщина. – С вами такого разве никогда не случилось. Нет? А со мной постоянно.

– Она похожа на пожилую актрису, – подумал господин N, – столько экспрессии, чего не хватает современным звездам. Вот бы их поменять местами. Пассивных актрис сюда, на мороз, раздавать листовки, а ее и этого смешного эфиопа на сцену. Как многое хочется поменять местами.

– Я вижу одно, понимаю, что это, а называю по-другому, – говорила она, показывая жестами сказанное, словно ее слов было недостаточно для объяснения. – Поэтому вы меня извините. Я сознаю и даже вот говорю вам об этом, но все равно это со мной происходит. Например, хочу я купить в магазине молоко, и я знаю, что хочу купить именно молоко, а не сметану или масло, а обязательно, когда до меня дойдет очередь, спрошу у продавщицы колбасу или уксус. Хорошо, что сейчас супермаркеты есть, сам берешь, но раньше мне было трудно. Или же хотела устроиться на работу, так нигде не могла долго продержаться. Диспетчером на телефоне работала, в службе такси, так у меня все машины не туда ездили. Вызывает человек на Каширку, я отправляю на Речной вокзал. И главное думаю то я по-другому.

– Я пойду, – произнес господин N. Он думал, что обязательно расскажет встретившимся ему друзьям, некоторым спившимся, другим все чаще слоняющимся вне дома, вне театра, об этой женщине и обязательно попросит пройти их мимо нее, да они и сами сделают это. А там посмотрим, кого помнят больше. Пусть даже под другим именем.

– Говорят, мне это от деда моего досталось, – говорила «бразильянка». Теперь она уже не следила за своей сбившейся шляпой, которая, если бы не безмятежность в воздухе, упала. – Видеть одно, а говорить другое. Да, мне многие завидовали даже. Вижу неприятность какую, то говорю совершенно в другом ключе. В хорошем. Хотя со мной разговаривать – это полная неразбериха. Вот они и придумывали вопросы так, чтобы я отвечала так, как нужно. Вы не обижайтесь, что я вас назвала по-другому. Это неосознанно вышло.

Казалось, она была готова рассказать о своей жизни все, и некий процент был уже рассказан, что несло некую ответственность за нее. Этого господин N испугался. Он не хотел этого показывать, но женщина и сама поняла, что переступила черту, и замолчала.

– Так я пойду? – спросил он в неловком молчании.

– Спасибо, Миха, – произнесла женщина и повторила танец с платочком, завершив диалог частушкой:

Как у нас на Арбате Алексея встретила

Он мне мило улыбнулся

Я ж поклон отвесила!

Господин N, он же Михаил, он же Алексей, шел по Арбату. Он курил свой любимый сорт сигарет «Казбек». Третья сигарета не была с душиком. Он затягивался и выдыхал дым на раз-два, как в молодости, на спор, обязательно выходя первым. Но и сейчас он не чувствовал себя последним. Воздух шумел кофейными шкурами и соединял все то, что несло интерес – руки, музыку, людей, – пустое с наполненным для гармонии, которую ищут все и не только на Арбате.

Белая ворона

Меня зовут Родька. Родмир. Родина и мир в одном лице. Вот так имечко, скажите вы, а я возражу - очень толковое. Тогда мода такая была называть всех. В советские времена. Родился я в советское время, а вырос уже в России. Пару слов о себе – люблю маму, папу, друзей, если они не задиристые. Об остальном – по ходу нашего рассказа.

Первый день в школе. Одни вопросы в голове – где я буду учиться, с кем. Обшарпанные стены, потолок, капающая жидкость (надеюсь вода). Прошлогодние плакаты, запах половой тряпки. Московская школа. Кеды, ветровки. Номер 345. Сейчас подойдут. Нахальный взгляд. Нога дергается, волнуются, так как не уверены, что перед ними слабак. Но они здесь – первые, и в любом случае надо показать, кто есть кто. Поехали.

– И откуда ты? Из Житомира, небось? Или Архангельска.

Это спросил самый рыжий. Рыжих было трое. У них мода в школе на рыжих что ли? Он что-то жевал и при этом делал это так механически, что ему удавалось говорить без дефектов.

– Смотри, смотри, какие у него патлы. Образец для... под-рожа-ния.

Я молчал. Мне было интересно, как они все заводятся при моем хладнокровии.

– Ты какой-то... – ну давай-давай, пока опасается пользоваться ругательствами, пока только внешним видом запугивают, –... интересный.

Ну что ж, действительно меня можно долго изучать. Пусть я одет просто, ношу волосы до плеч, не признаю школьной формы, но и не предпочитаю расхолаженности в одежде, не говоря уже о поведении.

Они меня обступили. Почему я молчал? Во-первых, мое воспитание подсказывало мне дать возможность высказаться, во-вторых, они здесь свои, а мне еще предстояло стать таким.

– Что мы делаем с такими интересными личностями, как... – рыжий, что повыше, указал на меня пальцем и что-то изобразил губами, что-то смешное для остальной ватаги – те заржали, гул пошел по коридору.

– Вешаем на доску почета.

– Не трухай. Не со всеми так поступаем. Обычно с девчонками и малыши. Теми, на которых написано – сосунок.

– А на мне что написано? – спросил я. Я был спокоен. Все, что они делали, было наивно и глупо. Но я смотрел на них и делал вид, что ошарашен их поведением. – Прочтите.

– Пока не знаю, – важно сказал самый высокий. – Но я думаю, что в ближайшее время буквы выступят на твоём лбу.

Они снова заржали. Да, громко, складываясь пополам и показывая друг на друга, словно смеялись уже не над сказанным словом, а над скрюченной от смеха позой. Я сказал (не любил я пустую смешливость):

– Прекрасно. Значит, вы тестируете всех новеньких. Вы – комиссия, помимо взрослых, такая внештатная комиссия по приему в свои.

Это им понравилось. Они перестали смеяться, как-то по-другому посмотрели на меня. Вероятно, их никогда так не называли, а это громкое – «комиссия», а не шпана, хулиганье и последнее – свора, да и то, что я это определил, тоже сыграло на руку

– Ты зришь в корень, – говорили они попеременно. – Без нас все бы развалилось. Это хорошо, что хоть кто-то смотрит на это с пониманием. А то все как страусы. В песок.

– Нет, проверка нужна, – сказал я. – Я и сам проверяю человека при знакомстве.

Провожу рентген.

– Вот бы аппарат такой – сунул человека, а на табло все написано, кто он и что он, – сказал один. – Тогда бы проще было.

– Тогда мы были бы не нужны, – сказал другой. – Да мы и так сами, как этот аппарат. Даже лучше. Вот и новач это заметил. Правда, новач?

Я кивнул головой. Что ж, по душе я им пришелся. В этом я не сомневался. Правда, был

среди них один хохмач. Коренастый и очень любопытный.

– Подожди, ребя, – сказал коренастый, и сделал шаг ко мне, – Хороший-то он хороший, вот только откуда?

Он смотрел на меня исподлобья, искал во мне червоточинку – обходил, повторял снова, полупшепотом «откуда» - делал это так, что другим стало не по себе.

– Стой, ты же видишь... свой парень.

Так было всегда. Я появлялся в новом месте – меня встречали с гонором, который переходил на нормальное общение. За гонор извинялись, что, мол, не признали, бывает. Я понимал и знал, что появится валенок, который не поймет моих твердых позиций и убеждений. Ему не по нутру, что я так легко занял место свояка. Ему нужно меня прощупать, да так, чтобы в ребрах гудело.

– Я интересуюсь, откуда он, – кричал коренастый. Он был крепкий. Бугры мышц и лошадиный оскал были сродни животному, нежели человеческому. Разве что не было рыка. – Плохо?

Рыжий парень, с которым я нашел общий язык, приметив его сразу, – вести диалог нужно с главарем, тогда будет толк, кивнул головой от раздражения.

– Так спроси его, как есть. Не надо устраивать шоу. Что за привычка – прелюдия к вопросу.

Но это не успокоило крепыша. Он посмотрел на компанию, которая еще недавно была возбуждена от предвкушения насладиться новобранцем, а сейчас лебезила, как никогда.

– Это же ритуал. Перед главным вопросом – испытание. Вы что, изменили своим принципам? Ну, вы даете!

– Здесь другой случай, – говорил главарь.

Я улыбался. Я понимал, что драки не будет, но этот верзила обязательно устроит допрос с пристрастием. Мне оставалось ждать, когда внутренние междоусобицы закончатся и наступит моя очередь выступать.

– Какой случай?

– Он не нуждается в прохождении этого испытания.

– Почему?

– Да потому что и так видно.

– Может быть вам видно, но мне кажется...

– Что тебе кажется?

– Порядок, ребята, – прервал я жгучую дискуссию. Еще не хватало, чтобы они из-за меня сцепились. – Он всего то и хочет – узнать, откуда я приехал. Так вот я приехал, точнее, прилетел, из Лос-Анджелеса.

Они засмеялись, кроме коренастого. Тот посмотрел на меня с усмешкой, поковырял в ухе и серьезно сказал:

– Ну, а теперь, правду.

– Я из LA, – ответил я. – Наша квартира недалеко от Гриффит-парка

– Гриффины, – засмеялся самый полный из них.

– Врешь, – проворчал коренастый. – Ты чего из нас сусликов делаешь? Я, к твоему сведению, не похож на суслика.

Он не был похож на суслика, он, скорее, походил на средних размеров кабанчика.

– Если бы это был я, – печально сказал я. – Мои родители. Они вечно переезжают с места на место. Они у меня выводят вирусы. Не у меня, а вообще. Ученые, одним словом. Меня тоже хотят в свои ряды записать, но я как-то не очень люблю вирусы.

– Ну и... – переминался с ноги на ногу верзила. Он весь напрягся, его лицо покраснело и он говорил, не разжимая губ.

– Что и? – спросил я.

– Что-то я не верю, что из Америки приехал в обычную школу.

Он мог меня ударить или взять за грудки. Ему хотелось, но пока еще не было достаточно веских обстоятельств к этому, но он добавлял масло в огонь и готовился к прыжку.

– И там обычная школа, только преподавателей почти нет, – осаждал его я.

– Как так? Нет. – Он был похож на пузырь, который сейчас или взлетит или лопнет с громким хлопком. Я же вел разговор на двух уровнях – доверительно-отстраненный – кивал головой, но не позволял им говорить наперекор. Что ж, это была не первая школа. Опыт у меня имелся.

– Точнее, они есть, просто относятся к тебе очень уважительно. Зовут по имени отчеству, и не спрашивают задание, если ты не учил.

– Не может быть.

Они собрались вместе. Я улыбнулся. Если бы они знали, отчего мне стало смешно. Приятного мало. Компания рыжих, толстых, худых животных, с отнюдь нечеловеческими качествами были лицом этой школы. Точнее, по моему мнению, другой частью тела. Они были глупы и не могли понять, что я говорю. Я говорил, словно пел песню, которую знал с детства. Они слушали и не знали, как реагировать на нее.

– Они говорят, что вы пришли учиться, если не хотите, то вас никто и не держит. Но все учатся, потому что понимают, что только так добьешься успеха.

– Вот история, – проговорил коренастый. Он сбавил свой гонор и смотрел на меня, как на кувшин в музее, редкий и ужасно дорогой.

– Да, здесь кричат, здесь давят, чтобы учили, а для чего – не говорят. Надо знать географию, говорят, а на что она мне нужна, если я хочу заниматься химией? Может мне кто-нибудь объяснить? Нет, тогда я не буду изучать географию. Все. И человек не учит. Он изучает только те предметы, которые, как ему кажется, будут интересны и нужны для будущей профессии.

– А если не знаешь? – спросил крепыш.

– Тогда тебя тестируют и выявляют, к чему у тебя больше склонностей. Определяют в нужный класс и, как только ты понимаешь, чего хочешь, переходишь в нужный, написав небольшое заявление.

– Я тоже хочу в LA, – сказал главарь.

– Пропой на лысом, – сказал толстый. Другие, которые слушали, качали головой, не желая верить, что где-то там есть школа, в которой учатся по-другому, что нет этого насилия. И только я хотел идти к расписанию, чтобы узнать и провести первый урок в этой школе, как тот снова спросил. – Пропой.

Видимо он имел ввиду сказать что-нибудь на английском.

– Не хочется, – сказал я.

– Не знаешь.

– Ай ноу.

– Что ты сказал?

– Добрый вечер, Москва.

– Здорово. А звезд видел?

– Видел.

– Ну и...

– Что?

– Каково это?

– Ребята, жизнь там не хуже и не лучше этой. Правда, здесь я еще не жил. Но в принципе, не особо отличается

– Ну как же, там Америка.

– И что?

– Там мечта.

– А что, разве ее здесь нет? Разве сюда не едут, чтобы ее отыскать?

– А что, едут? – заржали они.

– Да, и сюда едут. А там нашего брата не очень жалуют, вот, например, апартаменты, бассейн, свой гольф-клуб, домработница, все в полном порядке. Я каждый вечер гулял в парке. Забирался на эти буквы, которые выложены за оградой парка. Они с виду такие небольшие, а на самом деле – гиганты. Каждая буква размером с девятиэтажный дом.

– Врешь?

– Да ладно, что там.
– А зоопарк там не московский. Там с животными можно и общаться и кормить.
– Да, у нас здесь не войдешь. Смотришь на этих птиц сквозь клетку, они рвутся, и их жалко, и себя.
Я прошелся по коридору, немного подогнув колени, выпятив грудь.
– Что это?
– Это лос-анджелесская походка. Так все ходят.
– Надо попробовать.
И все попробовали, как один. Туда-сюда. Смешно смотреть, но я не смеялся.
– И что это вы все кепки и кроссовки носите? – спросил я. Меня несло, но я знал, где примерно можно остановиться.
– Так модно, удобно, - говорили они.
– Последний писк. Волосы дыбом и кроссовки на разные ноги – левый на правую и наоборот.
– Неудобно же.
– Зато модно.
– Если модно, - сказал один, снял кроссовок, одел и прошелся.
– Не очень удобно, - сказал он.
– Привыкай.
Все последовали его примеру. Это было похоже на цирк, но так или иначе они делали то, что я им говорил. Я уже это видел. Пару месяцев назад. В другой школе. С разницей в количестве человек (их было семь) и сомневающейся была девчонка. Она расспрашивала меня так, что у меня вспухли железы после наших пререканий. И так, мои соперники повторяли мои указания. Их у меня было много, но я решил ограничиться еще одним.
– Да, друзья, как вы учителя называете?
– По имени-отчеству.
– Что? Если его зовут Виктор Семенович, то вы его так и зовете?
– А что?
– Учю. Если его зовут Виктор Семенович, то обращаться нужно так ВС.
– А он не обидится?
– Если так, то скажи, что в Америке... понимаешь. Его беда, что не знает.
– Правильно. ВС. Или по матике. Роза Григорьевна. РГ. Весело.
– Ну ладно, пора на урок.
Уроки прошли так, как я и думал. Все поглядывали на меня. Я же сидел спокойно и не отвечал на внезапно появляющиеся на столе записки, складывая их в книгу по литературе.
– Как первый день в школе, – спросил отец.
– Нормально.
– Снова преподавал маленький урок своим будущим одноклассникам?
– Да.
– Что за привычка?
– По-другому нельзя.
– Что сделаешь, что мы меняем районы...
– Да ничего, папа. Я уже научился приспосабливаться.
Интернет был завален письмами. Задавали вопросы. Не сегодня. Вопросы все одного плана – зачем здесь, что там. Скучно. Пока так. А завтра скажу правду. Пусть не выспятся чуток. Будут знать, как гнобить коренных.

Бомж корабельной флотилии

У бомжа стояло три бутылки молока, наполовину пустая банка сметаны. Он пел песню на французский манер – его губы дрожали и выдавали престранный звук – отдаленно напоминающий губную гармошку и старый патефон.

Как часто на Арбате видишь пенсионеров на открытии «Синего трамвайчика». Я обратил на него внимание не потому, что он был самым ярким, одежда и внешность его были довольно заурядны, а из-за его магии. В нем этой магии было как в огромной пещере. Но не сразу я это отметил. Для этого мне нужно было прожить двадцать семь лет восемь месяцев и семнадцать дней. На восемнадцатый день ровно в три часа я шел по пешеходке и пил кофе из кофейни. Было довольно холодно – поздняя осень и глоток горячего напитка были как нельзя более кстати в этом двоякоуютном и шумном месте. Как всегда ряды художественных полотен сменялись редкими книгами, а потрепанные кошки сменялись частыми музыкантами с голодными глазами. Накрапывал дождь – мелкий и холодный. Я делал более основательные глотки и пытался ускорить шаг, хотя это не мой стиль хождения. Что-то, а бродить не спеша по красивым аллеям с интересными людьми я любил.

Он сидел в телефонной будке. Старик, вероятно за восемьдесят. Вокруг него лежало много коробок, на которых было написано черным фломастером «Детям. Взрослые, не спешите. Подарите сынишке или дочурке это!» Кто-то проходил мимо, а самые любопытные останавливались, и дед приоткрывал коробку. Я решил остановиться. Мне страсть как захотелось узнать, что скрывается под картонным укрытием. Но меня опередил юный щегол, который собственноручно схватил коробку и открыл миру... корабельную флотилию. Старик было схватил юного сорванца за руку, как объявилась мамаша и, на чем свет кляня старого, увела сына. И он прикрыл картонной крышкой морские фрегаты, а с ними и историю, которую он мог бы рассказать, но не всем. Мне не удалось с ним поговорить. Я был старше детей. Оставалось лишь догадываться. Корабли, моря, океаны. Вероятно, он воевал. Был капитаном старого судна, отдавал приказы, совершал сложные маневры, в одном из них потерял руку, в другой операции – ногу. Либо мечтал об этом. И все мечты воплотились в модели. Интересно было заглянуть в его каморку. От него наверняка ушла жена по причине нищенского существования. Остались дети, но те его не признают. Когда-то он делал поделки для них. Они с радостью их ломали или топили в сточных канавах. Но он продолжал, а те безостановочно рушили то, что он создавал. И что важно, он совершенствовал свои модели. Если ранее это были небольшие парусники, то теперь – фрегаты, в которых были проделаны люки, каюты. Мачты немного прогибались, как настоящие. На лице у старика сохранилось то важное чувство, которое ничто не сможет поколебать – он делает нужное.

Подошел еще один мальчуган. Он тер правый глаз и нагнувшись смотрел на прикрытый секрет. Для него это было целое таинство. Старик улыбнулся и то, что произошло в следующий момент, поразило не только меня, но и его самого. Он открыл коробку и протянул многомачтовый фрегат пятилетнему юнцу. Тот округлил глаза, повернулся, чтобы найти родителей, потом обнял корабль, как будто собираются у него отнять, прошептал «спасибо» и рванул в сторону книжной лавки.

Старик улыбнулся. Зажмурился от солнца, которое покрывало его наполовину, удостоив чести согреть и охладить одновременно. Посмотрел на толпу, выделяя из них младшее поколение, которое он больше всего любил. Через минуту подошел еще один и был одарен парусником. И вот уже три, нет, пятеро мальчуганов и одна юная леди окружили белобородого старца, чтобы узнать секрет его картонной коробки. Модели корабликов он раздавал. А дети с радостью хватали, даже не сказав «спасибо», убегали, сжав кулачки, боясь, что могут забрать обратно. Маленькая леди, взяв крохотными пальчиками кораблик – не самый лучший, но тоже созданный руками (точнее одной рукой) большого искусника, потоптавшись, произнесла: «Ты такой добрый» и убежала в сторону остальных пострелят.

Со стариком что-то произошло. Дождь продолжал сыпать на землю тонкие, как

спагетти, водные линии. Дед часто заморгал глазами, посмотрел на коробки, потом на кораблики, затем снова на коробки – открыл их и пустил кораблики в образовавшиеся лужи в выбоинах на асфальте.

- Давай, давай. Не тоните. У нас есть все шансы. У них есть все шансы...

Я спустился в метро, выбросил стакан с недопитым кофе и перепрыгнул турникет, так как все деньги остались лежать в кармане капитана корабельной флотилии.

Бутылка масла

В этот мир попасть очень сложно и в то же время очень легко. Для этого надо быть чужим, не в плохом понимании этого слова. Просто чужим, значит нездешним. Итак, вы уехали из родного города или просто ушли из дома, потому что... да мало ли, например, не сошлись характером с тещей, мамой, отчимом, братом или же ваша однокомнатная квартира стала слишком мала, чтобы выносить весь тот водоворот событий, при этом вы в этом водовороте далеко не главный герой, а так, разве что стоящий на втором плане. А это, знаете, неприятно. В своем-то доме и не главный. Где, как не дома, быть в первых рядах? А тут...? Поэтому если есть возможность, нужно менять мировоззрение, точнее мир.

Этот мир – коммуналка тети Браги. На самом деле ее зовут Брага, да, так и зовут, что в переводе со славянского «пьяный». Но застать тетю Брагу в таком состоянии вряд ли кому удалось. Она хоть и пила, но никогда не пьянела. Наверняка сказалась жизнь в этом доме. Большое количество людей, соответственно, событий и поводов выпить было предостаточно.

Но разговор будет не столько о самой квартире, не столько о жильцах и именинах, а сколько об одном очень важном ингредиенте, про который и сейчас вспоминают в округе. Итак, речь пойдет о бутылке масла. Да, простой бутылке с обычным подсолнечным маслом, которая стояла на подоконнике и служила хорошей составляющей вкусного обеда или ужина, что в доме часто мешалось – обедали в восемь вечера, а ужинали часто и под утро. Никто от этого еще не сошел с ума, и еще ни одна фамилия не опорочила коммунальное семейство тети Браги. Ну и ладно, - думала тетушка, - главное, чтобы жили дружно. По-семейному.

Что касается семьи тети, то она была не очень большой. Два сына – все, что у нее осталось. Раскинулись коммунальные гены по всей России и даже за пределами. В Петербурге жил ее старший сын, переехавший, как только ему стукнуло семнадцать, понявший, что хочет жить вольготнее (с самого детства комнаты сдавались, так что приходилось ютиться в одной комнатухе на 14 квадратах вчетвером). Сперва жил в коммуналке, работая на заводе, за двадцать лет ему дали две комнаты в трехкомнатной квартире, впоследствии он купил и третью. Сейчас сдает, а тетя говорит, что уехал из одной комунны, создал другую. В Софии жил второй сын, удачно женился, но жена попалась практичная, они сдают квартиру в городе, а сами живут в деревне и занимаются животноводством. Муж умер, оставив в наследство дом, и наказал хранить его как зеницу ока и беречь новых жильцов. Сам он очень трепетно относился к каждому, знал по имени отчеству (так и называл, независимо от возраста) и был в курсе всех насущных дел.

– Мне кажется, что Петр Николаевич второй день не выходит к завтраку. Обязательно выясни. Может быть, он болеет. Если так, то отправь его в баню к Ростовскому, а сама сходи в аптеку за горчичниками. После баньки проведешь процедуру восстановления. А с Савелием Игнатьевичем что случилось? Сегодня встречаю его, спрашиваю, как вы, а он пожимает плечами и ретируется в комнату. Мне кажется, у него проблемы. Это может быть денежный вопрос, а возможно, и что-то другое. В любом случае твои фирменные блинчики не помешают.

И тетушка шла в аптеку, а также несла блинчики, то есть делала все возможное, чтобы жильцы чувствовали себя не одиноко, а в одной очень дружной семье, где друг за друга в ответе. Муж ушел из жизни (сердце подвело), и все заботы перенесли на

плечи тети Браги. Она и раньше справлялась, но старалась совмещать с работой. Она трудилась на стекольном заводе бухгалтером и пять дней в неделю пропадала на работе. У мужа был плавающий график, и он часто работал дома, поэтому они удачно друг друга взаимозаменяли. После смерти Федора Геннадиевича она была вынуждена уйти с завода и заняться только квартирой, чему была безмерно рада.

– Наконец-то я буду проводить на своей любимой кухне больше времени. Мне еще столько хочется приготовить. Пожарить, например, оленью голову.

Шутила она так или нет, история умалчивает, но то, что тетя Брага всегда очень хорошо готовила, особенно из мяса, было достоверно. Да, в доме, где растут маленькие мужчины, всегда нужны котлеты, колбаса, сосиски. Коммунальные дивиденды с лихвой оплачивали мучные блюда. Жильцы ставили плитки у себя в комнате (редкая женщина – она позволяла им это делать), понимая, что плита освобождалась не часто, и запах масла и его шипение заставляли вздрагивать каждый раз, когда сковорода накалялась. Жильцы менялись каждый год, и только один из них, хирург Болтов, жил в дальней комнатке уже лет десять, думая о том, что это его родина, пусть даже без права собственности. Остальные заполняли оставшиеся три и каждый год, чаще в летние сезоны, когда появлялись очередные новоселы, Болтов осматривал их как комендант, скорее, заместитель тети Браги и делал соответствующие выводы.

– Этот не приживется, – говорил он и тут же пояснял, – взгляд недобрый. У нас такие не протянут долго. Обязательно столкнутся с моими курсами.

Хирург уже лет пять как не практиковал. Говорят, его лишили лицензии, когда он пришел на операцию пьяным со словами: «Где пациент, сейчас я его буду вскрывать, как консервную банку?». Тому даже наркоз не пришлось делать – без этого упал в обморок. Но наш Болтов не отчаивался и переквалифицировался в специалиста по порядку в доме. Он наводил порядок и дисциплину, ходил по квартире и тщательно следил, чтобы свет, уходя, гасили, плиту выключали, суп ставили в холодильник. Он так ответственно подходил к этому, что даже наказывал – например, если кто не соблюдал (оставил подштанники сушиться в ванной на батарее, и они пару дней лежат забытыми), то этот человек с плохой памятью мигом попадал в черный список, а потом вызывался на ковер в комнату Болтова и лечился – по-разному (тут уж все зависит от степени проступка). Кого-то спасала его красноречивая речь о возможности попадания в мир иной из его окна, а кто-то, сунув ему литр водки, получил отступные на пару недель, а то и больше.

– Этот – в порядке. Руки крепкие, не подведет, если нужно будет в срочном порядке мебель выносить.

Тетушка не спрашивала о причине выноса мебели, она ничего у него не спрашивала, думая о том, что раз хочет, пусть общается с молодежью (чаще молодежь жила в комнатах), главное – чтоб не портил и не отваживал. В доме не было давления со стороны хозяйки, как часто бывает в коммуналках. Жильцы ходили свободно и даже чувствовали себя москвичами.

– Вы – полноценные жители этого города, – говорила она. – Я сама когда-то приехала сюда и, если бы не мой покойный муж, ученый, я бы не получила эту ценность.

Ценность хоть и существовала, но была очень старой. Она имела ржавые поющие трубы, заляпанный потолок, спасибо новым жильцам, которые периодически делали ремонт, что не могло не радовать тетю Брагу.

Итак, та самая бутылка. Как она появилась в доме? Это произошло однажды утром, когда вероятность встречи намного больше, чем вечером, так как каждый приходил в разное время. За столом сидело трое. Хохол из Алушки Боря, приехавший в столицу продавать кукурузу, верящий, что именно его семья знает лучший рецепт. Гамоня из Тюмени, не осознавший, что он здесь делает и спускающий свои деньги постепенно. Целые дни читал книги, и было странно, что он приехал именно в Москву. Последнее можно было смело делать и в своем родном городе. Или там это под запретом? И Даня – единственный человек? который учился в институте и верил, что его двойная фамилия – Суворов-Богданов несет в себе самые что ни на есть исторические корни.

– Кукурузу надо срывать с самого низу, не очищая, потому что когда не чистишь, то в ней еще некоторое время может сохраниться жизнь. А наша задача – донести ее до стола в первозданном виде.

Так говорил Боря, на что Гамоня отвечал:

– Не удивлюсь, если ты книгу напишешь.

– Да, вот тебе еще одна книга для чтения, – сказал тот. На столе не было кукурузы, только – масло, хлеб. Даня уплетал гречку. – Разве плохо? Ты будешь владеть этим рецептом в полной мере.

– Нет, я такие не читаю, – возразил Гамоня. – Я больше художественные.

– И что там пишут? – скептически произнес Боря. – Суета между приемами пищи.

Читал я эти художественные. Столько слов и все не по сути. Человеку главное – поест хорошо. Вот в чем большой стимул, и если ты найдешь блюдо лучше, чем ел вчера, то ты совершенствуешься.

Со своей странной, не каждому понятной философией, жильцы этого дома встречались регулярно. Болтов сразу видел, что из себя представляет человек, заводил его к себе в комнату и спрашивал – сколько он собирается здесь жить. Если человек мялся, то тот сам назначал срок – квартал, там посмотрим. Давал читать Хемингуэя и спустя неделю спрашивал, как. Если жилец не притрагивался к книге, тот для него становился претендентом на занесение в черный список.

– Давно хотел узнать: что ты там такое читаешь, что занимает все твое время? – спросил Даня.

– Я ищу рецепт, – сказал Гамоня.

– А говоришь, не читаешь, – обрадовался Боря.

– Рецепт правильной жизни, – прервал его тот.

– Самый правильный рецепт – набитый желудок, но не голова, – сказал Даня, соскребая остатки гречки и всыпая себе в рот. – Она должна быть свободной от мыслей, чтобы позволять идеям заходить без стука.

– А знаете, что важно для приготовления моего блюда?... масло, – продолжил Боря. В его глазах блеснули искорки, и руки вцепились в край стола? словно парень готовился к какому-то неожиданному трюку. – Оно должно быть исключительно хорошим.

– На чем ты готовишь? – переспросил Болтов. В этот момент он вошел на кухню, сваливая в раковину посуду, которая образовалась у него в комнате за неделю. Посуду он опорожнял из обувной коробки.

– На масле, – ответил Боря.

– На каком? – продолжал хирург. Его вопросы напоминали удары скальпелем. Раз – спросил, кратко, лаконично, два – еще удар, точнее первого. Боря увидел на подоконнике стеклянную бутылку, наполовину заполненную маслом.

– А вот, – радостно сказал тот, – примерно такого цвета. На этой бутылке нет наклейки, что говорит о том, что масло наливали и наверняка оно хорошее.

Болтов подошел к столу, взял в руки бутылку, повертел, посмотрел на солнце, словно что-то проверял, улыбнулся (только кому?) и поставил бутылку на место. Затем вернулся к посуде, открыл кран и стал греметь тарелками и ложками, напевая что-то себе под нос. Если бы кто-нибудь из тех троих мог подойти поближе или же обладал уникальным слухом, то они бы могли услышать вот что:

На масляной дорожке протянули ножки,

На масляной тропинке повредили спинку

На масляной, на масляной...

Дальше ребята говорили полупрошепотом.

– Откуда это масло? – пошептал Гамоня.

– Стоит здесь уже полгода, – сказал Боря.

– Бутылка совсем не убавляется, – дополнил Даня.

– С чего ты взял? – удивился тот.

– Я всегда выношу мусор, я ни разу не видел бутылки. Да и чтоб доливали, тоже нет. Там уровень практически всегда один.

Об этом они поведали тете Браге. Хотели спросить у Болтова, но не решились. Тем

более им показалось, что тот сам не знает об этом. И были правы, чтобы обратились именно к ней. Оказалось, что тут есть своя история.

– Это случилось ночью, – начала свой рассказ тетя Брага. – Я сплю очень чутко. Меня разбудить ничего не стоит. Поскреби в стенку – и вот она я, около твоей кровати буду стоять. Так вот, в ту ночь я как обычно уснула очень поздно. Пока весь батальон не угомонится, я не могу быть спокойной! Как мать, которая не может уснуть, пока ее дети не кормлены. Поэтому я лежу и слушаю, как вернувшийся поздно парень готовит себе ужин, принимает ванную, и чего доброго, не уснул бы там. Такое уже было. И вот как только дом затихает, буквально на пару часов, я засыпаю. Слышу стук. Со сна не могу понять, откуда идет стук – комнат четыре, все равно откуда. Да и не было такого сроду. Плохо что ли кому и от боли или тоски стучит в стену? Чего только не передумала, пока вставала, шла от комнаты к комнате, пока не поняла, что стучат в дверь. Открываю – старик. Старше меня, совсем ветхий. Пусты переночевать, говорит. Сперва я не хотела пускать, кто его знает, потом решила. Жалко стало старика, он совсем дряхлый. Вот ипустила. Чаем напоила, положила на кухне. А он мне все спасибо, да спасибо. И чем говорит тебя отблагодарить то? А я – добрым словом. Он – непременно, но наш, говорит, род никогда не оставался должен. О чем, думаю, он. А он продолжает. То, чтопустила на порог, благодарю, а то, что выслушала меня – тут без бутылки, какговорится, не обойдется. Ну, думаю, сейчас за бутылкой побежит. А он продолжает: уменя с собой масло есть. Мамка покойная в дорогу дала, так и по сей день вожу его. Так давно ли, спрашиваю. Давно ли из дому ушел. А он – давно, лет десять илидвадцать. Понимаю, что старик из ума выжил, но все же говорю, что масло-тонавверняка пропало. А он крутит головой, да так отчаянно. Нет, говорит, у моей мамкитакое масло, что не пропадет. Ну, думаю, ладно, чего обижать пожилого человека, взяла его подарок. А наутро старик исчез. Выхожу на кухню, а его нет, и только та самая бутылка на столе переливается в лучах утреннего солнца. Как в сказке. Масло же я поставила на подоконник и не думала даже трогать его. Все же неизвестно, сколько лет срок хранения, это дед говорит только десять - двадцать, а на самом деле – не больше месяца, но тот захотел так думать, чтобы дом вспоминать. Может быть, вчера только купил масло, а сегодня пришел ко мне. Но это его дело. Можно многое додумать, мое дело обезопасить. На всякий случай. Поэтому жильцам я сказала, чтобы не смели трогать. Об их здоровье пеклась. Почему не выкинула? Все же подарок. А один жилец, помню – Самвел из Житомира – не слышал моих слов, взял и пожарил себе яичницу. Потом сказал мне об этом – я говорю немного маслица взял. Какого, спрашиваю. Того, что прозрачной бутылке. Я испугалась. Как ты, спрашиваю. Нормально. Ну, раз нормально, готовьте, кинула я клич... И все стали готовить. И я тоже. Сперва беляшки, плов, поджарку, ну вижу: все нормально, и сама тоже стала его использовать. День готовлю, два, неделю, три, странное дело, масло не уменьшается. Точнее, когда я жарю картошку, выливаю почти половину бутылки, там остается совсем немного, но наутро бутылка снова не сказать полная, а на той же мерке, что от старика досталась. Как будто кто-то доливает. Или старик тот ночью меня, да и всех нас выручает. Поэтому когда у меня появляются новые жильцы, я им говорю, что у меня есть преимущество перед остальными хозяйками, у меня масло бесплатно. И от жильцов нет отбоя.

– А мы думали, что это шутка. Да, у вас и так цены божеские, – перебивая друг друга, восклицали ребята

– Нет, это не шутка, – сказала тетя Брага и в тот вечер приготовила огромную гору оладьев и угостила каждого. Ребята съели, поблагодарили, но, естественно, не поверили ей. И, возможно, так бы и забыли об этом разговоре, о той загадочной бутылке масла, если бы не одно происшествие.

Недалеко от дома была военная часть. Там проходили учения. Из окна, по словам тетушки, часто можно было услышать, как солдаты вышагивают по плацу или по улице проходит целая рота, запевавшая песню. Но это, наверное, воспоминания из ее далекой молодости. Сейчас редко проходили с песней, все больше пели песни солдаты, получившие отгул. И вот как-то раз тетя стояла у окна, смотрела на играющих

в скверике детей и наверняка вспоминала те годы, когда они с мужем... Звонок оборвал ее мысли. Она открыла – на пороге парень, служивый. Попросил воды. Стоит и смущается своего вопроса. Она увидела, что солдат худой, как щепка, вдыхает жадно ароматы, идущие с кухни (а там они никогда не переводились), завела его, накормила от пуза, пожелала всего хорошего и он ушел. Через пятнадцать минут пришел второй. Она и его накормила. Третьего, четвертого. Через час на лестнице образовалась живая очередь – поевший выходил, заходил следующий и так по порядку. Громогласное спасибо прозвучало в тот день в подъезде и еще долго не только соседи, но и домашние питомцы с опаской выходили на лестничную площадку, думая, что там стоит очередная рота голодных ребят. Наверное, так и было бы, если бы не Болтов, который не очень любил такие мероприятия. Во-первых, это нарушило долго выстраиваемую им дисциплину. Только он упорядочил выходы всех жильцов, повесил на дверцу туалета и ванной график посещения, а на кухне ввел дежурство. И вроде все хорошо, тихо, а тут как гром среди ясного неба – солдаты. Во-вторых, он не очень жаловал людей в форме. В-третьих, он не мог пройти на кухню, да и в уборную тоже. Первая порция солдат передавала эстафетную палочку. Естественно, на следующий день появилась очередная рота. Хирург стоял на лестнице и курил.

– Что, дармового масла захотели? – спросил он, сплевывая.

– Говорят, здесь живет очень хорошая бабушка, – сказал один. – Она всех кормит и поит.

– Только говорят.

Солдаты приходили еще несколько дней, потом рассосались. Наверное, тете Браге нужно было поблагодарить Болтова, иначе бы ее квартира стала похожа на казарму, а подъезд – на катакомбу во время бомбежек в годы войны. Но она продолжала радовать людей своим открытием.

– А не добавляет ли в бутылку кто? – спросил как-то Гамоня.

– Молчи, – шикнул Боря, понимая его намек. – Не расстраивай тетушку.

Она свято верила, что этой бутылкой накормила сотни приезжих (и солдат в том числе), возможно, спасла от голода. Но ей никто и не перечит. Если накормила, то значит, действительно накормила. Не больше и не меньше.

Говорят, бутылку хотели похитить. Да, ее хотели сдать. Но воры не знали, что эта семейная реликвия так много значит. И тетка задержала нарушителей около гастронома. Около очереди пьяни эти двое и получили по шее так, что к вечеру их чемоданы, а точнее, котомки с тряпьем стояли на улице. Конечно же, к вечеру пошел дождь. У тетки явно были свои среди духов.

– Я знаю, что когда тот дед принес эту бутылку к себе домой, бабушка вскинула руки и сказала, что благодарит святого, который уговорил деда впервые в жизни принести бутылку домой, да еще наполненную маслом. Она знала, что дед не принесет денег. Он чинил телевизоры и за работу не брал денег, разве что продуктами.

Она потчевала нас своими байками. По этой части она была уникальна.

– В этом доме живет граф, да и по сей день приходит ко мне и таскает котлеты. Я специально ставлю подгорелые, чтобы неповадно было. А еще я хожу по воскресеньям в церковь и ношу жареные каштаны.

Все ли у нее в порядке с головой? Не думаю, что все, но то, что она справляется с такой оравой жильцов – это факт.

– Уникальная женщина, – любил говорить Болтов. – Жаль, что не женился в свое время. Она ко мне как-то в комнату постучалась и пригласила отведать ее картофельных оладьев. А я был в стельку. Вот и все. Потерял. Жизнь перевернулась и уткнула, как масло из бутылки. Не этой бутылки, конечно.

Был ли это хирург – тот самый человек, который подливал масло? Может быть. А может быть, сама тетушка, потерявшая разум и память за столько лет, сама себе наливала масло, а говорила о чудодейственных свойствах бутылки. Ей хотелось в это верить, и она верила. Да и не только она, но и весь дом, двор. Кто-то крутил у виска, но большинство любили ее.

Может быть, и вам хочется узнать, где живет та тетушка. Наверняка хочется. И так,

записывайте: ...город Москва, улица... постойте, а зачем, лучше поговорите с какой-нибудь старушкой во дворе, а потом еще с одной, а там, гляди ж, и молва донесет вас до заветного дома, а может быть, и не только молва, а аромат жареных пирожков или картошки, которую тетя Брага готовит лучше всех.

Голуби

Голуби перелетали по неизвестному сигналу (с ворот на провода, с проводов на крышу). И их было не остановить. Казалось, что королевство птиц сегодня заняло главенствующую позицию и перетянуло перьевое одеяло на себя.

Около станции Третьяковской, как обычно, толпился сомнительный люд.

«Обращайтесь в окошко», – учат нас школа, дом и улица. В окошко милицейское, медицинское, просто в окошко к народу... Каждый находился в определенной доле напряжения. Время обеденное влекло за собой бесконечную волну голодных особей, выстраивающих очередь около восточных палаток. Он стоял и топтался на месте. Наблюдая за птицами в течение уже более часа, он сделал для себя самый главный вывод на сегодня – им лучше, чем нам. Нами руководят гравитация и суровые законы племени, они подвержены только племенным распорядкам и только под громким окриком вожака, подобно Акеле: «Стая!» – взлетают выше человеческих возможностей. Хотелось лететь. Сейчас заберусь на этот биотуалет или же на крышу этих палаток с табаком и книгами и...

«Добрый день. Старший лейтенант Абдулбаев. Что мы имеем?»

В Москве находился два с половиной месяца, прогулял тридцать тысяч, в основном на горячие хот-доги в «Ашане» и клубы. В ночных заведениях его не привлекала музыка, в отличие от молодых от пятнадцати до тридцати пяти, с диким взглядом инопланетного разума и не умеющего отличать хорошее от плохого, как день от ночи. Не хотелось погрузиться в темноту. Готы с их фиолетовым оттенком и манипулирующим взглядом с буравчиком не притягивали в сорок. Лет пять назад ему нравились картины – черное на белом: бытовая сцена в итальянском квартале, либо в монохромном изображении бабочка, момент метаморфозы из гусеницы. Темное ушло на задний план, хотелось светлого, точнее, найти светлое в темном. Хотелось красоты. Он грезил по грамотным телодвижениям и смачивал губы тоником, приговаривая: «То что надо, буря».

На афише – «стриптиз в программе», значит, его персона зайдет в это заведение. В заведение, в котором бурлят талант и настоящее мастерство соблазнений.

«Что делаем в городе? Бродяжничаем?» Если он думает, что бродить по городу в поисках места отдыха и не только – не понимая ни доли, поскольку это и есть работа, а для него – это называется таким очень обидным словом, то он ошибается. Сними форму, надень обтягивающие джинсы и сиреневую водолазку с флуоресцентным отливом. Точно слабо. Проваливай. Неизвестно еще кто это кому сказал. Именно поэтому уехал из города Омск. В кармане были деньги от проданной «девятки», в голове проект с громким названием «Ночное варьете». В городе за не одну тысячу километров он стал верхом на всех помпезных раутах под именем мистер Хаус. Город хотел сиквела. Он хотел записать в телефонный справочник номер, от которого бы зависела судьба гениального проекта, сочиненного за одну ночь в пещере Женской, куда приводил своих женщин для знакомства поближе. Ее называл Голубка – за подвижную шейку, нежный голосок и прекрасный процесс обнажения. Она снимала с себя верх под мяуканье, низ – под пение сверчка. Омск был маловат для «Голубки». Москва подходила, но не являлась завершающим пунктом. Четко взвесив психологические потребности населения, его проект должен был покорить не только русские умы, но и запад. На сцене театра Ла Скала, в Ковент-Гардене, на нью-йоркском Бродвее...

Голуби, услышав какой-то сигнал, взметнулись вверх, и уже через несколько секунд превратились в черную запятую среди московской копоты от шаурмы и никотиновых паров.

Город мой

Женька жила в Москве, правда, та Москва, о которой она мечтала, находилась значительно дальше ее села. Москвичей насчитывалось тридцать три двора, и среди них затерялась ветхая избушка Женьки. Жила она одна, была сиротой, отца у нее сроду не было, а мать как-то ушла в лес за ягодами и не вернулась. Говорили, что волки. Женька же считала, что мать сбежала из этой глухомани. По-другому и нельзя было. Тела не нашли, а Женька все мечтала отправиться на поиски. И она даже знала, где. Работала на почте, носила газеты и пусть не с каждым, но часто вела разговор о Москве, только не о той, где жила, а о другой, о которой она знала совсем немного – из книг, телевизора и от своего соседа Константиныча. Тот прожил в столице три года, работал электриком в доме культуры и многое повидал. Она часто приходила к нему, приносила варенье или что-нибудь из солений, тот же ставил чайник и знал, что сейчас его будут слушать.

– Я почему сорвался-то, мне все нравилось – и жилье было, и деньги нормальные, и коллектив творческий. Поговорить – это всегда пожалуйста. А темы-то столичные – они не равня нашим бытовым темам. Там другой уровень культуры. Например, когда нужно выпить, говорили – пойдём, потолкуем о литературе. Шли, пили, конечно, но и толковали. О Фолкнере, о Прусте. Е-мое, каких только фамилий не произносили. От них и водка другим вкусом отдавалась в организме, и состояние после нее не было таким тяжелым, как здесь. Не рассолом утром восстанавливались, а предложением «потолкуем о русских былинах». И шли пить пиво.

Эти беседы завораживали Женьку. И только она сходила с порога Константиныча, как невольно просилось:

– В настоящую Москву поеду.

Над ней смеялись, и даже дошло до того, что стали показывать пальцем. Например, местный корреспондент Васька Башариков написал о ней статью «В мечту, мечту, мечту...», на что она не обижалась, а считала, что ей просто завидуют. В какой-то степени так и было. Ей завидовали. Не потому, что она сможет поехать и покорить златоглавую. Нет. Просто потому, что она могла мечтать об этом. Большая половина свыклась со своей Москвой и не мечтала.

– Какая такая столица? А кто же про запасы на зиму будет думать? Президент?

Председатель колхоза правда иногда воображал, что он руководитель не просто артели, а целого государства. Да и фамилия у него была подходящая – Петухов. Самсон Петухов. Бывало, пройдет в начищенных ботинках по асфальту – мол, смотрите, не хуже городских живем – и асфальт, а около магазина постоит-постоит, покурит, перекинется парой слов с местными, и пойдет домой с чувством выполненного долга.

Женька не любила его. За его походку, за его нежелание совершенствоваться.

– Разве нельзя сделать из нашего села город? – спросила она его как-то во время очередного променада. Он остановился, посмотрел на нее исподлобья, как на маленького ребенка и сказал:

– А зачем? Разве не хорошо у нас?

Женька едва не выругалась. Ну как же он не понимает таких элементарных вещей? Валенок, пусть даже и главный. Groш цена, хотя здесь ему и место. А таких, как она, не устраивает все, что говорит председатель. Они закрывают окна, когда ветер дует со стороны дома Петуховых.

У нее было целых два кавалера, Сашка Носов и Борька Кроткий. Они ей предлагали пойти за них, но она отнекивалась, говорила, что не должна устраивать свою личную жизнь здесь. На вопрос, где же, она отвечала: в паспорте все написано – Москва, вот туда и поеду.

– Там живут дурные люди. От них пылью пахнет, – говорил Сашка. Борька крутил у виска пальцем и говорил ей на ушко: – Давай поженимся. У меня хороший заработок.

Что еще нужно?

Оказалось, нужно. Только Женька не стала объяснять ни первому, ни второму, чего она хочет, и однажды действительно поехала. Как-то проснулась утром, так на душе тяжело стало при мысли о том, что нужно идти на почту и общаться с односельчанами, хмыкающими при ее появлении. Так заболело сердце, когда поняла, что ей уже двадцать пять, а она еще ничего не сделала. Матери нет, отца тоже. Одна, и только ветер во дворе. Терять нечего. Отговаривать ее никто не стал, да и не успели – она пошла, купила билет, собрала небольшой чемодан и вечером села на поезд, прямиком идущий до столицы. Когда она отъезжала, ей показалось, что все село ее провожает. Так ей хотелось думать.

В поезде она познакомилась с очень интеллигентной парой. Пожилые мужчина и женщина. Угостили ее соком и курицей. Женька в спешке забыла взять с собой картошку, которую специально отварила в дорогу. Проголодавшаяся девушка уминала куриную ножку, а мужчина поддерживал разговор. Он был в солидном костюме серого цвета и клетчатой рубашке без галстука. На его лице было столько морщин, что Женька постоянно отводила глаза, чтобы не показаться невоспитанной. Женщина была в бордовом костюме, и ее лицо было кукольным: правильный нос, пышные губы, розовые щеки – оно было направлено в сторону окна и не выражало никаких эмоций.

– Вот вы из глубинки? – спросила он у девушки.

– Да какая там глубинка. Москва.... – ответила Женька.

– Да, как странно, – сказал он. – Вот вы из Москвы, и мы оттуда же. Получается, что город на тысячи километров простирается.

Женька застенчиво улыбнулась, повертела головой и выдала:

– Нет, здесь только название такое, а настоящий он вона где...

На что мужчина зажмурился и произнес такое, отчего Женька замерла, бросила куриную ножку и стала нервно облизывать пальцы.

– Не хочу, не хочу, – сказал тот. – Так хотелось остаться там. Тишина. У друзей домик у леса. В ста метрах – озеро. Хорошо. Каждое утро, пока жена спала, да и друзья тоже, я шел на озеро. С удочкой, понятно. Ловил немного, но не в этом дело. Главное, что я мог насладиться воздухом, видом и отражением в зеркально-чистой воде. В фонтане я редко мог увидеть свой довольный лик.

– Вы не шутите? – среагировала Женька.

– Да какие могут быть шутки. В городе сейчас такая жара. Выхлопы, нет ни одного места, куда можно спрятаться. Разве что на бульваре под тополем. Да и то, зная, что этот гул не прекратится никогда. Я про автомобильный, метро и вообще гул, который в Москве не прекращается никогда. Я когда приехал в эти таежные места, то не сразу от него избавился. Понадобилось дня три, чтобы прийти в норму.

– Как же вы так о своем городе? – недоумевала Женька. Она нервно пила сок, и теперь неотрывно смотрела на мужчину, забыв про неудобство.

– Была бы моя воля, я бы поменял квартиру в Москве на дом в глубинке, – сказал он. – А что – пусть даже маленький, главное, чтобы была печка, лес и собака, с которой можно было ходить в лес. Собирать грибы, ягоды, орехи. Думать на природе лучше, чем в городе. Мысли легче. Город делает мысли похожими на пудовые гири. Кинешь одну такую гирю в массу людей – неприятно.

– Да, – согласилась девушка. Женщина повернулась на своего мужа, прикрыла глаза и вернулась к окну. – А что же вам мешает?

Он не сразу ответил. Перед этим он выпил сок, улыбнулся, издав при этом едва слышный, но отчетливый звук, женщина повернулась на полсантиметра и только потом мужчина сказал:

– Жена вряд ли будет довольна. Да и работа у нее там. Мне проще. Я писатель. Могу писать хоть на Луне, если там будет хорошо. А вот ей нельзя.

Женька никогда не видела живого писателя. В деревне было несколько писателей, но все они писали какие-то глупые стихи и историю родного края, которая никому не пригодится, как она думала.

– Вы писатель? – подпрыгнула от радости она. – Как здорово. Разве может жить

писатель в глубинке? Вы же не должны так думать. Вам надо в большом городе жить. Чтобы создавать, нужно быть среди самого лучшего.

– А где оно самое лучшее? – спросил мужчина.

– Где? – удивилась она, и произвольно показал направление в сторону движения поезда. – Там.

– Он должен жить там, где более спокойно, где нет ничего, что ему мешает, где он слышит себя, а не...

– Дорогой, я сейчас, – сказала женщина, поднялась и направилась в сторону туалета. Женька не могла больше есть, пить. Она не могла есть, но говорить ей хотелось больше. Казалось, что сейчас она скажет все то, что думает, знает. Словно, сказав это, очистится от того, что ее мучило долгие годы.

– Да, хорошо, – сказал он.

– А я считаю, что вы должны уехать, – произнесла Женька, когда женщина ушла. – Вот я уехала. Потому что поняла, что еще немного, и сойду с ума. Правда, правда. Вот вы смеетесь, а я на самом деле стала слышать посторонние звуки, голоса. И это все благодаря вашей тишине. Она так мне опостылела. Так хочется гула. Когда вы стали говорить о нем, я...не знаю, я...у меня сердце застучало, не меньше, чем колеса о железную дорогу. Вы так говорили.

Он посмотрел на точку в окне, там была убитое тельце мухи, высохшее и оставшееся в стекле, как надгробие, и скovyрнул пальцем. Женька продолжила:

– Вы же главный в семье. Как-никак мужчина.

– Понимаешь, – медленно, останавливаясь после каждого слова, словно они были на иностранном языке и необходимо время, чтобы их поняли, – главный тот, кто больше зарабатывает. Вот она получает больше, чем я.

– Неправда, – вырвалось у Женьки.

– Это так. И пока я получаю меньше, она может жить там, где хочет. Буду получать я, ну, не знаю, на пятьдесят процентов больше, то я буду командовать. Там правят деньги. Поэтому и хочется уехать от этой управы.

Они еще могли бы долго говорить о причине, но подошла жена и тема завершилась. Возникли другие – например, что ждет новобранцев (так назвала женщина всех, кто стремится в столицу).

В Москве они попрощались, и она долго смотрела вслед удаляющейся паре.

– Один из них писатель, – думала Женька. По его походке это было сложно сказать.

Она вспомнила, что не спросила его фамилии, чтобы потом найти его книги.

Оставалось только лицо, по которому можно было его узнать.

В городе она сразу сориентировалась, словно была готова к этому долгому и продолжительному марафону. Но она решила так. Сперва работа, место для проживания и только после – экскурсия по городу. Хоть и был соблазн сделать это сейчас. Но она слишком долго ждала, чтобы сейчас поступить не по-взрослому. Она купила газету по поиску работы, нашла вакансию почтальона и пошла по нужному адресу. Она думала так, что начнет со знакомой ей профессии, а потом, когда освоится, найдет себе что-нибудь посolidнее.

Место ей понравилось. Недалеко от площади трех вокзалов, огромный турникет, пропускной режим. Ей что-то говорили по поводу, как оформлять пропуск, она кивала головой и говорила:

– Да, хорошо.

Женька боялась ляпнуть что-нибудь лишнее, поэтому произносила эту заученную фразу, которой фигурировал писатель.

Начальник был молодой, примерно ее возраста, они хорошо поговорили. Хотя из вопросов всего было два – опыт и прописка. Она сказала, что опыт – три года, прописка – московская. Все складывалось как нельзя лучше. Ей нужно было пройти в отдел кадров, написать заявление, заполнить анкету и приступить к работе, хоть завтра. Через пять минут произошло то, что, наверное, должно было произойти рано или поздно. Начальник отдела кадров, лысоватый мужчина с седыми стриженными усами сидел перед начальником и говорил сбивчиво о том, что его смутило. Женька

стояла у лимонного дерева и улавливала легкий аромат его листьев.

– А я сразу и не понял, – говорил он. – Она из Москвы...

– Ну? – говорил парень. Чувствовалось, что он был занят, и этот случай его мало интересовал.

– Только из другой Москвы...

– Не понял, – начальник положил бумаги, которые он изучал, степлер и трубку телефона.

– Село такое есть у черта на куличках. Она оттуда. Вот и приехала.

– Ага, – сказал парень, посмотрел на Женьку и твердо сказал. – Тогда извините, мы вынуждены вам отказать.

Девушка не смутилась. Она словно ждала этого.

– Но в объявлении сказано, что нужна московская прописка. У меня московская. Вот паспорт.

Она протянула паспорт. Парень посмотрел документ, изучал его не менее тридцати секунд, потом поднял голову и сказал:

– Я все понимаю. Но нам нужна не такая, а местная.

– Но там же написано: Москва.

– Какая Москва? – не выдержал начальник отдела кадров.

– Да, это мой город, – важно сказала Женька. – Паспорт разве может обманывать.

Ее взяли на работу. Наверное, такие упорные нужны были там. И через месяц она перешла в другой отдел. Отдел посылок. Ей нравилось отвечать за то, что она шлет не просто письма, а нечто ценное. Однажды она направила в свою Москву посылку. На адрес Константиныча. Приложила письмо.

«Здравствуй. Живу хорошо. Скучаю, конечно. Про гул, который мне говорил писатель в поезде, он немного преувеличил. Его здесь достаточно, но не так много. Люди хорошие. Появился жених. Представляешь, отсюда. Если не врет, конечно. Мы с ним в метро познакомились. Он меня яблоком угостил. Странно, да? Я тут в посылке сувениры положила. Раздай нашим. Петухова не забудь. Я ему деревянный кремль положила. Пусть поставит к себе на стол, радуется. Говорит, что одна из наших в городе. Сашке и Борьке привет. Думаю иногда о них. Здесь мужчины другие. Они важнее что ли, но и я не отстаю. Читаю, хожу по музеям. Маму свою не встретила, но я думаю, что все еще впереди. Москва-то, как сказал один знакомый писатель, простирается на тысячи километров».

Дельфиненок

В Серебряном бору отдыхающих уменьшилось ровно втрое. Враз небо поменяло цвет из нежно-голубого на темно-серый с фиолетовым оттенком. Закапал дождь.

– Смотри кого я тебе принес, – сказал худощавый мужчина, держа на руках девочку лет четырех, выпуская ее на приготовленный «плацдарм»

– Мы тебе принесли дельфиненка, – звонко сказала девочка. Теперь она сидела на покрывале и дрожала. Мама достала термос, налила половину чашки и дала ей выпить. Та жадно прильнула к отдающему паром напитку и после каждого глотка поднимала голову, давая понять, что ей все нравится.

– Мама, когда я плавала, то мне показалось, что вода такая холодная-холодная. Но это только вначале, а потом она стала горячей-горячей. Как это можно объяснить?

Женщина улыбнулась, достала расческу и стала причесывать девочку.

– Ай, – вскрикнула та, – больно. Пусть папа расчешет. У него лучше получается.

Мужчина вооружился расческой и стал укладывать волосы.

– Один осьминог плавал на глубине пять метров, другой – на глубине целый километр. И они встретились, потому что тот, который сидел на глубине целых тысяча метров, решил поздороваться с тем, что сидел на десяти метрах. Он кричал «привет», «доброе утро», «как поживаете», но тот упорно не хотел его слышать, тогда он протянул свои руки-щупальца и дотронулся до своего собрата.

Отец нежно провел расческой по голове, показывая, какие длинные щупальца у того, отчего девочка вздрогнула и засмеялась, затем повернулась к маме, которая в этот момент сворачивала полотенце, и сказала:

– Я не только дельфиненок, я еще и осьминог.

– Осьминожка ты моя, – бодро сказал мужчина. Женщина в тот самый момент слила чай, стряхнула песок с покрывала и громко сказала:

– Нам пора.

Мужчина с удивлением посмотрел на жену, показал ей на часы, что прошло совсем немного времени, как они здесь, понятно, что погода испортилась, но дождик уже перестал капать и тучи стали багровыми от перспективы не разлиться, а запустить нетерпеливое солнце сквозь их толщу.

– Ну пожалуйста, еще немного, – канючила девочка, дергала за юбку маму и с мольбой смотрела на отца. – Я хочу быть дельфиненком. Всего раз.

Мама покачала головой и направилась к кабине для переодевания. Девочка заплакала. Она прижалась к отцу.

– Не переживай, – весело сказал мужчина и поцеловал девочку в щечку так звонко, что та сморщилась и воскликнула:

– Ты целуешься, как бабуля. Она плохо слышит, поэтому ей надо, чтобы все было громко. Ты же не бабуля.

Как бывает с детьми, через пять минут она уже забыла об этих неприятностях, когда семья села в автобус – девочка смотрела на чудо-ресторан под куполом неба и высотное здание, напоминающее ракету.

– Когда я стану взрослой, то буду жить около водоема. Я тогда и плавать буду как... вы сами знаете кто. Я маленькая, поэтому мне трудно говорить о том, что хочется. Вы же все равно мне скажете, это нельзя, это нельзя, ну – разве что это можно, а это снова нельзя, и это брось.

За этими комментариями она и уснула. На плече у отца, прошептав:

– Пап, а пап, давайте заведем осьминожку. Самую маленькую. Я сама буду ее кормить и выгуливать.

Мужчина и женщина молчали. Она смотрела в окно, а он на нее, не совсем понимая причину ее негодования.

– Что с тобой? – спросил он.

– Ничего, – тихо сказала она. – Просто устала.

Его это, конечно, не убедило, и он хотел продолжить расспрос, но «дельфиненок» проснулся и стал просить рассказать сказку. Он не мог ей отказать. Женщина глубоко вздохнула

– Встретились дельфиненок с осьминожкой.

– Это про меня, про меня, – визгнула девочка.

– Да, – кивнул головой отец.

– А с каким он встретился? С тем, что очень глубоко или не очень?

– С тем, что не очень.

– Тогда понятно, почему они встретились.

– Слушай дальше. Встретились они в обеденный перерыв. Дельфиненок питался мелкой рыбешкой, а осьминожка – водорослями.

– Они поженились?

– Да, если хочешь.

– Конечно, хочу.

– Да будет так. Они поженились и родилась у них девочка.

– Дельфийская осьминожка?

Ей это очень понравилось. Она захлопала в ладоши, понимая, что речь идет о ней.

Дома ели оставшийся с обеда суп. Девочка лениво купала в тарелке ложку и попросилась в свою комнату. Она посмотрела на отца, потом на мать, и, увидев в их глазах одобрение, вышла из-за стола.

На столе женские руки торопились убрать тарелки. Мужские попробовали приостановить эту суету.

– В чем дело? – спросил он. – Ты мне можешь сказать?

– Ни в чем, – резко сказала она. – Я не хочу говорить об этом.

– Остановись! Последние дни ты странно себя ведешь. То есть не так, как обычно. Обычно ты не такая. Правда, ты стала какой-то чужой. Немного агрессивной и холодной. Я стараюсь уловить твое настроение, но мне очень трудно, и каждый раз собираясь понять тебя, я терплю поражение. Каждый раз. И еще мне не дает покоя мысль. Странно, но я никогда не думал об этом, но сейчас эта мысль возникла, и я хочу спросить

– Что? – раздражаясь, спросила женщина. Мужчина не сразу сказал, он подошел, посмотрел в ее глаза, прикоснулся к волосам, затем опустил голову, так прошло совсем немного, около четверти минуты, как он спросил:

– У тебя кто-то есть?

– Не говори глупости, – сказала женщина, при этом улыбнулась. Мужчина как-то странно посмотрел на нее. Вероятно, она очень давно не улыбалась, или ранее ее улыбка не была такой циничной.

– А что я могу думать? – воскликнул мужчина. – Ты приходишь поздно, говоришь ночами по телефону, постоянно в мыслях. Мне кажется, что мы должны это выяснить раз и навсегда.

– Ты действительно хочешь знать? – спросила женщина. Полумрак шестидесятиватной лампочки превратил их тела в мрачные силуэты и даже тени, которые не имеют содержания, а только форму.

– По крайней мере, это будет честно.

– Мне кажется, что нам надо развестись, – произнесла она, сухо и просто, как будто предложила ему сходить в гости в друзьям на Новослободской. Он не думал, что она ему ответит на его вопрос. Он предполагал, что тот так и останется висеть в воздухе, она, может быть, посмеется и забудет уже под утро. А сейчас, когда прозвучало запретное слово, которое если звучит, то возникает напряжение, от которого так просто не отделаться. Ладно бы в мыслях, но она же сказала, да так, что хоть уши зажимай. Оно сейчас так раскинулось, заполнило всю квартиру своим зловонием (или ароматом?).

– Что? – опешил он. – Я не слышался?

– Нет, – спокойно сказала она и снова повторила, – мне кажется, что нам надо развестись.

Он зажал уши. Она еще что-то произнесла, но он уже не слышал. Когда же он осторожно убрал руки, то услышал тоже не самое приятное, что хотелось:

– Так будет лучше.

Самая нелепая фраза в таких ситуациях. Меньше всего хочется слушать о том, что все будет хорошо, лучше, проще... в этом кроется одно – неизбежное и делается также для одного, чтобы сделать то, что неизбежно.

– Но как же? – он едва не плакал. – Я не могу.

– Я тоже, – сказала она, но скорее повторила за ним.

– Да что он, лучше что ли? – негодовал мужчина. – Зарабатывает больше меня? У него голос приятнее? В конце концов, он больше любит детей? Это не может быть. Этого не может!

– Да кто? – крикнула женщина, желая прекратить этот балаган. Она посматривала на дверь в комнату дочери время от времени, кивала головой, как делают, когда больше не хотят продолжать говорить и мечтают о тишине и одиночестве.

– Ради которого ты хочешь меня бросить? – прошептал он.

– Дурак, – ответила она ему громким шепотом. – Нет никакого другого. Да если бы даже и был.

– Так нет же? Нет?

Она покрутила головой. За этим последовал вздох облегчения. Мужчина как-то повеселел.

– Ну, слава богу. С другими сложностями обещаю справиться до следующих выходных.

– Ты не понимаешь...

Он ее не слушал.

– Съездим на курорт. Что будем в этой Москве торчать, подзагорим. Я покажу нашей малышке настоящих дельфинов. Вот она обрадуется.

– Хватит!

Женщину трясло. Она снова схватилась за тарелки, и снова мужские руки вцепились в женские, не позволив им улизнуть. Он не спрашивал ее, он приблизил ее к себе, дав возможность самой все объяснить.

– Все просто, – сказала она. – Ты слишком любишь ее.

Всего чего угодно ожидал он. Но такое объяснение выглядело смешным. Ему даже показалось глупым. Он посмотрел по сторонам и на жену, словно то, что она сказала, никто не должен услышать, а то засмеют.

– Разве это плохо? – спросил он.

– Нет, но я не могу. Когда вы вместе, у тебя такие глаза. Как в юности. Ты с ней – как со мной в молодости.

Она плакала. Он как будто онемел. Обеспечивал он ее, а то. И шуба, и хорошие места в бельэтаже. Недавно на «Лебединое озеро» ходили. Жена, полная от природы женщина, даже плакала. Хотя он всегда думал, что она на это не способна.

– Если хочешь... – сказал он, взял со стола груды тарелок и понес на кухню. Свалив всю конструкцию в раковину, он побрел в ванную, где провел последний час уходящего дня, рассматривая в зеркале свою небритую физиономию. Перед сном зашел в комнату к дочке, она уже крепко спала, поцеловал ее, и пошел на кухню греть чай.

...Через неделю нужно было съезжать. Девочка должна была узнать об этом. Можно было сказать, что у папы новая работа, и он реже будет появляться дома, но ребенок бы это не понял. Она же от отца ни на шаг не отходила. Сказали как есть. Разводятся, но каждые выходные они проводят вместе. Она сидела за столиком и рисовала дельфина, который перепрыгивает через огненное кольцо, как в цирке. На отца она не смотрела. Он собирал свои вещи и когда стал надевать обувь, девочка не выдержала:

– А ты куда?

– Я буду жить рядом.

– Но твой дельфиненок не хочет, чтобы ты плавал без меня, – крикнула она и прижалась к отцу. Она была сама не своя.

– Я тебя не отпущу, я тебя не отпущу.

В этот день он не уехал. Когда она уснула, у мужчины состоялся разговор с женщиной.

– Она не хочет, чтобы я уходил, – говорил он.

– И как ты себе это представляешь? – спрашивала она.

– Мы разведемся, но будем жить вместе.

– Да, что люди подумают?

– А мне на это наплевать. Дочка хочет, я не могу по-другому.

– Ты всегда был тряпкой.

– Возможно. Говори, что угодно.

Неожиданно появилась юная леди. Глаза ее были наполовину закрыты. Она держала в руках подушку, которую покачивала как маятник на часах.

– Вы не могли бы потише ругаться, – сказала она. – Я только начала сон видеть. Он наполовину цветной, наполовину черно-белый.

Сказала и ушла. Женщина посмотрела на мужчину и спросила:

– А вдруг я о новой жизни подумаю. Тогда что?

– Тогда и будем думать. Сядем втроем и подумаем.

– Втроем?

– Да, именно. Нас же трое.

– Ты дурак.

Наверное, он действительно ненормальный. Безумно любит свою дочь, жену, готов на все ради них. Дурак или...

– Нет, я дельфин и осьминог в одном лице.

Для себя

Азиз. Невысокого роста. Метр пятьдесят. Щупленький, говорящий невнятно, словно ему мешал язык.

С ним я познакомился на станции Белорусской. Он продавал веера и при этом так артистично показывал что ему жарко, что я невольно рассмеялся, а он, заметив, что на него положительно реагируют, оживился и стал одновременно размахивать всеми веерами, которые были зажаты в его руках, так, что он стал похож на птицу, пытающуюся взлететь.

– Не взлетишь, – сказал я.

– Да, сейчас ветер не тот, – согласился тот. – Обычно, когда южный ветер, хорошо получается подцепить воздух, а сегодня ты прав, друг, не взлечу. Правда, некоторые, особо прыткие взлетают.

Я писал книгу. В тот момент, вчера и завтра буду тоже. Я писатель. Мои книги рождаются по-разному. От вдохновения, за одну ночь, в результате похищения собственного тела примерно на год. Или же существуя здесь и сейчас.

Сейчас я видел его. Странно, но своим поведением он меня заставил не просто остановиться и забыть на время о встрече с будущей героиней своего еще не написанного, но уже прожитого романа, но и заметить в нем нечто неуловимое, что порой примечательнее, нежели явное, что можно узреть сразу. Я улыбался, и все проходящие люди – от скептиков до внимательных прохожих – кто если не покупал, то останавливался, чтобы оценить мастерство – были теми случайными прохожими, про которых я скажу на моих белых страницах, что они шли хаотично движущимися атомами, попавшими в замкнутую среду.

Я пригласил его в кафе. Я не мог слиться с толпой и уплыть в потоке, забыв про то, что я видел. Да я еще ничего не видел. Мне еще предстояло увидеть. Но сперва кафе. Он согласился, собрал свою продукцию, положил в сумку и пошел за мной. Делал он это очень бодро – видимо, устал от долгого ожидания главного покупателя, который купит все, и, несмотря на врожденный позитив, все же устал.

В кафе он разговорился. Я говорил очень мало, понимая, что времени у меня немного – ну сколько, пятнадцать минут, полчаса. А ест он очень быстро – вот и салат умял, и борщ, сейчас принялся за второе. Прожорливые герои – это накладно, но ничего не поделаешь, иначе их не разговоришь.

-У меня документов нет. На границе задержали. Сказали, что я эмигрант, провели по щеке, потом по шее автоматом. Я засмеялся – щекотно, говорю, а они так посмотрели, что у меня в боку закололо. До сих пор помню, как это происходило. Вспоминаю и невольно хватаюсь за бок. Вот и сейчас...

Он схватился за бок, скрючился, весь сжался и сделал такую гримасу на лице, что я не выдержал и рассмеялся.

Ему не повезло. Как и многим. Он был в чужом городе. Когда-то и я был на его месте, но, пройдя семь кругов, не только ада, стал чувствовать себя своим. Нашел любимое занятие, своих почитателей и своих героев, которых ищу постоянно и нахожу, потому что их так много, тех, которых так и напрашиваются, чтобы о них написали, тех несчастных, которые хотят обрести счастье, и, конечно, не сразу все получается. Есть те, которые поворачивают назад. Я их не знаю. Но те, которые не унывают, – мои герои. Они – сильны, как и я.

– Я пойду, а то меня уволят, – сказал Азиз.

Его не уволили, но через два дня он устроился работать в то самое кафе, в котором мы сидели. На пятый день его поперли.

– Они меня гонят не из кафе, а из страны, – говорил он.

Он сказал мне это за обедом. Я пришел на выходные туда, где он жил. Южное Бутово, семь минут от метро – сказал он мне по телефону. Я шел тридцать. Зелено, тишина, хороший воздух и множество людей, похожих на него. Мне показалось странным, что я, живя ближе к центру, еду на окраину, чтобы понять человека. Второе, о чем я задумался, – что я не мог с первого взгляда разгадать этого простого человека. До

этого помогало воображение – стоило только увидеть человека, как целый мир открывался передо мной, заговорить – волна, одна за другой уже не давали мне возможности видеть, они выплескивали на меня столько информации и спасибо моему ноутбуку, который всегда рядом – он жадно принимал слова, фразы, обороты, а я неумолимо от них освобождался. А здесь – какой-то тупик. Но я не отчаивался и продолжал узнавать его.

На обед был плов. За столом была семья – брат Баглан и его жена Маша.

- Подай хлеб. Не вертись, - говорила Маша Азизу. Они обращались с ним, как с ребенком. Он послушно кивал головой, не замечая этих понуканий.

Его брат был крупнее его раза в два. Он был похож на медведя, тяжело переступал и, казалось, что ему трудно ходить – чтобы сделать шаг, он весь напрягался и так тяжело вздыхал, что мысль о боли в области ног – коленей, или ягодичных мышц – были очевидны. Азиз мне рассказал и о нем. Баглан был телохранителем, потом получил серьезное ранение и стал простым охранником в магазине. Но именно там он и познакомился со своей Машулей, на которой и женился. Азизу везло меньше. Все попытки познакомиться с женским полом были бесполезны. Во-первых, он плохо разговаривал по-русски и, когда подходил к девушке, даже если у него и было что сказать, то говорил так, что та не понимала.

Он был вполне симпатичным юношей и, наверное, мог стать счастливым, если бы не его произношение. Он пытался его исправить.

- Я съел глаз лягушки, - говорил он. - Мне сказала бабка Шайыркул, что нужно съесть глаз лягушки, которая будет размером с ладонь. Как долго я выслеживал эту. А у нас так сухо, что лягушки все маленькие и чтобы найти с ладонь, нужно идти очень далеко. Но я сходил и нашел, даже больше. Потом я долго не мог решиться... ну, с глазом. Вот она живая и получается, чтобы взять глаз, нужно ее убить. А я подумал так – ее надо усыпить, я возьму у нее то, что мне нужно, и когда она проснется, то меня уже не будет. Но у меня не получилось ее усыпить – мне кажется, лягушки никогда не спят. Пришлось попросить моего друга сделать это. Так я получил глаз, но говорить лучше не стал. Видимо, что-то было не так. Наверное, глаз я должен был сам вырезать. Я стал приходить к нему в гости, записывая то, что он мне рассказывал. Как-то раз я пришел к нему – он обещал угостить особым чаем из трав.

Маша курила на кухне и писала, когда мы вошли.

- Сходи в магазин, - сказала она, протянув список. Он кивнул головой, и с чаем пришлось повременить.

Он все делал по дому: ходил в магазин, выносил мусор, пылесосил и, конечно, готовил. В это деле он был лучший. Когда на кухне шло приготовление блюда, будь то плов, суп или жаркое, невозможно было войти. Ароматы были шустрые – они сбивали с ног, были очень едкими и оставались с тобою, в одежде, надолго.

- Вкусно, - сказал я, обсасывая куриное крылышко.

- Спасибо, - сказал он и даже покраснел. Маша никогда не благодарила его за приготовленный обед или ужин.

Прошло три недели – срок немаленький. В моей книге наметилось пять героев. Я пытался параллельно искать других персонажей, но понял, что не могу этого сделать.

Я понял, что пока Азиз останется темной лошадкой, я не смогу перейти к другому.

Дома никого не было. Моя ушла к подруге, я остался дома, решив почитать книгу, которую купил накануне. Что-то мне мешало. Я открыл ноутбук, файл, названный «Человек, которому хочется жить» и стал смотреть на слова, которые там уже были. Я не вчитывался, понимая, что мне чего-то не хватает. Недолго думая я схватил трубку и стал звонить. Азиз подошел сразу.

- Чем занимаешься?

- Варю варенье из кизила.

- Для себя?

Он помедлил с ответом, потом тихо сказал:

- Нет, что ты.

Мы договорились с ним, что встретимся через два часа в скверике около метро. Он

шел по тропинке как-то медленно, был растерян и когда подошел, то я заметил, что его футболка была надета шиворот-навыворот.

– У тебя футболка..., – показал я и он, заметив свою оплошность, засмеялся.

– Я даже и не обратил внимания.

Мы сели на скамейку, и он сразу стал смотреть в одну точку на небе, словно там был кто-то, который ждал этого самого взгляда. Он неотрывно смотрел на нее и как только оторвал взгляд от нее, стал растерянным и прежним.

- Я пишу книгу о человеке, который хочет помочь всем в этой жизни. Не одному, не десятку людей, а всем. Правда, он живет в семье и старается через счастье своих домочадцев найти свое, но у него не выходит, так как он предназначен для большего. Но вот какая загвоздка – он ничего не делает для этого. Вопрос – почему? И другой вопрос – что может помочь ему?

Азиз смотрел на меня, не совсем понимая, что я от него хочу. Но, будучи от природы очень добрым человеком и не желая меня обидеть своим непониманием, он сказал:

– Он не знает как, но все время думает об этом.

– И как долго он будет думать?

– Это не знает никто.

Я понимал, что эта сторона его жизни закрыта для всех и для меня, который, как он уже понял, ищет информацию для своих романов, и ему не хотелось быть просто персонажем. В его понимании персонаж – мертвый. Мне нужно было его переубедить. И я попытался.

- Я жил в пригороде до одиннадцати лет и из всех развлечений моего детства запомнились лазание по крышам и кидание снегом в проезжающие машины. Недавно я прочитал у одного американского писателя то же самое. Он рассказал о том, как жил в ужасно скучном и тихом районе и кроме того, чтобы лазать и кидаться, ничего не помнит. Получается, я стал героем его романа. Конечно, его герой живет под другим именем, но я-то знаю, что это все про меня.

Он снова нашел в небе точку, и пусть было безоблачно, стал неотрывно следить за ней.

– А еще я любил ремонтировать свой велик. Да, меня было невозможно оторвать от этого занятия. Я часами возился с ним – модернизировал, приделывал к нему всякие штуки, менял цепи, смазывал, потом приходил домой ужасно грязным. Мама ругалась, запирала гараж, прятала ключ, но я все равно находил способ пробираться туда, к своему велосипеду. Пару лет назад я читал рассказ одного нашего автора. До этого я рассказывал ему о себе, о своем детском пристрастии и он изобразил, назвав меня Колькой, а велосипед – Генрихом.

Азиз посмотрел на меня и вздохнул. Я ждал. Он вздохнул еще раз и сказал:

– Я мечтаю о своем садике.

– Детском?

– Яблони и виноград. Персики вдоль забора, чтобы девушки, проходя, говорили о том, что здесь живет такой хороший человек. Только, чтобы они сами говорили.

Он не успел договорить. У него зазвонил телефон.

– Да. Сейчас иду. Извини, мне надо идти. Готовить плов.

Он впервые говорил о том, что ему хочется. Плов его прервал. Он как-то весь сжался, словно в этом огромном казане сидел его господин и, постукивая своим головным убором, манипулировал им.

– Мы продолжим? – спросил я. Он пожал плечами и улыбнулся. Я понял, что он имел в виду.

Думы

Поезд на Москву завершал свой ночной рейс. Синхронно позвякивали ложки в стаканах и сопели пассажиры, а некоторые из них храпели после жареной курицы и сонного пива. Два пассажира не спали. Они интеллигентно допивали бутылку коньяка и вполголоса разговаривали.

– Мне кажется, что причина нашей бессонницы прячется на дне еще одной бутылки, – говорил один, лет тридцати пяти, полный, с животиком. На нем был галстук, который уже съехал, а на рубашке наблюдались несколько пятен то ли от сала, то ли от супа в пакетиках.

– Нет, она будет лишней, – говорил второй, худощавый мужчина, лет сорока, в спортивном костюме. Они сидели на одном месте и пытались разговаривать шепотом, так как напротив кто-то спал.

– А мне кажется, что сейчас такая ситуация, когда лишний только третий, – сказал тот, что с животиком.

– Ну не знаю.

– Отставить, – я знаю. Мы же с тобой встретились где? В поезде. Правильно. Разговорились. Тоже верно. И первое и второе отметили. Гениально. Теперь нужно выпить за третье.

– За что?

– Как за что? За то, чтобы поезд благополучно доехал до нашей родины, города-героя Москву.

– Я не знаю.

– Я знаю, Федор. Положись на меня.

– Игорь.

– Знаю, Игорь. Минуточку, – сказал полный, подошел к сидению напротив, на котором мирно спал пассажир. – Извините. Изви-ни-те! Не просыпается. Крепко спит. Человек, человек! Вот, спит. А мы с ним...надо же, с ней... поступим по военному, – он приблизился к спящей, усмехнулся, посмотрел в темноту с желтыми бликами на окнах и прокричал. – Полундра!

Женщина резко вскочила, снесла со стола пустую бутылку. Та в свою очередь упала, снесла два стакана. – Что? Кого? Зачем? – кричала пассажирка.

– Вот это просыпание! – оценил полный.

– Мне кажется, ты ее напугал, – заметил худощавый.

– Да ладно, напугал. Да я и не умею. Развлек – вот это другое дело. Минуточку, – сказал мужчина и стал приподнимать сидение. Женщина была «в теле». Под статью ему. Но не сейчас.

– Да что происходит-то? – спросила женщина, еще не понимая, что происходит. Она видела в сумраке два лица – одно ухмыляющееся, другое – испуганное.

– Гражданочка, не могли бы вы подняться, чтобы мы могли взять наш чемодан? Он нам позарез нужен.

– Вот еще...

– Не понял.

– Попробуем разобраться? – спросила женщина, оттолкнув полного. Тот сел на худого, который был не в восторге от этого. Женщина была не из легких. – Сядь на свое место.

– Мое сверху.

– Помочь добраться?

– Не надо.

– А то бы я помогла. У меня на таких, как вы, чесотка правой руки начинается. Она так и просит почесать.

– Вы хотели разобраться? – напомнил худощавый,

– Я спокойно спала, мне что-то снилось, не ваше дело, что. Но сон был приятный. Мне нравится спать в поезде, такая романтика...

– Да как же без мужчины и романтика? – спросил полный.

– Вы хотели сказать, как же без секса...

– Нет, я хотел сказать без мужчины...

– Нормально, я не спала двое суток. Что смотрите? Не важно. Не спала и все. Так было нужно.

– Если было нужно, – повторил худощавый.

– И я так хорошо уснула, мне снились какие-то утки на воде, такая обычная картинка в парке. Но как было хорошо ее видеть. Мне даже показалось, что я та самая утка, и плыву, плыву... если бы не охотник, который меня выследил и не протаранил своей картечью... и бедная утка была поражена...

– Поэтично, – сказал худощавый.

– ... поэтому ваши действия до утра отменяются. Утка не в силах пошевелить крылышком.

– Минуточку. Утка, в смысле девушка, войдите в наше непростое положение. Мы труженики города Москвы, делаем наш город лучше и чище.

Она не ответила, но что-то сказала в подушку и только «Для них пить и очищать одно и то же».

– Мы сходим, – сейчас наша станция, – с досадой произнес полный. – Нас будут встречать и очень удивятся, что нас нет. А еще больше удивятся тому, что причиной была девушка, которая перекрыла доступ к нашим вещам. Друг, Коля...

– Игорь.

– Хочу тебе сказать, Игорь, что мне будет стыдно взглянуть в глаза своей жене. Она скажет, ну ты и тряпка. А я что скажу? Тряпка и есть. Но она же не знает, как я пытался, что я уговаривал эту девушку. А она...

– Не надо, вы позже меня выходите, – сказала девушка, взбила подушку так, что несколько перышек запорхало в воздухе, как мотыльки, и положила под голову. – Я слышала.

– Заговорила роща... – пропел полный, – девушка, а девушка, позвольте мне запустить руки...

– Но-но, – показала она кулак, не поворачиваясь. Мужчина посмотрел на свои руки, хлопнул и засмеялся. Тихо у него не получилось.

– Да не туда, – пробирал его смех, – куда вы сразу же подумали. У меня жена есть, и пусть вы даже очень ничего, я все же не буду злоупотреблять. Мне бы руки в свой чемодан запустить. Вот на него я виды имею.

В ответ – тишина. Мужчина прошептал:

– Девушка, я говорю, что на свой чемодан, послушайте, на свой чемодан, купленный на свои деньги, я виды имею

– Имейте дальше и не мешайте.

– У меня непредвиденные обстоятельства.

– Это какие?

– Здесь моя школьная любовь живет

– А жена как же?

– Какая жена?

– Только что о жене говорил.

– Не лезьте в мою личную жизнь. У меня может быть и жена, и любовница, и если я захочу, прямо в поезде совращу кого-нибудь. Например, Вас.

– Противно слушать.

– А почему противно? Если мне хорошо, и я делаю женщин счастливыми, целых трех, разве плохо? Вы спите. Как сели – спите, неужели не хочется поговорить, выпить с нами? Ну ладно, не пьете. Но посидеть, поделиться.

– Мне не чем с вами делиться. Да и не хочется.

– А почему?

– Вы не располагаете.

– Но я могу исправиться, – приблизился полный к девушке. – Вы только позвольте мне взять из чемодана...

– Нет, – резко сказала она. Тот снова сел и в очередной раз на худощавого. – И чтобы тихо.

– Непробивная какая, – шепотом сказал тот своему другу.

– Да, из таких женщин шпалы делать, – ответил друг. – Вот что может ее сдвинуть? – начал шептать своему соседу.

– Ничто, – среагировала девушка. – Я все слышу. И если надо, я могу крикнуть. У меня голос громкий.

– Разве что если поезд сойдет с рельс, тогда она подвинется, – предположил полный.

– Это исключено, – послышался ответ с места напротив.

– Почему? – среагировали оба.

– По кочану, молодой человек. Спите.

Обоим хотелось пить. Теперь уже и второй стал нервно дергать ногой. Если до этого инцидента он зевал и клевал носом и про вторую бутылку не хотел слышать, то сейчас худощавый нуждался в этих граммах. Поэтому и он стал поддерживать полного своими рассуждениями:

– Да, то, что поезд сойти сможет – это вряд ли. Но предположим и это. Не сходил все, не сходил, а тут – раз и сошел. Для разнообразия. Шум, началась давка. Все ищут свои вещи.

– Правильно, все смешались, и чтобы найти свой багаж, нужно перерыть один-другой, третий. Отшвырнуть один-другой. Иначе твой пропадет, наступят на него, непременно наступят.

– В такой-то давке...да уж, а если ты сервиз везешь в подарок теще или жене, тогда что?

– Нет сервиза, и бутылки коньяка тоже нет. И то и другое навсегда пропадут в перевернутом вагоне, не доехав до города двести тридцать километров.

– Но это еще ничего, главное одежду кровью не запачкать. Ведь кому больше всех везет?

– Кому?

– Тем, кто едет на второй полке. Они ведь падают сверху на лежащего снизу. А там уж берегись.

– Но знаешь, что я думаю, Фе...Игорь, тут как повезет, как повезет. А везет тому, кто полный. Вот мне бы повезло, а тебе нет, тебе лучше на верхней лежать, а мне на нижней, тогда у нас хорошее падение получится. Ты представь, что будет, если бы наоборот получилось. Я бы упал на тебя.

– Вы что...специально? – не выдержала девушка.

– Кто? – удивился полный. – Мы? Отнюдь. Мы просто предположили, как лучше лечь, чтобы остаться в живых при крушении поезда.

– Какое крушении? – заметно нервничала девушка. – Мы что, должны подвергнуться крушению?

– Нет, мы просто предположили.

– Не надо предполагать такое.

– Но как предположение это возможно.

– Не надо! – закричала девушка.

– Знаешь, – сказал полный, – что, если мы сейчас в соседний вагон сходим? Мне кажется, что вагоны расхлябаны.

– Пошли, – согласился худощавый. – А то недавно слышал про то, как один поезд два вагона потерял. Представляешь, спит дамочка, снится ей сон про дом, как она приедет, как ее встретят, а тут просыпается – в поле.

Дама перевернулась на другой бок.

– Да, все может быть. Вот мы в каком вагоне? В предпоследнем. Значит риск у нас есть.

Вагон был полон, все места были заняты. Люди не могли так долго оставаться безучастными ко всему тому, что происходит. Один из ближайших не выдержал и пробасил:

– Может быть, ему шею намылить?

– За что? – робко спросил полный.

– За то, что народ баламутишь.

– Да кто баламутит?

– Ты. Если я еще раз услышу, то милиция будет здесь вам колыбельную петь. У них есть несколько методов.

Полный откашлялся, сказал худому:

– Пошли в вагон-ресторан. Народ какой-то... злой что ли. Да и эта фурия. Не понимает шуток. У нее видимо муж – никогда не шутит. Он у нее зануда. Вот и она тоже такой стала.

– Спокойной ночи, – прошептал худой, и они пошли к выходу.

В вагоне-ресторане все спали. Они еле дозвались заспанную официантку и продекламировали:

– Нам бы по сто.

– Много, – повертел головой худощавый.

– По двести, – правильно, друг, – друг кивнул головой и добавил, – Только стаканы помойте.

– Водки? – спросила девушка с мешками под глазами.

– Нет, квасу, градусов под сорок, – отрезал полный, но худощавый улыбнулся и сказал,

– По двести того особого квасу и закуску.

– Из закуски у нас – сельдь, нарезка, – сказала девушка. – Горячее нужно будет подождать. Примерно полчаса.

– А мы куда не торопимся, – сказал полный и хлопнул худого по плечу. Тот дрогнул и нервно засмеялся. – Может быть с нами, девушка?

– Нет, я на работе, – сказала девушка и убежала. Полный посмотрел ей вслед, вздохнул и стал говорить более раскованно, нежели на своем купленном месте, среди спящего поезда.

– Вот люди, – говорил он. – Скучные. Раньше, бывало, едешь. Достоешь коньяк, появляется один, другой, гитара, и едешь весело. Ночь не спишь, под утро кемаришь. Нет, сейчас все какие-то зажатые стали.

– Такие попались, – сказал худощавый.

– Нет, Федя.

– Игорь.

– Да, Игорь. Они, брат, мутировали.

Прибежала официантка, поставила графин, рюмки, нарезку.

– Может быть...? – она повертела головой.

– Сейчас кругом скука. Едут, жрут, говорят о чем-то и зевают. Да разве можно? Мы когда три дня на Север ехали, то глаз не сомкнули – говорили, наговориться не могли. Мечтали. А сейчас нет этих мечтателей.

– Они есть, только они другими поездами ездят.

– Не прав ты. Нет их уже. Они остались в прошлом. И не вернуть их.

– Не надо о грустном.

– Ты прав. Выпьем за тех, кто в мо... где бы они ни были, пусть объявятся. За это, в общем.

– За это, – они выпили, потом еще, говорили о народе, о том, что тот хороший люд, добрый, говорящий по душам, весь вымер, и его не найти, разве что в самых глубинках. И что, наверное, стоит туда ездить чаще. Но все некогда. А нужно найти время. И когда они пили за время, точнее, за сбрую и узду под время, худощавый изменился в лице, прошептал, – Смотри. Они...

– Кто они? – переспросил полный.

– Мечтатели. Да не шучу я.

В дверях показался проводник, за ним стояла женщина в халате, мужчина и еще один... небритый человек.

– Чего это вы? – недоумевал полный. Они молчали, не решались начать. – Выпить хотите? Так это мы сейчас. Девушка, девушка, нам бы.

– Не надо.

– Тогда чего?

– Он еще спрашивает чего пришли, – возмутилась девушка. – Кто нам плел, что поезд

сойдет с рельс?

– Не помню, – пожал плечами полный.

– И я не помню, – покрутил головой худощавый.

– Сейчас ты у меня вспомнишь, – заговорил крепкий мужчина с густым ворсом на груди.

– Да я же просто предположил, – оправдывался полный. – У меня фантазия богатая. И в поезде она особенно дает о себе знать. Этот железнодорожный ход – он какой-то особенный. Он возбуждает мозг и освобождает самые невиданные мысли. Это была одна из многих.

– Ты чего? – протискивалась к нему женщина с растрепанными волосами вишневого цвета. Ее задержали, но она продолжала тянуться и кричать. – У меня же ребенок. Он очень пугливый. Да я тебя сейчас с поезда скину. В снега, чтобы ты там возбуждался.

– Ну что вы такое говорите? – запричитал полный. – Мы же интеллигентные люди. Могли бы все давно решить. Но раз нет, то давайте по-другому. А как же? Меня обидели, я что должен проглотить и уйти. Нет. Я так не могу. Поэтому я и сказал про крушение. Точнее, пошутил. Да, по-черному. Но по-другому вас не пронять. А за жизнь вы вцепитесь в любом случае. Да мне откуда знать, кто пугливый, а кто нет. Да мне на это, честно вам скажу....

– Я ему сам врежу, – сказал мужчина с ворсом. – За всех.

– Не надо, – остановил его и женщину проводник. – Сейчас разберемся.

– Правильно, – согласился полный. – Нужно разобраться, а потом с кулаками. А то решили сперва отмутузить, а потом поинтересоваться, надо ли было.

– Надо, – прокомментировала девушка – виновница всего происшествия.

– Повторяю для тех, кто очень крепко спал. Мы разговаривали. Простой дорожный разговор, который впоследствии также легко забывается.

– Я как подумаю, что буду погребена..., – медленно проговорила виновница.

– А меня после того, как я услышал про вагон, колотит, – донеслось за спиной у небритого пассажира.

– Хватит! – воскликнул полный мужчина. – Я тоже пострадал. У меня инсульт. Я только что из дома отдыха еду. Думал, все в порядке, вылечился. Сейчас сижу и чувствую, сердце то барахлит. Заколело, будь оно неладно. А ведь не колело. Не было этого. Как будто не отдыхал совсем.

– Все вы одинаковые, мужчины, – настоятельно сказала девушка (виновница). – Чуть что, так сердце.

– Скажите, девушка, почему вы нам сразу не дали... возможность взять чемодан? Тогда бы всего этого не случилось. Все бы спокойно спали, а мы бы мирно пили бутылку и разговаривали с Игорем.

– Меня-то чего разбудили? – воскликнул проводник. – Я два месяца дома не был, и вы что думаете – оригиналы? Туда ехали с песнями, медовым месяцем и запуском змея, живого, весь вагон бегал, а обратно с террористами.

– Какими террористами? – воскликнул худощавый.

– Натуральными, – продолжал седой мужчина с очень усталыми глазами в униформе.

– Которые за бутылку беленькой готовы поезд под откос пустить.

– Да нужен мне ваш поезд, – обижаясь, сказал полный. Девушка с вишневыми волосами нервно дернулась, стукнула по столу и попала в тарелку с нарезкой. Ее пальцы прихватили кусочек сельди и колечко лука.

– Им нужно было меня доконать. В Самаре передо мной один выкаблучивался, а тут целых двое.

– Так ты что, мстила нам? – догадался худощавый.

– Не то чтобы, но вы меня разозлили, – сказала девушка и стала искать салфетки на столе. Салфеток не было.

– Да ты что? Тебе значит какой-то там отказал, а ты на нас всех бешеных собак и спустила? Так что ли?

– Вы первые начали.

– То, что мы, точнее я, себя повел нехорошо – за это я, конечно, извинюсь, мне это не

трудно. Меня волнует другое – неужели вы нас не пустили к этой самой бутылке, потому что там какой-то дьявол тебе слово какое-то там нехорошее сказал. Неужели такая причина возможна?

– Не знаю.

– То есть такое возможно. Я не могу понять. Неужели месть может переходить от одного к другому. Я еще понимаю, когда ты обиделась на мужика и ему же мстишь, но когда месть человеку, которого ты в первый и последний раз видишь...

– Да ладно, давайте спать, – сказал проводник. Полный мужчина послушно пошел успокаивать сердце, за ним последовали другие, на втором и третьем плане. Но худощавый, наверное, самый чувствительный, не мог успокоиться.

– Нет, какой тут может быть сон? И что ты предлагаешь? Передавать месть, как эстафетную палочку – приеду домой – передам жене, она – сыну, тот во дворе – кому-нибудь, а потом этот кто-нибудь – в школе учителю, тот – прохожему, и этот прохожий сорвется и подложит настоящую бомбу? И тогда не шутка. Тогда действительно произойдет нечто похожее на терроризм.

– Ты успокойся, дружище, – говорил полный. – Сейчас выпьем и забудем эту женщину, этот дом... где эта улица, где этот дом, где эта девушка...

– Не могу.

– Выпей.

– Не получается.

Худощавый мужчина рухнул, как подкошенный, на стол и под крики официантки и всех присутствующих женщин скатился на пол.

– Я не хотела, – произнесла виновница. Она первая бросилась к нему, не зная, что делать, повернулась к стоящим.

– Что с ним?

Полный бросился к груди худощавому, расстегнул ему рубашку, приник к груди, слушая, потом резко взял руку, стал прощупывать пульс, потом снова к груди, побагровел, произнес:

– Он не дышит.

– Не может быть, – крикнула девушка, официантка уже несла воды, а мужчина с густым ворсом на груди, еще не успев уйти из вагона-ресторана, испуганно смотрел на всех, как на банду соучастников.

Виновница прикоснулась к груди лежащего и ничего – сердце не билось.

– Я же не хотела, – зарыдала она. – Не хотела.

Полный стал делать ему искусственное дыхание, к нему присоединилась девушка, официантка брызгала водой – все пытались помочь, но все было тщетно – сердце уже не билось.

– Прибываем, – прозвучал голос за спиной. И все засуетились. Народ замер. Они понимали, что были одной командой, пока ехали, и то, что в какой-то степени ответственны за этого человека, который так и не смог повеселиться с теми людьми, которых, по его мнению, уже нет. Хотя сейчас, наверное, встретит и повеселиться... Но пассажиры думали о другом – вернулись не все, и есть в этом и их вина. Но разве узнают об этом его родственники. Нет, они не будут знать, что с ним ехала женщина, которая была одержима местью, они подумают, что сердце отказало из-за коньяка, хотя вторую бутылку ему так и не пришлось выпить.

– Немного не доехал, – сказал полный.

– Его будут встречать или нет? – спросил проводник.

– Нет, сказал, что хочет сделать сюрприз.

– Да, сюрприз получился знатный.

– Не то слово.

Духовное метро

Виталик впервые вошел в метро. Он долго слонялся около входа, зачем-то взял целую пачку листовок у долговязого промоутера с бородой как у Иисуса, и, спустившись на три ступени, вернулся, постоял минуту, наблюдая за конвейером людей, зашел в ближайший магазин, где положил треугольные бумажки с рекламой английских курсов на столик и стал изучать уголок покупателя.

– В чем дело, молодой человек? – спросила пышная женщина за прилавком. Парень вздрогнул. Это так неожиданно, в магазине никого не было, кроме тучного кассира, его, да еще в винно-водочном отделе стоял мужчина, примериваясь, на что бы хватило имеющейся в кармане мелочи.

– Все в порядке, – ответил молодой человек, думая, что женщина отстанет и переметнется на того, что гремит бутылками в отделе, чего доброго уронит, но тот объект ее мало интересовал. Она не поленилась выйти из-за прилавка, подойти к Виталику и лоб в лоб спросить:

– Почему же вы так страстно смотрите на жалобную книгу, будто хотите написать в нее парочку слов? А?

От нее пахло чесноком и копченым салом.

– Я ничего не хочу... – ответил парень, и хотел объяснить, для чего он зашел, но женщина уже не могла сдерживать себя:

– А мне кажется, хотите. Это у вас и на лице написано. Только вы не спросите, отчего этот магазин пользуется дурной молвой? Не я же ее создаю. Не обсчитываю народ, хоть и следовало бы. Некоторых так и хочется обсчитать, но нет, совесть не позволяет. Да и только. Не моя вина, что товар такой привозят. Не я же его заказываю. И то, что из ассортимента только водка и хлеб, да и последний в качестве проигрывает.

– Я вам уже сказал... – попытался Виталик.

– Лучше бы ты сказал спасибо.

– Мне нужно идти. За что спасибо? Хорошо, спасибо. Не слышно? Спасибо. Я опаздываю.

Он выскочил на улицу. Там – воздух и нет такого отношения. Он отошел на значительное расстояние от магазина, посмотрел на спускающийся в подземку народ и все понял. По-другому и быть не должно.

Виталик действительно опаздывал. У него был четкий план, он его не мог не соблюдать, так как на кон поставлены человеческие жизни. Он знал, что утром нужно рано вставать, а вечером ложиться тоже как можно раньше, чтобы проснуться раньше и быть свежим для работы. На зеркале или холодильнике был прикреплен маршрут его пути. Путь от одной квартиры к другой с авоськами, полных молочной, хлебной продукции и макаронных изделий. Мама оставляла список, а Виталик ходил по магазинам и разносил продукты по адресатам. Он был волонтером. До этого была школа, полгода не мог выйти из депрессии после смерти сестры, школу ему помогли окончить, а институт он уже не потянул. Нагрузка. Не в физическом плане – он ежедневно носил по пять-шесть килограммов, а скорее, в психологическом. Сестра для него была всем, даже мама к нему так не относилась, как Эвелина. Она всегда знала, что он хочет, понимала с полуслова. Вместе они рисовали, пекли пирожки и навещали пожилых людей, но тогда только так, чтобы не было скучно. Развлекали их, показывали кукольные спектакли, сценки, специально придуманные, по поводу и без. Например, в сильный дождь или просто пасмурную погоду, когда у большинства пожилых людей кости начинают взывать, они приносили кассету с хорошим фильмом, видеомэгафон, если надо, и смотрели, живо обсуждая каждый эпизод. А во время сильного снегопада она расчищала дорожки и сыпала их песком, но не просто сыпала, но и выкладывала из него орнаменты, что, когда человек выходил из дома, ему казалось, что он идет по ковру. Потом она придумала носить продукты. Как-то ночью подняв всех, огласила – я хочу помогать нашим соседям, но не так как раньше. Он помнил родительское непонимание. Но потом все осознали, что она хотела. И стала это делать. Все включились. Тогда Виталик не совсем это понимал, может быть,

она бы тогда и не попала в метро и не стало ей плохо. Он не знал, кого винить. Знал одно: что будет продолжать это делать, покуда сам не состарится. Вот только кто ему будет носить? Ладно, об этом рано думать.

Виталик носил продукты пенсионерам, в основном тем, кто жил недалеко, в районе Царицыно. Его любили и он, оказавшийся в свои восемнадцать разносчиком продуктов, был доволен. Старушки радушно встречали, чтобы угостить и напоить чаем, а старики, чтобы потолковать с ним о разном. Например, об аномальной жаре и где от нее скрываться.

– В метро, – тихо говорил он. У него был глухой, едва слышимый голос, но в его глазах читалась та мощь и энергия, которую нельзя сразу увидеть, при первом взгляде. Неспростая тема подземки его немного коробила. Сам он никогда туда не спускался. Ни разу в жизни. Он не любил метро. Была веская причина. Его сестра как-то зашла туда и не вернулась. Стало душно, и пока ее вынесли на поверхность, было поздно. Он панически боялся повторения.

– Можно и на транспорте передвигаться, – всегда говорил он, и уже привык к остановкам, что казалось, спроси его, знает ли, что в городе есть метро, он пожмет плечами и скажет: – Какое метро? Ни о каком метро я не знаю. Разве его не засыпали? В тот день ему нужно было сделать три рейда. Но перед этим ночью он долго не мог уснуть. У одного старика, к которому он ходил на протяжении полугода, отнимались ноги, и ему нужно всегда вовремя приносить еду, потом помогать, чтобы поел и принял лекарства, а то он будет не в порядке весь день. Жил он один, в двух остановках от Виталика. Ночью ему мерещилось такая картина – старик одну за другой выпивает склянки со всякой аптечной снедью и корчится в муках. Еще будучи у старика дома, парень заметил, что глядя на него у него содрогается сердце – глубокие морщины, совершенно худой – кожа да кости и грустные глаза. И смотреть в эти глаза – это обрекать себя на бессонницу. В них столько было написано... Если два старика, к которым он ходил по понедельникам и средам – Миколай и Афоня – были болтливы и как только приходил Виталик обсуждали с ним все, что читали, смотрели и думали, то этот молчал. За него говорили его глаза.

Виталик вошел в автобус, сел на свободное место и, понимая, что две остановки – это как минимум семь минут, закрыл глаза. Он редко спал в транспорте, но сегодня почувствовал такую усталость, вероятно, от разговора с мамой. Она спрашивала его, точно ли он хочет заниматься этим. – От стариков, – она сказала, – не всегда хорошая энергетика, чего доброго, нахватаешься и будешь себя плохо чувствовать. На что он ответил, что только от него зависит, какая энергетика будет у них. И это была правда. Все пенсионеры, к которым он ходил, чувствовали себя неважно. Большинство имело целый букет разных болезней, порой хронических, поэтому их настроение Виталику было понятно. Другое дело – если они все время были такими. Но таких не было. Если он сперва кричит, что всю ночь ему снились духи его бывших жен и они мешали ему, то через некоторое время, после того, как Виталик проветривал помещение, готовил завтрак, хоть это и не входило в круг его обязанностей, но ему самому хотелось это делать, старик менялся. Конечно, были разные крикуны, ворчали, что молочный пакет немного смятый, да и хлеб вчерашний, а он отвечал, что если тот хочет, то он сходит и поменяет, и крикуны преображались. Не нравилась кому-то сметана, он шел и менял ее. Не подошел пакет с сахаром или количество спичек не в достатке – без разговоров шел и обменивал. Попадались разные продавщицы, не все положительно относились к его выходкам. Они же не могли догадаться, что это не совсем его выходки, а скорее того деда или бабки, но не говорил об этом, принимая весь огонь на себя.

– Такой молодой, а уже в навозе возится, – говорила одна, развлекая персонал. Виталик молчал, ждал, когда отпустят обменный товар, и несколько раз, когда брать отказывались, покупал продукты на свои деньги. Мама обращала внимание, что в холодильнике стоят продукты в избытке, и все понимала.

Автобус ехал, провозжая остановки одну за другой. Со времени, когда он закрыл глаза, прошло... он не помнил. Когда же он их открыл, автобус ехал районе Чертаново. Виталик аж подпрыгнул. Проехал свою остановку! Что же делать? Он пробежал по

салону к выходу, нажал на кнопку остановки, водитель остановил, он сошел по ступенькам и оказался около киоска с лотерейными билетами.

– Что же это со мной сегодня? – нервно шевелил он губами. – Никогда же не опаздывал. А я и не могу себе это позволить. Роскошь какая, опоздать.

На часах было четверть первого. Он спал сорок пять минут. Если ехать обратно, то еще тридцать пять. Слишком поздно. Вдалеке краснели два холмика. Метро.

– Десять минут и я там.

Но перспектива оказаться внизу, там, где таилась странная неведомая сила, готовая и помогать, и в то же время забирающая силы и жизни, его не прельщала. Первая попытка не увенчалась успехом. Ситуация в магазине с продавщицей его смутила, но не настолько, пусть она и успела выплеснуть на него столько неприятных фраз, что покраснела в лице, а он же молчал, видимо, закаленный в таких обстрелах (обменивая товар для своих пенсионеров). Он вышел из магазина. Около лестницы сидела мышь, уткнувшись носом в раскаленный асфальт. Он вздрогнул, не ожидая, что такое может быть в городе, и машинально пошел от этого места, сам того не подозревая, как ноги оказались на лестнице, ведущей вниз.

– Да, мне же надо, – прошептал он. Девушка с очень длинными волосами, собранными в башню на голове, показалась из перехода. Она, улыбаясь, говорила по телефону какие-то нежности. Если бы в тот момент из подземки вынырнул грустный парень или женщина с тремя сумками и кирпичным лицом, то он бы еще посомневался. Но эта девушка с башней внушила доверие.

– Она улыбается, – сказал себе Виталик. – Значит все не так уж и плохо. Значит, она чувствует себя хорошо. Признаков усталости не видно.

Таким образом, он себя подбадривал.

Как только он спустился на первую ступеньку, то столкнулся с полным мужчиной, волочащим огромный чемодан, на второй замер, вдыхая запах железнодорожной пыли, от чего был снова встречен, на этот раз бабулей с тележкой. И так на каждой ступеньке было какое-то препятствие, что-то обязательно ему мешало, и даже когда было свободно, казалось бы, иди, но нет, внутренне он чувствовал, что не может. Когда он оказался внизу, свернул за угол по направлению к входу в «другой мир», и только он провернул опасную двухстороннюю дверцу, как волна в количестве раз, два, пять, семь, двенадцать...да сколько их там...его пронесла, сжала и вытолкнула на поверхность. У него дух захватило, и только он хотел войти снова, как мужчина с большим кожаным чемоданом, оттиснув его, пронесся мимо, задев острым углом Виталика за ногу. Немного было больно, он и не предполагал, что будет так. Неожиданность была во всем – и в проходящих, спешащих по двое-трое, озирающихся по сторонам.

– Молодой человек вы туда или сюда?

– Стоит, понимаете ли.

– Вот молодежь пошла.

– Здесь же русским языком написано «входа нет». А он что – не видит? Еще напирает как.

– Не знаешь как, не ездил.

– Но я же...

Ему не дали сказать. Толпа неслась дальше, а Виталик прислонился к колонне и, как запоминают номер удаляющейся машины, чтобы потом сообщить о ней, или просто так, на всякий случай, он заметил белый воротничок и седину редких волос. Со спины он был похож на любого старика, к которому он ходил по понедельникам и средам. Со стороны многие люди напоминают нам близких, и если не нарушать тот барьер, который обычно бывает между знакомыми людьми, то он, незнакомец, так же и остается – приятным довольно милым человеком, напоминающим отца.

– А тот похож на моего друга, у него улыбка такая же яркая. Правда, сейчас он не улыбается, но рассмешить его ничего не стоит, это чувствуется.

Настроение его улучшилось, вокруг него были «родственники». Он купил билет и долго не мог решиться, прислонить его к турникету, пройдя который, он уже не сможет

вернуться, или нет. Часы тикали. Он знал это и уже не смотрел на наручные часы, которые еще больше будут взывать о скорости передвижения. Он прошел этот участок и встал на эскалатор.

– Женщины, мужчины, пожилые люди, дети, молодежь, все чувствуют себя хорошо, – заметил он. Никто даже не кашляет.

Правда, он старался не дышать. Этот солоноватый холодный воздух казался ему опасным, поэтому он старался вдыхать через раз.

Перед вагоном стояли люди. Поток людей, который застыл на мгновение, чтобы продолжить свое торопливое движение после прихода железного волка. Народ не разговаривал. Все стояли и смотрели в отверстие в туннеле, словно это был своего рода ритуал. Виталик подошел к белой полосе. Сердце прыгало, спина стала влажной. В пяти километрах был дом, там стоял диван и столик, на котором он совсем недавно пил чай с булочками и смотрел КВН, не думая о черной дыре, откуда сейчас должен был выползти этот монстр. Здесь все было по-другому. Мама говорила, что в тот роковой день у Эвелины был выбор – она хотела проехать все расстояние на трамвае, но испугалась пробок и холодного воздуха. В метро зимой жарко, и она предпочитала тепло, нежели холод.

Из туннеля показались яркие вспышки света, загрохотали вагоны, взлохматились волосы, Виталик закрыл лицо руками, весь напрягся и похолодел. Поезд подъехал, объявили станцию.

– Молодой человек, вы туда или... – услышал он за спиной голос. – Вперед надо смотреть.

Опять этот «воротничок». Виталику не хотелось снова встречаться с ним, поэтому он поторопился войти в вагон, пройти сквозь плотно стоящих людей – полного парня, так что тому пришлось втянуть живот – и женщину с пачкой бумаги в руках. Последнюю ему не удалось пройти, но, как бы ни хотелось ему поворачиваться, он должен был это сделать, так стоять лицом к лицу с женщиной было не очень удобно. Только он повернулся, естественно, встретился лицом с нежелательным пассажиром. Тот, конечно же, его узнал и тут же начал:

– Ах, это снова вы... ну что же вы такой неповоротливый?

– Не надо... – Виталику стало нехорошо. Он достал из карманы конфету, развернул и положил под язык, как таблетку валидола. Мята успокаивала и немного раздражала язык. Наседавший продолжал говорить свое, при этом так распинался, что брызгал слюной во всем радиусе Виталькиного лица.

– Что не надо? А когда надо будет? Сегодня не надо, а завтра как будто будет нужно. Так нет же. Вы через год, да что там через десять лет будет напирать и вести себя как оглобля. Еще конфету сосет, как маленький. Соску нашел. Посмотрите, от титьки не успел оторваться, как возражать пытается.

Поезд остановился на станции, при этом так дернулся, что Виталик не справился с равновесием, упал на пышную женщину и вцепился ей в сумку, чтобы устоять. Та нервно отдернула от него свое имущество и оттолкнула молодого человека. Тот отпрянул и, вцепившись в поручень, зафиксировал себя в таком положении. Но тут наступила другая напасть – он подавился, стал кашлять. Конфета застряла в горле и мешала дышать. Все наблюдали за его попытками восстановить былое состояние. Воротничок брезгливо хмыкал. Народ смотрел прежде всего на Виталика. Он почувствовал, что окружающие сочувствуют скорее этому воротничку, чем парню, впервые вошедшему в метро. Об этом они не знали и поэтому назидательно смотрели прежде всего на молодого человека. Воротничок продолжал, подождав, пока Виталик восстановится:

– Юморист. Это скажи спасибо, что я тебе повстречался. Попался бы тебе старик какой, он бы тебе все бока намял. Хотя ты уже получил свое. Будешь знать, как вести себя.

– Извините, – сказал молодой человек, надеясь, что его воспитанность хоть как-то повлияет на этого субъекта и тот перестанет на него давить.

– Он извиняется, – громко сказал мужчина. – Да что мне твои извинения? Тьфу, на

ладошку. От этого ты не изменишься. Ой, нет. Наверняка же смеешься про себя, мол, достал мужик, врезать бы ему. А?

– Не думаю я так, – возразил парень. Ему хотелось как можно скорее выйти из этого вагона, поехать в неизвестном направлении, главное, чтобы не слышать этих слов, которых он не заслуживал.

– Думаешь, конечно, – продолжал наседать воротничок. – Если думаешь, то давай. Вмажь, а потом мы посмотрим, что народ на это скажет. Тогда мы узнаем, что он думает о таких, как ты.

Виталику стало дурно. Перед глазами появились круги. Этот мужчина мнился ему монстром, который один на весь поезд послан, чтобы искать среди толпы самых слабых и забирать у них силу. Не было ли его в тот день?

– Вы меня не знаете, – сказал молодой человек. – Зачем говорить, если не знаешь. Не понимаю.

– Да что вас знать? – встrepенулся тот. Было в нем что-то петушиное. – У тебя же все на лбу написано.

Народ оживился, но не торопился вмешиваться. Со стороны казалось, что два знакомых человека, почти родных, что-то не поделили. Слишком уж дивно протекала у них беседа, поэтому считали, что сами разберутся. Виталика это покорило, и он, как мог, отбивался.

– Что у меня написано?

– Что ты лодырь, что едешь по пустякам, – трещал воротничок. – Транжиришь время, занимаешь место, нервируешь без толку людей.

– А если нет? – заорал Виталик так, что все без ограничения посмотрели на него – он, думая, что дождался сочувствия, но в этих глазах было больше непонимания и брезгливости. Дескать, может, хватит, мы тут едем по важному делу, не катаемся, как ты. – Если и я еду по важному делу, тогда что?

– Вряд ли, – сказал седой мужчина, почесывая свой плешивый затылок.

– Но все же? – настаивал Виталик, пытаясь в этой замкнутой атмосфере, поймать то свободное ощущение, которое дается каждому, который ездит в метро. Он, можно сказать, это самое ощущение вместе с билетом покупает.

– Ну, если предположить..., – начал цинично выражаться этот агрессор, гипотетически, что ты едешь по важному делу, только предположить, то я бы...ну не знаю, извинился что ли.

Виталику очень хотелось заставить людей поверить, что он едет по серьезному делу, что его ждет старик и что если он не приедет во время, то...что могло случиться, он не хотел думать. Знал, что будет непоправимо, но что именно будет, не хотел даже предположить. Правда, не сразу смог сказать об этом. Пока он собирался, воротничок опередил его:

– Что молчишь, суся? Знал я, что он пустомеля. Таких, как этот молокосос, земля носит и принимает, хотя, как вы заметили, отторгает. Все не просто так. Вот я академик и своих студентов учу смотреть вперед, не оглядываясь назад. Это означает, что есть те, кто живет и крутит землю своим движением ног, а есть те, кто тормозит своим раздумием. Говорят, духовности в мире мало. Да откуда же ее ждать? Если вагоны заполняются такими неповоротливыми существами. Один притормозил, другой – и вот уже сотни людей опоздали на работу, вот. А если они опоздали, то значит и производительность будет ниже, а если так, то и экономика. А как связана экономическое положение с внутренними каналами, по которым и течет наша гордость. За наш народ, за страну. Чему течь?

Виталик молчал. Объяснения у него были, но говорить об этом не хотелось.

Воротничок говорил очень убедительно и никто не хотел возражать – то ли от страха перед продолжением его рассуждений, то ли они были слишком интеллигентны, чтобы не вмешиваться. Разве что старушка качала головой, четверо подростков смеялись таким безудержным смехом, что хватались за поручни, друг за друга, едва не падая на стоящих людей. Он дождался, когда двери откроются, и выскочил из вагона.

– Что происходит? – думал он. Что стало с людьми? Что я ему сделал? Может быть, он

совершенно другой в жизни, и этот инцидент – лишь причина самой подземки, ее диагноз. Поэтому винить их в этом или само место, к которому он не знал, как относиться – с недоверием, непониманием, с исторической опаской. Все равно, первое впечатление – самое важное. Если девушка с башней на голове была положительным прогнозом, то все дальнейшие сулили непогоду. Виталик едва мог унять дрожь в руках. – Буду ездить на автобусе, – думал он. – Только на автобусе. И ничего, что опоздаю. Давка была и в автобусе. Но эта давка была какой-то мягкой, родной. Все теснились обоюдно, без сопротивления. Он подошел к автобусу и замер на ступеньке, вспоминая утро.

– Молодой человек, вы туда или сюда?

У Виталика все похолодело. Он осторожно оглянулся и увидел.... молодого человека с собакой породы ризеншнауцер, которая тыкалась носом ему в ногу.

– Так вы сюда или... – повторил тот.

– Я сюда, – уверенно сказал Виталик и вошел в салон.

– Только троллейбус и трамвай, – думал он. – Здесь более уютно и, наверное, привычно. Он стоял, уткнувшись в рюкзак, от которого несло частично копотью и удушливыми цветами. Он закрыл глаза только на мгновение. – Только не спать, – встряхнул он голову и посмотрел на окружение. Спали трое из видимого окружения. Девушка с плеером и длинными волосами, которые закрывали лицо, бабушка с корзиной, в которой копошился, по всей видимости, котенок и дед, опирающийся на трость с таким напряжением, что вздувались вены на шее. Автобус дернуло, еще раз, прижался к обочине и остановился.

– Сломался, гремучий корень, – проворчала бабка, интеллигентная женщина запыкала кнопками и стала жаловаться своему другу о происшествии.

– Сейчас все сделаем, – сказал водитель. – Только не расходитесь. Представление еще не окончилось.

Налаживал он минут пятнадцать – все время ругался, заставляя весь салон оценить его способности в крепком словце. Точнее, через пятнадцать минут он зашел в салон, вынул сигарету, закурил и выдохнул: «приехали». Народ вытек на улицу. Кто стал ждать следующий автобус, кто пошел пешком, кто-то ловил попутку.

Виталик понимал, что единственное спасение было рядом. Справа был торговый центр «Эйфория», слева кинотеатр, прямо – станция метро.

Виталик вошел в метро второй раз. Волна мягко пронеслась мимо него. Он смело шел по ступенькам и теперь волна, идущая навстречу, искала маршруты обгона объезда, . Он же шел твердо и не думал о выходящих как о препятствии. И как только он оказался перед дверьми входа в «другой мир», он застыл. Но остановился он не потому, что смутился или испугался чего-то. Впереди него стояла женщина и мешкалась.

– Вы туда или сюда, – сказал он с полным правом уже не новичка в этом месте. На что она вздрогнула и произнесла:

– Да-да, я сюда.

Через пятнадцать минут Виталик распаковывал продукты и благодарный старичок улыбался молодому человеку, его грустные глаза в эти мгновения тоже улыбались.

Знакомство вслепую

– Все в масках. Полундра. Кто же из них... кто? Эта блондинка али та, брюнетка. Тут и к старухе ненароком подойти можно. Все вырядились, как гейши.

Так я думал в среду вечером. Во вторник я был дома и в понедельник. На выходные хотелось уехать, но я не видел в этом смысла.

Второй день Москва дымилась. За окном красовалась пушистая мгла, где все напоминало замороженные, покрытые инеем или пылью предметы мебели в заброшенном доме. В нем были серые, покрытые вчерашней штукатуркой стены, со следами (тенями) стоящих столов, коробок, лестниц, мостов, и где-то на потолке маячил бело-желтый кружок солнца, освещающий весь дом неприятным светом. Все

ждали, когда этот кружок закатится за горизонт и наступит ночь. В темноте этот дом выглядел не так устрашающе.

Все сидели в коробках и только самые редкие, нацепив маски, шли к своей цели, все равно успев по дороге наглотаться угарного газа и проклясть все на свете, в том числе и город, и создателя машин и, наверное, все то, что было создано на земле. Я висел в интернете, на окне висела мокрая простынь, периодически смачиваемая водой, и лениво общался с теми, кто предпочел четыре стены прогулке вслепую.

– Что у тебя за окном?

– Снег.

– И у меня. С рисунками на окнах?

– Да. И с воробьями.

Наверное, говорить о снеге в жаркий августовский вечер – тема не самая подходящая, но мне было все равно, я лениво нажимал на кнопки, механически отвечал на вопросы и даже порой не задумывался об адресате. Я разминал пальцы и давал себе какое-то занятие. При этом параллельно смотрел на экран телевизора – ранний фильм Хичкока – и посматривал за окно, чтобы быть в курсе всех перемен. Окно у меня было большое, и пропустить что-то грандиозное я не мог. За последние двадцать лет кроме запуска петард и выпавшей собачки из дерева я ничего не заметил, но не унывал. Ноутбук нагрелся, рядом стоял стакан с соком. Родные улетели отдыхать, оставив меня в этих нечеловеческих условиях.

– Сколько кондиционеров спасут город?

– Много маленьких или один большой.

– А вентиляторов?

– Еще больше.

– А дуновений?

Было жарко. Тело перестало дышать – оно было замуровано в оболочку из пыли и реагировало вяло. Дороги было две – в сон или тоскливое времяпрепровождение. Хорошо, что были каникулы, и еще далеко до первой пары, где каждый будет распинаться, как он лучше провел время в этой парилке.

– Ты дышишь?

– Перестаю.

– Я тоже.

– Главное – дотянуть до зимы.

– Ты любишь гулять?

– Да.

– Погуляем?

Если бы этот вопрос я услышал в любой другой день, я бы, недолго думая, согласился, но сегодня меня смущала перспектива быть прокопченным торфяным воздухом и стать одним из посетителей больницы, если не ожогового центра.

– Ты знаешь, что на улице творится?

– Тополиный пух.

– Ты что, в прошлом?

– Наверное. Единственное, что я вижу – это пух и желание в него погрузиться.

– А мне не хочется.

– Тогда пока, – написала она и исчезла.

Время девять. Самое пассивное время, если ты дома. Позвать друзей – не вариант. Все живут в разных районах города, да и кто согласится перемещаться сегодня. Разве что посулить им что-то. Например, кальян. О чем это я? Тьфу, тьфу. И так, дыма предостаточно. Нужно сходить за пивом. Вообще в такое время полезнее всего именно пить алкогольные напитки, они выводят все шлаки и все то, чем мы сейчас дышим.

– Где сейчас лучше всего?

– В бане. Картина там похожая, зато воздух лучше.

– А по мне лучше всего рыбам и червякам. Те и другие далеко, точнее, глубоко от этих катаклизмов.

Я взял пару бутылок в киоске в двух шагах от дома. Скучающая продавщица в маске не

хотела открывать, разве что если у меня будет без сдачи. У подъезда стоял фыркающий джип. В этом тумане он напоминал космический корабль. Из него вышел крупный мужчина.

– Это дом пятнадцать, Донского, так?

– Нет, – сказал я, – Семнадцать. Пятнадцатый прямо за магазином.

Мужчина выругался, откашлялся и запрыгнул в машину и поехал в указанном направлении. Я вошел в квартиру, несколько лоскутков неприятного состава проникли сквозь простыню. Я смочил ее настолько, что она стала походить на прохудившуюся крышу во время дождя.

– Ты не пытался сейчас выйти из дома?

– Нет.

– Не лукавь.

– Но я действительно не хотел сегодня выходить. У меня есть свидетели. Их несколько миллионов.

– Вот как.

Странная дамочка. Называет себя ФМ и скрывается под анимационной лисичкой. В этот вечер она больше не появилась. Напрасно я ждал ее у монитора, еще пару раз выходил во двор, на этот раз никого не встречал, только дальние силуэты двигались в мою сторону, вызывая содрогание, от чего я торопливо взбегал по лестнице и нервно открывал и потом захлопывал дверь.

– Сколько стоит килограмм воздуха?

– Он бесценен.

– Я бы купил два.

Люди прибывали и прибывали в виртуальное пространство – просыпались, проходили акклиматизацию дома, и казалось, что весь мир сегодня решил поиздеваться друг над другом. Я понимал, что единственное спасение – это юмор. Вот и шутили все, кому не лень.

– А если так будет всегда, тогда что?

– Можно будет не мыться, не бриться и не пользоваться туалетной водой. Будут популярны специальные смогоразгонятели.

– А мы изменимся?

– Да, но только внутренне.

«Не в сети» показывал ее аватар с лисичкой. Наверное, ушла на прогулку. Кого-то уговорила. Я завесил на ночь открытое окно простынями, включил в прихожей свет и оставил работать компьютер. Так мне казалось, что я не один. Тем более серая воздушная масса могла просочиться сквозь полотно, и перспектива оказаться в смоге, да еще и в тишине, меня смущала. Пусть работают технические приборы, и как можно больше будет звуков – от телефона, компьютера, плеера и даже включенной воды в ванной.

На следующий день, наутро, я проснулся от странных звуков. Кран сорвало. В комнате витал смог. Простынь тоже лежала на полу. Ночью был ветер. Одно утешает – в такую погоду нет комаров. Интересно, где они спасаются. На экране маячило новое сообщение. Она написала *сегодня в шесть в Эрмитаже*. Затем добавила *сад*.

Да, за окном рисовались знакомые краски, и день новый стал очередным творением импрессионизма. Что ж хорошо, не надо думать об одежде. Пиво было выпито, пустые бутылки образовали на столе и под столом композицию удачного выходного дня.

Болела голова, но не столько от пива, сколько от удушливой атмосферы и смога, который ворвался ночью в тот самый момент, когда я спал. Градусник за окном показывал тридцать четыре, тело виновато болело и молило об охлаждении, но на экране одно за другим появлялись сообщения. Она меня не отпускала.

– В чем ты будешь?

– Я буду... да какая разница. Вот ты... как ты собираешься меня найти?

– Да я пойду на ощупь.

– Сколько девушек и не только тебе придется ощупать, чтобы обнаружить меня, да и я тебе с первого свидания не позволю прикоснуться.

– Да, задача усложняется
– Зато у тебя есть преимущество перед остальными.
– Это еще какое?
– Ты оденешь перчатки
– Не буду я одевать перчатки в такую жару.
– Ты хочешь найти меня?
– Да.
– Тогда – на руках перчатки, а в руке – красный шар.
Она писала, что красива, любит фрукты, только не собирать, и приглашала к бабушке на сбор апельсинов в Коста-Браву. Я понимал, что хотя бы один из пунктов – фантазия моей собеседницы и намеревался это выяснить при знакомстве. Но знакомство должно было состояться даже в такой суровый смог, почти аглицкий.
– Да, а ты в чем будешь?
– Это не важно. Я сама тебя найду.
Пшшш... я стоял под душем очень долго. Потом пил кофе, сочинял стихи про монстра, который ходит по городу и ест людей, которые отважились выйти из дому. Время настало.
– Перчатки и шарик, – повторил я, как заклинание. Пусть мне и не нравилось это условие, но я решил его принять.
– Черт побери, конечно, – думал я. – Ну что ж, ладно. Наверное, это правильно. С точки зрения романтики. – И в то же время допускал мысль. – Но разве романтика может быть заранее подстроена? А так, получается, что она знает, что от меня ждать, да и я загнан в эти жесткие рамки.
Я нашел перчатки, взял те, что потоньше, весенние, шарик решил купить по дороге. Вышел на улицу. Машины ехали медленно. Фонари бликовали и были похожи на подслеповатых верзил, переходящих дорогу в неположенном месте. Звучали нервно клаксоны, и силуэты бесполой людей, различающихся разве что по росту и комплекции, бороздили туманное поле, пробираясь через дорогу, в магазин, к соседу, но именно пробирались, минуя сравнительно небольшие расстояния, испытывая что-то сродни героизму.
Казалось, что я сплю, потому что только сон может быть таким туманным, одновременно прозрачным вблизи и размытым, если смотреть вдаль.
Я вошел в сад. Вдалеке маячила вывеска театра. Слева на скамейках сидели какие-то люди. Странно, что вообще в этом парке кто-то был. Большинство были в масках, даже лоточница, продающая всякие штуки от книг про искусство до лаптей, стояла в маске и топталась, как на морозе. В беседке отбивала ритм девушка-чечеточница, и ничто ей не мешало – ни воздух, ни бродящие в тумане люди. Возможно, этот смог был для нее неким спасением – он скрывал от назойливых глаз, выстраивал для нее ту стену, за которой она могла предаться своему любимому делу. Уже было хорошо то, что я вышел. Иногда достаточно выйти ради какой-нибудь бесхитростной штуки. И я сделал это. Это мне помогло увидеть – и чечеточницу, и машины, и эти бюсты, памятник влюбленным, фонтан и даже себя со стороны, который пытается не бояться, учится ходить в этом дефиците видимости. И это верно, потому что большинство дней в году – другие, совершенно одинаковые, а тут так непривычно и ново себя ощущаешь, словно приехал в другую страну, а то и попал на иную планету. Вспомнился космический корабль у подъезда и человек, который искал потерянный в смоге дом. Возможно, дом друга, и тот его ждет, немного волнуется, но все понимает. Ведь это не удивительно – тут и местный житель потеряется, что будет искать дорожку, ведущей в родной двор, в совершенно другом районе.
Больше всего мне стало жалко голубей, которые сидели в голубятне и не знали, что есть такие маски, которые могут хоть немного, но спасти от этой гари. Они перелетали с места на место, впрочем, как и всегда, но сегодня как-то более взволнованно, словно понимали, что будет труднее обнаружить крошки булки, брошенные прохожим, ветку, на которую хочется приземлиться, поэтому держались вместе, испытывая голод, что менее ощутимо, чем одиночество.

Я искал глазами хоть что-то знакомое, лисье, будь то походка, и, наверное, интуиция должна подсказать что-то. Но вокруг ходили актрисы, актеры, не меньше и не больше, и этот напускной дым, казалось, был именно искусственно создан, в данной ситуации для того, чтобы мне было труднее ее найти.

– Девушка – яркое пятно, – заметил я. – При нормальном освещении платье с цветами. Но она сказала, что сама меня найдет. Этот цветок проходит мимо, исчезает в районе беседки и сливается с еще какими-то не менее цветными пятнами.

Я шел в этом сумраке, время приближалось к намеченному, я специально пришел на четверть часа раньше назначенного, чтобы иметь преимущество, но эти пятнадцать минут лишь запутали, образовали неприятный осадок в горле и утомили.

– Девушка – деловой костюм, папка, телефон, брелок с ключами от машины. Вся звенит. Идет в «Чайхану №1», поднимает руку, там ее ждут. Как они там сидят? Официанты разгоняют воздух подносами?

Пошел седьмой час. Я бы мог, наверное, долго кружить по саду, если бы не обратил внимания на одну странную картину. Несколько парней, точнее, их было пять, стояли около зеленого театра и курили. Что меня заставило остановиться? Конечно, то, что они курили в такое время, походило на циничный стеб над городской атмосферой, но не это меня заинтересовало. И не то, что они вели себя как-то вызывающе. Вполне нормально себя вели – трое стояли, один присел на авансцену, другой – на корточках. Дело в том, что все пятеро были в перчатках. Все они держали в руке по шарик.

– Вот черт, – вырвалось у меня, и все понял. Очередная шутка. Девушка, устраивающая флешмобы, дошла и до меня. Как ее звали? ФМ? Мог бы и догадаться. Говорили о волне, на какой она. Она упоминала про нестандартное радио, когда все его слушают и одновременно напевают знакомую всем песню. Можно было предположить. Но мозг был покрыт серым слоем (не про серое вещество) смога и мешал нормально мыслить. В отличие от нее.

– Еще один, – произнес парень. Через пару минут подошло еще двое, затем еще и еще. Через полчаса нас стояло добрых три сотни. Все в перчатках и с красными шарами в руках.

– Не надо курить, – сказал кто-то.

– Да ладно, – возразил другой

– Не надо, – настаивал первый. Курящий затушил сигарету, вызвав одобрителное «то-то».

Я никогда не попадал в такие ситуации и не знал, как себя вести. Я смотрел на парней, примерно все были одного возраста, но совершенно не похожие по фактуре, голосу. Казалось, что эта самая ФМ не слишком тщательно выбирала себе объект для насмешки. А как еще? Конечно, это насмешка. Умные люди – те, кто остался дома, а мы – очкарики с розовыми стеклами надеялись на романтику в этот сомнительный период. Оказалось, что не может быть романтики. Может быть только насмешка, не более. Если и суждено кому-то сегодня влюбиться, то не в этой местности.

Такие мысли занимали меня в тот момент. Ребята стояли и не знали, как поступить. Некоторые стали общаться, спрашивать о том, как их вывели на это свидание. И слушая многих, я понимал, как по-разному она подходила. Действовала согласно интересам сильной (сейчас это уже смешно) стороны. Она знала, что я люблю гулять, так как при просмотре моих фотографий сразу можно было предположить, что я люблю активный отдых. Поэтому сперва «ты дышишь?» – проверка на прочность, и только потом предложение «погуляем». Пусть я попался немного позже (только под утро), но клюнул же. Другие говорили, что она спрашивала их об одежде, советовала, что носить в такой смог, и только потом предлагала встретиться. Я был ужасно зол на нее. Она рассмотрела меня как в рентген, и то, что я ее не вижу, а она где-то там смеется и набирает новых олухов для очередного псевдосвидания с ироничным финалом.

– Вот стерва, – подумал я. Мне не хотелось ни с кем делиться, какая она. И так было понятно, что эта добрая сотня парней были не в восторге, что им пришлось мчаться через весь город, чтобы понять, в какой они засаде.

Неожиданная вспышка света. Откуда? Нас снимают? Одно дело попасть в такую

ситуацию, другое – зафиксировать. Последовало несколько щелчков.

– Э, откуда это? – кричали все. Снимали с одной стороны, откуда-то сверху или... я заметил ее. Да, ее рыжий хвост промелькнул в дымке. Она убегала.

– Стой, – крикнул я, и рванул в направлении хвоста. Остальные остались размышлять о женской сущности и пускать в небо шарики.

Он бежала по Страстному бульвару, я за ней. Минуя «Белую лошадь», запутался в заводи каких-то кустов, но удачно преодолел эти путы и через два значительных прыжка настиг ее. Она тяжело дышала.

– Вот я тебя и поймал, – довольно сказал я.

– Что ты от меня хочешь? – спросила она. Она была действительно похожа на лисичку – рыжеватые волосы, острый носик и то, как она грациозно бежала, держа руки у груди и сейчас стояла – ее поза – руки в замочек, на полусогнутых ногах, выдавали в ней то инородное, что не походило на обычных девушек.

– Не знаю. Просто хотел посмотреть в глаза той, которая смогла уговорить добрых три сотни парней выйти из дома в такой смрад.

Она рассмеялась. Смотрела на меня и смеялась. Я только успел прийти в норму после бега с препятствиями, а ей было смешно. Да разве можно смеяться в такое... она же... Но девушка смеялась, при этом, кажется, ничуть не навредив себе. Но она мне понравилась. Да, такое отношение. И мы стояли на зеленой траве, которая не казалась такой сочно-зеленой, она была словно покрыта белым инеем. Стояли, окруженные серыми клубами. Она смеялась, а я чувствовал неловкость.

. – Ты меня не за ту принимаешь, – наконец сказала она. – Я всего лишь фотограф. Вот так история. Я, наверное, мог бы отпустить девушку, да я ее и не держал, она сама стояла и терпеливо ждала, пока я скажу все, что надо. Но мне казалось, что именно та виновница должна слышать все то, что я о ней думаю – бежал-то я за ней, ничего, что поймал другую.

– Значит, ты ее знаешь, – продолжил ее после недолгого молчания. – И где она, например, сейчас?

– Она не выходит из дома, – сказала рыжая. – Она не слишком любит гулять. Очень нежная натура.

Вот так и получается. Сама она не гуляет, но других выманивает на прогулку.

Практически пасет на расстоянии.

– Вот дьявол, – выдавил я вполголоса, она, конечно, слышала, но я не мог сдержаться, и добавил, – ну ты же с ней наверняка видишься или как-то свяжешься, в общем, передай ей, что она... – я долго не мог найти подходящее слово для нее, выбирая между крепким словом и восхищением, наконец, остановился... – ничего.

– Хорошо, передам, – ответила рыжая и улыбнулась. Она посмотрела в сторону – проходили очередные пятна прохожих или взгляд был направлен в сторону метро, где было немногим лучше. Я понимал, что она хочет уйти. В руке она держала тот самый фотоаппарат с нашими карикатурными лицами и желание вырвать у нее этот прибор-насмешник, конечно, возникало, но что-то меня остановило от этого поступка.

Наверняка, ее невинное выражение лица и кроткость, от чего не только не хотелось причинять ей хоть какую мало-мальскую боль, но хотелось даже как-то выразить восхищение.

– Подожди, не уходи, – сказал я, и рыжая в очередной раз с вниманием стала смотреть на меня, – странно, но я ее ни разу не видел, но мне кажется, что ее знаю. Что она неплохо разбирается в людях, умна и специально выбрала такой день. Ну надо же, как все точно подстроила...

Я не мог успокоиться. Уже молодые люди, участвовавшие в этом параде, проходили мимо, не обратив внимания на двух говорящих на бульваре. А я продолжал делиться мыслями, словно она должна была меня выслушать, таким образом отомстить.

– И что, разве я похож на слюнтяя? – неожиданно спросил я, на что девушка замотала головой и вновь посмотрела в сторону, затем в небо, пытаясь что-то увидеть – Меня легко уговорить на это. Она что считает, что мы – скот в горах. Заблудились и кричим. Ме-ме.

Теперь она со страхом смотрела на меня. Наверное, я очень завелся.

– Точно, этого ей не занимать, – сказала она, словно извиняясь, при этом пожимая плечами, спросила, – Я, наверное, пойду?

– Да, конечно, – сказал я. Она повернулась и сделала шаг, другой, пять шагов, почти пропадая, преображая себя, свой костюм из черного в серый. Я крикнул: – Подожди! – догнал ее, уже второй раз. – Вот еще. Пусть она пишет мне. Да, я приду на всякие ее мероприятия. Но пусть просто пишет. То есть говорит о том, что надо поучаствовать в том-то, том-то. Без хитросплетений.

– Но так ведь намного интереснее.

– Да, но так нечестно.

– То есть?

– Если бы мы оба об этом не знали, тогда другое дело, а тут получается, что она все знает и видит со стороны, а я – нет.

– Договорились, – сказала она, добавив. – Как жаль, что шариков не видно.

Она повернулась и пошла в сторону памятника Пушкину. Я остался стоять. Через мгновение она исчезла в сизом дыму. Когда я пришел домой, то получил послание.

Из промокшей в снежную

Столько мыслей роилось в голове в тот миг, когда суровый глас произнес свое: «а что мне х... мне х... ничего я так», потом стук в дверь и глаза, буравящие меня своим «братишка, дай манку», что означало столык до завтра, которое по опыту не наступает никогда. Я чихнул и словно себя выдал этим. Тонкие стены, сквозь которые слышно было все вплоть до чавканья и причмокивания, не говоря о ночных звуках в форме храпа и кое-чего менее приятного. Кто-то застучал в дверь, но она была предусмотрительно закрыта, и этот бродяга, неудовлетворенно бурча, пошел к следующей дверце.

А они все шли – пьяные, измученные, с избытком веселья, назойливости, голодные, с пакетами, дымящимися кастрюлями, сковородками и тарелками. Они все не переставали – этот час пик, длящийся не один час, имеющий форму константы и прекращающийся ближе к пяти утра, но только на несколько мгновений.

– Дай позвонить. У меня батарейка сядет, ты будешь виноват, – горланил парень с наколками на обеих руках. Стоящий перед ним «чебурек», пытался изобразить непонимание, но это вряд ли могло остановить бывшего десантника. Хотя, как говорят, бывших из десантуры не бывает. Потом последовал тупой звук. Этот звук застучал в моем мозгу и рикошетом отдался в переносице.

Стены в этой промокшей коробке были. Был и потолок. Только создавалось такое впечатление, что местоположение этих составляющих было спутано – вместо стен потолок, а вместо пола – окно с видом пятого этажа на мрачный двор, который тоже напоминал коробку. Этакая коробка в коробке. Матрешка. Русская, наша система. Повернув ручку налево, ты мог оказаться в пространстве света и воздуха. Лишь бы не здесь, лишь бы не слышать. Попытка чтения книги «Марио и волшебник» обернулась самолетным гулом в голове и через мгновение – шарф а-ля Васильев и нога перешагнула финиш убожества.

На Арбате было еще неизвестно как, так как я только выходил на улицу после двух турникетов – работа и бомжей, не пускающих, улюлюкающих, правда, очень вяло. Но уже слышался рокот «подземного космодрома», где собралась вся сфера безбашенности и неправильности. По горячему полю бегали, вышагивали, танцевали, прыгали высоко и не очень все представители отдыхающего населения. Пошел снег, хотя уже как дней пять светило солнце и не предвиделось осадков, разве только манны небесной. Молодежь меняла на кроссовках шнурки, а туфли стали нормальной формой уже ко дню Валентина.

Афроамериканец застыл, копясь в своих широких штанах в поисках мелочи перед неуемной девушкой с неживыми волосами. Она протягивала самодельно сшитый берет

и приговаривала «чуть-чуть, всего чуть-чуть».

В переходе стояла толпа людей разного помола – курили сигары, пили пиво, рассказывали все или не все, что было. Парень без переднего зуба в косухе и байкерских перчатках считал своим долгом подойти к каждому и поприветствовать, кого-то обнять, а если удастся, отпить пиво и взять номер или даже адрес на очередной квартирник. Он подошел к семейной паре с годовалым ребенком и начал разговаривать с ним на своем языке, вытягивая язык и поворачивая шею. Девушка было отстранилась, но растаман под роковые отголоски песни о любви прокричал: «Не беспокойтесь! Я бог! Вездесущий. Я вижу. Я буду вашим ангелом-хранителем. Если хотите». Это было что-то. Что на меня подействовало, как свежий воздух.

Уходя на запад к станции, я чувствовал, что меня преследует этот глас «Я бог, вездесущий». Хотя, конечно, лучше этот, чем тот, в коробке. Я знал, что нужно возвращаться, только не понимал, насколько это важно. Можно было и провести эту ночь на улице, гуляя по бульварам. Правда, было холодно. Зайти в интернет-кафе, потратив последние три сотни, найти способ дожить до ближайшего уикенда, когда должны были появиться деньги. Деньги появлялись не после трудодней, а после хорошего маркетингового хода, который мог присниться в метро, на вокзале, в турникете, когда не все было спокойно. Поговорить с теми, кто знает, где лежат деньги – таких было много, но они не шли к этому заветному месту. Им было лень. Им было трудно менять зону комфорта. Комфорт на улице был, только днем. Все в твоём распоряжении – фонари, прогулочные автобусы, теплоходы, музеи, кинотеатры, кафе. Ночь была скупа. Она походила на московского аристократа, который не желал, чтобы у него были родственники за пределами московской кольцевой автодороги.

– Сколько стоит пирожок?

– Восемнадцать рублей.

– У меня только шестнадцать. Продадите?

– Нет, – сухо ответил продавец и захлопнул окошко. Ему тоже было несладко проводить это день. Он плохо знал русский и предпочитал доброму слову бумажный хруст и монетный звон.

Я вернулся на Арбат. Музыка перешла из тяжелого в легкий рокапопс. Музыканты были пьяны и количество денег влет обменивалось на спиртное. Народу стало больше. Появились новые люди. Девушка в косухе с оранжевыми волосами и парень, который говорил с теми, кто его слушал. Меня было несложно найти.

– Мне хочется тоже участвовать в этом шоу. Понимаешь, я хожу сюда часто. Еду с самого Алтуфьева, чтобы увидеть себя. Я никогда не выйду, как они, хотя у меня голос, что надо, да и способностей выше крыши. Я же песни пишу о том, что ждет наш город. Например, я знаю, что через пятилетку здесь будет рок-кафе. Да, на месте выступающих будет обычное кафе, где будут продавать пиво и кормить людей не творчеством начинающих музыкантов, а сосисками, и музыка будет звучать. Хороший свинг. Но это не поможет распробовать эту атмосферу. Все будут сидеть, а те, которые не будут в состоянии платить, уедут на юг, запад, север Москвы, к черту на рога, лишь бы получить то, что им принадлежит. Те, кто продает это, не понимает, что продает свободу, а это самое дорогое и самое дешевое, что может быть.

Парень размахивал руками. Его звали Павлом, у него была козлиная бородка и волосы зачесанные назад. Он то и дело поправлял их, слюнявя кончики пальцев. Я молчал. Во-первых, обжег язык – торопился, ел, чтобы успеть, пока не проснулся мой «миролюбивый сосед», во-вторых, такая у меня сущность – не могу открыться случайному прохожему. Точнее, могу, но должно пройти время. Мы говорили пятнадцать минут. Мало для того, чтобы я выложил ему свою подноготную. Пройдет час или полтора, и я смогу рассказать, почему я здесь – о том, что меня ищут. Не органы, не преступная группировка, а всего лишь человек, которому я пообещал... стать телохранителем. Точнее, стал им, но... Да, мне нужно было заработать. Я крепкий, внушительных размеров, столкнулся в баре с одним круглолицым и поддал ему так, что он пролетел два столика и оказался у ног мужчины в лиловом костюме. Он был директором банка. Рядом с ним сидели лысые парни и

зорко следили за обстановкой. Когда перед ними приземлился этот крепыш, они растерялись, выхватили оружие и один даже стал палить в воздух. Другой бросился ко мне и попытался скрутить руки. Занятия дзюдо помогли мне справиться с ним. Через минуту он лежал на полу и ругался так, что можно было подумать, что я вскрыл ему чрево нецензурщины. Тот, что палил, был пристыжен своим же начальством и отправлен в запас, я был подозван. Мы говорили о работе. Я почти согласился. В тот момент у меня был большой долг перед друзьями. Они одолжили мне приличную сумму денег для того, чтобы я мог уехать, начать новую жизнь. Им казалось, что сто тысяч помогут мне стать человеком. Я тоже на это надеялся. Но эти сто тысяч были потрачены за тринадцать дней. Зловещие две без одного дня недели. На одежду, рестораны и хороший фотоаппарат, который был оставлен в туалете ночного клуба и, конечно же, оттуда похищен неизвестным счастливым человеком. Я был должен друзьям и, казалось бы, факт, что я могу вернуть им деньги при первой возможности, меня не устраивал. Я хотел начать новую жизнь с чистого листа. Где я не был никому должен и где у меня новые друзья, которые не смотрят на меня снисходительно или с сожалением, что их друг стал никем, а вот они превратились в верзил шоу-бизнеса и недвижимого имущества.

Поэтому я и согласился работать телохранителем. Пусть у меня не было соответствующего опыта, и служил я только разве что в мыслях (удачно откосил), но Федор Борисович меня взял. Он сказал, что я внушаю страх. Сейчас его слова кажутся такой ересью, я стал параноиком, оглядываюсь на оживленной улице, пью воду и обязательно на последнем глотке поперхнусь. Я стал нервным, раздражение может начаться после получаса давки в подземке или очереди в «Ашане».

Тогда я не думал, что он... моя задача была ждать его около клуба. Не обязательно было заходить вовнутрь. Я зашел, потому что было холодно. Я надеялся выпить кофе, выкурить сигарету. Тем более я думал, что буду ближе к шефу и если понадобится моя помощь, то смогу быстро сориентироваться. Я пил кофе и разговаривал с барменом. Он говорил, что третью ночь не может сделать выручку в клубе, но сегодня хороший клиент и будет все как нельзя лучше. Он говорил о моем шефе. У того была жена, но ночи он проводил в странных и сомнительных местах. Наш город был маленьким, но нам приходилось ездить туда, где я никогда не был. Цыганские дворы, Чапаевка, котельная завода ЦБЗ. Я же показывал фотоаппарат, который купил на деньги друзей. Бармен сделал несколько снимков, оценив качество техники.

За этими разговорами я не заметил, как наступила полночь. Федор Борисович отсутствовал более трех часов. Обычно он довольствовался двумя. Я решил проверить. Я знал, что могу застать человека с женщиной, возможно, не с одной, но понимал, что могло произойти все что угодно и мне нужно проверить. В коридоре висели сушеные стручки красного перца. Они напоминали фаллосы в спокойном состоянии. Мне захотелось запечатлеть их. Я сделал один щелчок, потом другой, и наконец подошел к двери, из-за которой доносились вздохи. Я приоткрыл дверь, и то, что я увидел, меня поразило. Мой начальник сидел в кресле, а между ног у него крутился вихрастый юноша.

У него не было друзей и все те, кто назывались ими, платили деньги. Он ублажал их. Днем – работников банка, ночью – тех, кто умеет доставить радость без рук. Я сбежал от этой картины.

Фотоаппарат был оставлен в туалете. Я лег на траву на улице и лежал около часа. Когда все стихло, я поднялся и понял, что не знаю куда идти. Домой я вряд ли попаду. Там меня ждут. Тогда я пошел к своему другу, попросил у него пять тысяч, обещая вернуть в ближайшую пятницу, и уехал в Москву.

Когда я звонил домой, чтобы успокоить своих, мне говорили, что меня ищут. Друзья в количестве семи человек и работодатель, который думает, что я сообщу о том, что видел. Мне было все равно. Я убежал не от него. Мне нужен был повод. Я бы все равно убежал. Причина была одна – жизнь, в которой я варился, больше не устраивала меня. В той жизни я был должен большую сумму денег, у меня был начальник – гомосек и я был не на лучшем счету у окружения.

Я смотрел на Павла, который говорил мне о музыке, о своем пристрастии, и думал о том, что сейчас в моей коробке все самые шумные улягутся спать, и я смогу попасть в комнату, чтобы, проснувшись наутро, ждать своей очереди в душ и на кухню. Это мне не нравилось, но сейчас было хорошо, а что будет потом, казалось иронией, которая обязательно проносится в разговоре молодых людей.

Интервью с маленьким человеком, который никогда не был в Москве

- Что такое Москва?
- Город.
- Где он находится?
- Далеко.
- Как далеко?
- Как до бабушки десять раз.
- Сколько километров.
- Не знаю. Дядя Леня знает.
- Примерно?
- Десять или пятнадцать.
- Километров?
- Хм...
- Сколько человек живет в Москве?
- Миллион или сто миллионов.
- На каком языке говорят?
- На русском.
- Еще?
- Английский и все.
- Если бы ты сейчас поехал в Москву, то куда бы пошел для начала?
- В театр или магазин купить продукты.
- Разве здесь нет продуктов?
- Есть, но там нельзя быть голодным.
- Почему?
- Это же Москва. Она не любит голодных.
- А кого она любит?
- Всех, кто в кафе, в ресторанах, в кино. То есть всех тех, кто не просто идет по улице и смотрит по сторонам, а заходит и делает заказ или играет в автоматы.
- Я так понимаю, ты бы пошел в кафе, покушал сытно, затем сходил в игровые автоматы. Еще бы куда пошел?
- В гости.
- К кому?
- Мало ли. Например, на фабрику мороженого или конфетную фабрику. Сперва конфетную, нет, сперва мороженную. Это все зависит от того, когда я буду там – зимой или летом.
- На чем бы ты поехал в Москву?
- На самолете, конечно. Через море не проехать, двигатель может испортиться и машина утонуть, а самолет летает.
- Летом на самолете, в окне виднеется столица, как ты думаешь, какой она формы?
- В военной... шутка... наверное звезды или ладони. Почему? Да потому что звезда освещает, а ладонь – она открытая – значит, в ней нет оружия, что располагает. Об этом мне деда рассказывал.
- Хорошо, вот ты прибыл в город, поел, попил, сходил в игровые автоматы, гуляешь по Арбату, есть такая старинная улица в Москве, где не ездят автомобили, к тебе подходит москвич и говорит: как тебе наш город?
- Я говорю «нормально, только большой очень».

- Большой как что?
- Как шкаф у бабушки... шутка...наверное, как Китай... тоже дед научил. Если что большое, он говорит, как Китай. Вот куда бы не хотелось, так это в Китай. Наверняка затопчут.
- С кем бы ты поехал?
- Один.
- Не боишься?
- Я бесстрашный. У меня есть сила. От папы осталась. Он мне ее подарил.
- Как ты думаешь, силы одной достаточно?
- Да.
- А что бы ты хотел получить бесплатно?
- За ноль рублей и ноль копеек?
- Да, ты спускаешься по трапу, стоят люди в красных комбинезонах...
- Как здорово.
- ...и раздают всем бесплатные бейсболки.
- Почему всем и почему бейсболки? Я, например, хочу скейт, да еще ноутбук и еще...и не надо всем.
- Ты не волнуйся, всем хватит.
- Это правда?
- Что раздают – нет, но город действительно дарит много. И исторические места, и атмосферу, людей.
- Ладно. Жаль, что не раздают даже бейсболки. А то я согласен.
- Зато часто раздают газировку, печеньки, чипсы прямо на улице.
- Как здорово. А мне можно будет там гулять?
- Почему нет?
- Это хорошо, а то мне мама запрещает гулять, где много народу. И где их нет, тоже запрещает. В Москве есть места, где одновременно нет никого и в то же время много народу? В таком случае мама была бы довольна.
- Да, есть.
- Здорово. Я хочу на ближайший самолет.
- Нужно спросить у мамы.
- А можно так – мы маме не скажем, слетаем и обратно. Чего уж? Она придет с работы, а я уже дома.
- Боюсь, что мы не успеем.
- Тогда рано-рано утром полетим, чтобы к ужину вернуться. Очень хочется увидеть московских мальчишек.
- Они такие же, как и ты.
- Этого не может быть. Они, наверное, совершенно другие. У них глаза другого цвета и волосы. Вообще, они, наверное, по-другому ходят и разговаривают как-то иначе.
- Твоя правда.
- Знаю, что правда. Мне кажется, что там дети не ходят в садик и школа у них другая. Там, наверное, учителя другие. Они улыбаются и не ругаются так часто, как здесь. А то здесь я уже устал от этих криков. На меня слишком часто повышают голос. Ну если только по делу. Да и то, наверное, они по-другому решают этот вопрос.
- Почему ты думаешь, что в Москве лучше, чем в твоём родном городе, в любом другом?
- Москва находится около Европы, а там люди воспитанные. До нас эта воспитанность не доходит.
- То есть до тебя тоже не доходит.
- Куда уж мне. Говорят, все кто живет в городе, они все приехавшие.
- Кто это?
- Ну, те, кто из дому сбежал. Вот и я думаю, сбегу из дома, а там гляди и стану кем-то.
- А кем ты хочешь быть?
- Официантом.
- Неужели это такая престижная профессия?

– Конечно. Во-первых, они всегда красиво одеты. Костюм, выглаженный, праздничный. Каждый день надевают выходной костюм. Мечта. Потом, они знают про все блюда. Надо быть таким умным. Что еще? Да, они всегда сыты. Такие блюда пробуют, о которых разве что мечтаешь.

– О чем ты мечтаешь?

– Жить в большом городе и, наверное, построить там дом такой красивый, как Большой театр. Выходить из этого дома и любоваться памятниками и бегаящими за кошками собаками. Еще нужно поставить много детских горок, аттракционов, собрать всех детей до единого и устроить праздник.

– Ты хочешь устроить праздник?

– Да.

– Так устрой его здесь.

– Не могу.

– Почему не можешь?

– Сил нет.

– А в Москве будут силы?

– Да, в Москве все будет. Поэтому я хочу письмо написать президенту, чтобы он мне разрешил.

– Ты думаешь, все так делают?

– Не знаю, как все, а я напишу. Только мне нужно писать научиться. Пока только печатными буквами. Печатными он не поймет. Или лучше набрать на компьютере? Нет, надо от руки, а то он подумает, что это шутка. Не поверит. А так, живому почерку поверит.

– И что же ты напишешь?

– Например, то, что я хочу устроить праздник в большом городе на самой главной площади и хочу, чтобы он мне помог в этом. Сказал по телевизору, чтобы все дети пришли на праздник, с мамами или без них, не важно, и главное, чтобы он отпросил меня у моей мамы. А то она будет ругаться. А вас она послушает. Вы же самый главный после бога.

– Вот как? Хорошо, тогда поставь себя на его место, что бы ты изменил?

– Посадил бы больше деревьев. Мне кажется, можно устраивать дома на деревьях.

– Как птицы?

– Да. А эти высотки разрушить и сделать из них зеленую территорию. Там бегать за мячиком, в бадминтон и всем машинам перейти на другое топливо. Да...например молоко.

– Молоко?

– Да, это же здорово. В воздухе будет пахнуть не газом и бензином, а молоком. Это же полезно – дышать молоком.

– Наверняка полезнее, чем дышать дымом.

– Да. И еще. Я хочу, чтобы рабочий день сократился. Мама уходит на работу и целый день ребенок один дома. Скука. Вместо десяти часов хватит и пяти, а то и трех. Без обеда. Все сделал и гуляй.

– Как хорошо.

– А я о чем? Мама будут заниматься с детьми...

– А папы?

– Папы тоже, но им можно и подольше работать.

– То есть ты будешь работать дольше.

– Почему я?

– Ты тоже будущий папа.

– Я? Я ребенок и еще очень долго буду им.

– То есть ты хочешь стать официантом, но мыслишь как президент. Так все же кем ты хочешь стать?

– Я вот сейчас подумал, я хочу быть как вы – журналистом. Наверняка можно будет работать днем и ночью.

– А когда же ты будешь спать?

- По воскресеньям. Все решено. Теперь осталось немного подождать, всего лет пять, пять холодных зим или десять.
- Как, по-твоему, это долго?
- Да, но у меня есть и тут свои заботы.
- Что ты собираешься делать?
- Ну как же... письмо... мама... для этого нужно время.

Искусство принадлежит народу

- Зал был набит битком, яблоку некуда упасть. Шел кассовый спектакль что-то вроде из классического репертуара. Шекспир. Но это не имеет особого значения. Шел и шел. Люди, как обычно, сидели, кто спал, кто смотрел и смахивал слезу порой от смеха, порой от сострадания к героям. Все вроде нормально. Но тут в тишине театрального зала, точнее, не в тишине, так как на сцене же действие разворачивается вовсю, там коронация, музыка и прочее, раздался... Но в зале-то при этом должна быть тишина. Если там будет звучать еще что-то, то это будет мешать обоим сторонам. И вот в этой гармонии тишины и действия звонит телефон. Ну, звонит, звонит. С кем не бывает. Все, конечно, назидательно посмотрели в сторону нескромного абонента в надежде, что он отключит телефон и продолжится все в пользу спектакля. Но этот крупный мужчина, этакий суповой набор, после полифонии звуков, раздающихся из его трубки, вскочил не сказать, что очень тихо, и, так как он сидел посередине, в центре, вокруг него сидели люди и ждать, пока его пропустят, он не хотел, поэтому сделал проще – перешагнул один ряд, другой и сделал еще один замах, едва не оказавшись на авансцене. Он одним коленом едва не задел слуг, окружающих короля, заставил остановить действие легким взмахом руки:

– Сейчас. Мне нужно ответить.

Актриса замерла, и сцена коронации утонула в гуле разговоров. Король, ожидающий корону, не стерпел, вырвал из рук папы головной убор и нахлобучил на себя сам. И все хорошо, сцена пошла. Не совсем уверенно, как прежде, но действие продолжалось. Жизнь на сцене продолжилась. Но ненадолго. Через минуту возвращается суповой набор, снова легкий взмах руки:

– Извините, можете продолжать. Я вернулся.

Занавес.

Такой разговор произошел в пивной на улице имени революционера Абельмана в районе Рогожской заставы. За столом расположилось двое. Первого звали Константин Бельмонт, почти как поэта, с одной разницей, что он никогда не писал стихи, разве что в дикой молодости. Он был стар и сед, в годах примерно пятидесяти пяти. Второй был моложе. Ванька Крутоверстов, в прошлом студент ВГИКа, откуда был вышиблен за неуспеваемость. Если первый работал на заводе и время от времени захаживал сюда, но не был завсегдаем, то Ванька в этой пивной стал своим и, хотя администрация его не любила за безденежье, очень ценили посетители за его язык, уж очень он хорошо говорил о Майкле Джексоне или Меркьюри. А его мнение о конце света? Это целый трактат. Он умел раздуть целый мир из небольшого уголка, жизнь из смятого письма, наполняя его несуществующим вымыслом. У него всегда было мнение на тот или иной вопрос. Приходил он сюда неспроста. Его здесь слушали, понимали и угощали пивом, так как в последнее время с деньгами у него было негусто. Не мог никуда устроиться из-за своего склочного характера. Не любил, когда им командуют. Не нравилось, когда учат. Поэтому сейчас на часах шесть вечера – люди идут с работы, а Ваньке все равно – он сидит в пивной и не знает, когда вернется домой и вернется ли (сам жил в Подмоскowie, но чаще ночевал у случайных знакомых или вокзалах). Именно он и рассказывал эту историю про ситуацию с суповым набором и ужасно возмущался при этом. Шел второй час, как они сидели здесь. Ваня развлекал Бельмонта историями – то ли выдуманными, то ли где-то услышанными. Пили они пиво и закусывали воблой, которой периодически постукивали по столу. На это никто

внимания не обращал, потому что все так делали.

– И что это было? – спросил Бельмонт, когда Ванька закончил говорить и отпил заслуженную половину кружки. Тот не сразу ответил. Ванька знал, что в интеллигентных кругах после заданного тебе вопроса надо немного помолчать, сделать вид, что ты думаешь и что размышляешь, а не так с бухты-барухты, лишь бы ответить. Поэтому он слегка подождал, причмокнул от горьковатого привкуса пива, посмотрел в сторону, на грязное окно и сказал:

– Возможно, точно так не было... ммм, но какова вероятность того, что такое может сегодня произойти в нашем театре?

«Ммм» тоже было взято от какого-то диктора, политика или одного из посетителей пивной, черты которого он запросто срисовывал и воплощал при надобности. Ему нравилось вбирать в себя все самое необычное – будь то смех во весь рот, походка, неадекватный жест. И то, что он запоминал, часто служило причиной смеха. Ему нравилось, когда над ним смеялись, точнее, над тем, в чьем образе он являлся.

– Ну, нет, – возразил Костя. – Такое не позволят.

Костя, в отличие от Вани, был человеком попроще. Он никогда не пользовался чужими масками, был простодушным и бесхитростным. Поэтому он наблюдал за молодым человеком, внутренне понимая и как бы приговаривая, что все это в силу молодости и что когда-нибудь обязательно пройдет, главное, чтоб не затянулось.

– Вы думаете, не позволят? – спросил Крутоверстов. – Черта с два. Уже это делают. Позволяют. Эти суповые наборы ходят и ни кого в расчет не берут. Едва не по сцене ходят. О себе думают, не понимают, что искусство – оно очень хрупкое, не заметишь, как наступишь, его надо обходить. Видишь, под ногами такое маленькое, едва приметное, аккуратно, чтобы не навредить. А они, шаг по сцене, к дьяволу декорацию, к такой-то матери актеров, все – по боку. Думают, заплатили за билет, могут на шею артисту забраться, в колокол позвонить. И не сомневаются в правильности поступков. И детей тому же учат. А те – да, папа, будет сделано. Надо на сцену забраться, ща сделаем, вот этот колокол свернуть – на раз-два. И все – претенденты на суповые наборы. Таких пре-тен-дентов в каждом зале по мешку. Набрать бы их действительно в мешок, отвезти в поле, выгрузить и держать их там на одной моркови и морали. Гляди ж, и поймут. Не поймут все, так хотя бы один... из каждого зала по одному, который поймет, так это же здорово.

Пока он говорил, в его руке вобла меняла состояние – переворачивалась, ходила, служила орудием борьбы. Теперь он ее рвал на куски, закидывая части в рот, глотал, не жуя.

– Я своих внуков сейчас азбуке учу, – сказал Бельмонт. – Им до театра еще далеко. Пусть читать научатся. Потом у нас по плану зоопарк, цирк, велосипед, настольные игры, хочу, чтобы они в шахматы с папкой играли. А потом и до театра. Хотя мы еще хотели на дзюдо записаться.

Ванька посмотрел на него и задумался. Возможно, он думал о том, что человек, который звучит гордо (это и его собеседник, и те, кто сидит за соседними столиками, да и он сам), сидит в этом клоповнике и сдирает с себя кожу постепенно, как чешую с рыбы, растворяя себя постепенно с каждой кружкой. Или же его мысли были полны той энергии, которая не могла найти воплощения в несуществующие фильмы несуществующего выпускника, и он знал, что обязательно будет шанс, и он за него уцепится. Пусть он только будет. Он говорил с Бельмонтом, а сам параллельно смотрел по сторонам – кто входит, выходит, кто в этот момент остановился около пивной, старался не упускать темы соседних столиков, чтобы понимать, в чем варятся бывшие и еще неопытные интеллигенты. Среднего круга не было. Последние вели спокойный образ жизни и не позволяли себе пропустить даже одну кружку в окружении этой вчерашней богемы.

– А вы знаете, что за границей тех, кто говорит по телефону в зале, выводят? – продолжал он. – Представьте, нашего человека вывели из зрительного зала.

– За шкуру?

– За шкуру или просто попросили. Какая разница?

– Разница большая.

– Ну, хорошо, просто попросили. Зазвонил телефон, он стал разговаривать, выяснять с женой отношения – почему она не поощряет его культпоходы. Устроили самые настоящие дебаты. Подошел администратор и попросил выйти. Вежливо так попросил. И что после?

– Правильно, – согласился Бельмонт. Вобла не поддавалась, он гнул ее, бил об стол.

– Правильно-то правильно, но знаете, сколько ору будет, – Ваня перехватил рыбину и разделил надвое ловкими движениями. – Он же будет кричать, я буду жаловаться и прочее. И то, что у него здесь свои люди, и он обязательно напишет об этом. В общем, столько всего «хорошего» скажет, что у всех уши в трубу. А в это время же другие люди сидят, более спокойные, они-то в чем виноваты? Им-то за что такое наказание в лице этого набора? Они пришли посмотреть спектакль, окунуться в мир искусства, к которому они трепетно относятся. И пусть многие не понимают разных там символов, ну ничего, поймут, окультурятся еще, главное, чтоб сидели тихо, а в искусстве так – сидишь тихо, слушаешь, и искусство само без спросу войдет. Тебя нельзя к нему, а ему можно. Таков закон, и его надо соблюдать. Только сперва понять причину, потому что без причины никто соблюдать не будет.

– А в чем причина? – спросил Бельмонт. – Есть ли вообще причина? Может, ее и нет вовсе?

Как напряженный момент в любом спектакле, когда решается что-то очень важное, так и сейчас решалась судьба человечества в искусстве, только один из них еще до конца не мог понять причину столь бурного негодования своего друга.

– Да есть, – уверенно сказал Крутоверстов, – есть. Причина в том, что мы, что они... – он в очередной раз задумался, потирал виски, сделал подряд два больших глотка и повторил, – причина она в том, что мы и они, они и мы.... да я и сам пока не могу сказать. Это все не так просто. То есть я ее знаю, а сказать не могу. Дело в том, что эту причину нельзя назвать, ее нельзя увидеть, ее можно только понять. Она такая... такая...

Сосед смотрел на него большими заплывшими непонимающими глазами, которые, как ни пытались, не могли сопоставить это пивную с той темой, которую затеял Ванька. Она была трудной, несоразмерной что ли. И он пил пиво, изредка проливая, тут же вытирая рукавом, чтобы никто не видел, смотрел на парня и пытался поддерживать разговор.

– Если причина есть – это уже хорошо. А то, что ее нельзя назвать – бывает. Не все имеет название.

– А я напротив – считаю все. И если человек не может дать название, то значит, он или не знает, либо просто боится называть. Мне кажется, что все мы боимся называть эту причину.

– Ты меня извини, конечно, но я уже в таких годах, когда ничего не боюсь. Пойди на меня с топором, с вилами или просто скажи мне матерное слово, я в долгу не останусь. У меня есть оружие против страха.

– Но я же тебе говорю не о таком страхе. Страх не за жизнь, а за искусство. То, что оно гибнет.

– Ванька, ну куда оно денется? Не гибнет оно. Памятник Петру как стоял, так и будет стоять, да и люди как ходили в музеи, чтобы картины смотреть, думаешь, перестанут? Ничего не изменится. Народ как был жаден до зрелищ, так и останется таким. А то, что человек сюда любит захаживать, так это тоже культура. Не будет пивных – народу негде будет свои мысли выражать. Тут атмосфера подходящая. В ресторане такие мысли не пойдут. В театре тоже. В парке на скамейке аналогично. Здесь непременно будут.

– Ты думаешь, что я не смогу высказаться где-нибудь в другом месте? – не на шутку вспылал Ваня. – Что мне подавай условия и прочее. Так, что ли?

– Высказаться ты сможешь где угодно, но услышанным ты вряд ли будешь.

– То есть меня могут услышать только после трех кружек пива, в сигаретном дыму? – не мог успокоиться парень.

– Ну что ты все – услышат, не услышат. Какая разница?

– Есть разница, мой друг. Большая.

– Не понимаю. От этого пиво хуже не станет, да и мир повернуть невозможно. Разве от этого что-то может измениться?

Какое большое расстояние было между этими двумя персонажами – длиной в диаметр стола или больше, например, в Тихий океан.

– Я тебе сейчас докажу, что я не просто... - он не договорил, выскочил на улицу, побежал куда-то в сторону центра. Через полчаса он вернулся. Молча заказал пиво, отпил половину кружки, немного подождал и стал говорить в такой манере, словно ничего не произошло – он выходил в уборную и вот он только что оттуда:

– В музее как-то экскурсовод рассказывал о картине. Это была известная картина Федотова. «Завтрак аристократа». На ней аристократишка пытается позавтракать, а на завтрак у него не совсем густо – хлеб и все. И вот кто-то позвонил в дверь, нужно идти открывать, и важно то, что ни в коем случае нельзя показывать, что у тебя на завтрак хлеб и ничего кроме хлеба, без масла и колбасы, даже соуса никакого нет. И он вынужден прятать этот кусочек. Под книги, не помню подо что. Чтобы гость не заподозрил в нем ничего особенного. Гость зайдет, они будут разговаривать о пустяках, о том, что было на ужин, он будет говорить о курином супе и жарком, вспоминая, что вечером грыз кислое яблоко. Кто-то из толпы не выдерживает – это, говорит, так похоже на нас. Как часто мы говорим о курице, когда на самом деле наши слова не дороже кислого яблочка с червячком.

Бельмонт понимал, что произошло на улице, и поэтому не хотел знать подробностей, в связи с чем старался говорить на посторонние темы, чтобы не расстраивать молодого человека. Но сместить он не умел и рассказывать длинные истории было явно не его коньком, зато он мог говорить о семье так долго, как того потребуют обстоятельства.

– Курица – это хорошо, особенно в супе. Моя краля совсем завтрак не готовит, – говорит, утром – йогурты. Дождись, говорит, обеда, тогда и будет мясо. А я хочу не только в обед. У меня и утром хороший аппетит. Я не перевариваю эти егурты, они у меня уже из ушей льются. Но разве ее убедишь в этом?

Среди посетителей пивной не было ни одной женщины. Из персонала – особенно выделялась барменша. Она с грустью смотрела на эту картину – пьют, разговаривают, судачат, спорят, снова пьют и о чем-то думала. О своем муже, который тоже сгинул в одной из пивных города, может быть, в какой-то степени, и под ее влиянием.

– Этот человек, быть может, железную дорогу кладет или того пуще водолазом работает, – стучал по столу Ваня. – Ему некогда смотреть на окружающих. Он делами занимается. А тут пришел в музей и все разглядел. Этим же картинам века, а они учат. Разве художник знал, что придет человек из народа и все поймет? Может быть, он не хотел, чтобы мы узнавали себя. Он не хотел этого допустить, но мы сами допустили и теперь сравниваем.

Что произошло на улице? Он пытался остановить прохожего и разговорить его, но вряд ли ему это удалось. Потом то же самое попытался с другим. Наверняка его послали куда подальше. Потом стал заходить в крупные заведения – рестораны, кафе, банки. Много ли он смог обойти за это время? Или же забрался на памятник или фонарный столб, чтобы обратить на себя внимание, и кроме милиции никто его не заметил. Еле ушел от них.

– Мой Пашка только с картинками книжки любит, – говорил Бельмонт. – Говорит, если книга без картинок, она не интересна. Все самое-самое в них. Без картинок – непонятно. Вот штука. Так и в музее – человек увидел картинку и все понял. Если бы он то же самое прочитал, то вряд ли бы дошел сам до этого.

Ваня Крутоверстов понимал, что Бельмонт не слишком хочет углубляться в его философию, что ему достаточно незначительных комментариев по теме. А у парня болела душа. Не просто так он говорил о своем непонимании, а ему действительно не было спокойно. Душа горела, в груди что-то сжималось, и он говорил...сейчас с Бельмонтом, так вышло, и не потому, что ему очень хотелось, а потому, что тот терпел и позволял говорить ему, не навязывая свою точку зрения.

– Нужно менять траекторию пути, – говорил Ванька. Заметно, что он устал. Отдачи не было. Игра в одни ворота. Он говорил уже неуверенно, но все также громко. – Нужно решать глобальные задачи. Нужно менять мировоззрение. Вот ты, мой друг, знаешь, как это сделать?

Если Ваня был специалист по части баек, то Бельмонт знал меру, когда уже хватит. Поэтому он улыбнулся и сказал:

– Нет, не знаю. Давай еще по одной кружке. Я угощаю. У меня же сегодня день рождения.

– Хорошо, – согласился Ванька. Он посмотрел грустно на улицу сквозь грязное стекло кружки и увидел лишь едва различимые пятна – стекло было очень широким и все, что он видел ужасно искажалось – люди походили на животных, животные на людей, пивная была заполнена медведями, которые танцевали друг с другом, правда, почему-то стоя на одном месте.

Бельмонт щелкнул пальцами, и пышная официантка принесла им еще по две кружки. Он смахнул пену и хотел рассказать еще одну байку или продолжить тему, которая вывела его из равновесия, но не успел.

– Можно к вам? – спросил мужчина, подошедший к их столику. Перед ними был профессор из ВГИКа. Конечно, Ваня его сразу же узнал. Тот самый, который спрашивал про Гомера в институте и брезгливо смотрел на его валенки во время приема экзамена.

– Понимаете, сударь, сегодня не я распоряжаюсь, – сказал Крутоверстов. – Вот, кто капитан этого кораб... точнее стола, – он указал на Бельмонта, который в этот момент снова бился с рыбой, на этот раз более удачно.

Профессор его не узнал. Или только сделал вид. Ваня не думал, что преподаватели ходят в пивную. По его мнению, они могут втихомолку пить дома или же на скамейке во дворе с местной бутылочной интеллигенцией, соображая на троих, четверых и прочее количество человек.

– А что? – сказал капитан. – Пусть присоединяется. Места на нашем лайнере хватит на всех. Ставьте свои кружки.

У профессора в руках было две кружки пива. Он разгрузил себя, положил шляпу, примеривая ее к столу, где уже было изрядно испачкано, наконец, просто свернул и положил в карман пиджака.

– Хорошо, но при одном условии, – сказал Ваня.

– Каком? – с интересом посмотрел на него профессор. Это что-то новенькое – студент ставит условия преподавателю. Но ведь он бывший студент и, соответственно, сейчас этот старикашка для него не преподаватель, а обычный прохожий, которому не надо в ноги кланяться.

– Вы должны будете рассказать нам историю, и не просто там историю, чтобы она была ух... чтобы в ней был смысл, то есть чтобы мы ее послушали и сказали эхх, а ведь правда.

– Это сколько угодно, – причмокнул от удовольствия профессор. – Я работал в театре и знаю столько баек, что вам и не снилось.

– Ну, вы понимаете, да, что история должна быть особенной, не так... – Ванька бил себя грудь, показывая, какая, по его мнению, должна быть история.

– Я вас понял, молодой человек, – убедительно сказал профессор. Он в привычной своей манере достал очки, вытер их платочком, бережно свернул и положил в карман, взял в руку кружку и, не отпивая, словно та служила ему реквизитом или для равновесия, начал рассказывать:

– Заболел как-то в одном довольно-таки известном театре нашего старинного города актер. Имя его тоже слишком известно, чтобы называть, но мы будем в нашей истории называть его Маратом. Заболел, видимо, серьезно. День нет, два, все волнуются. Идут репетиции, а он не в кордебалете, понимаете ли, а на ведущих ролях. Домой звонят, а дома жена, и все время говорит, что он то спит, то еще что-то, то есть возможность поговорить с ним исключена. Что делать, если Магомет не идет к горе, сама гора... в общем, решили его проведать. Приходят к нему домой, допустим, актер и режиссер, а

дверь никто не открывает. Ну, решили во дворе поспрашивать, ну если что подождать, вдруг человек в больницу попал. Мало ли. Тут и человека жалко, и спектакль... В общем, спросили бабушек на скамейках, дворника, еще одного местного старожилу и вот что оказалось. Этот нехороший человек, вместо того, чтобы болеть, тамадой работает на свадьбах. Всыпали ему конечно по самое, но он так и не перестал этим заниматься. У меня, говорит, дети, и если я буду жить на актерскую зарплату, то похудею, и ни один костюм мне подходить не будет. Знал, чем бить. Так и пошло – он время от времени развлекает свадьбы, ну а все остальные стали терпеливо сносить его отсутствие. Поэтому, как только этого артиста нет, объявляют день Марата. Его день. Где наш Марат, спрашивают? И все друг друга поздравляют, как будто этот день праздником стал.

Профессор отпил из кружки, делал он это как-то по-особенному – маленькие глотки, каждый глоток не спеша, и большая кружка, которая была ему неудобна и, поднимая ее, он все думал как правильно из нее пить, обхватив двумя руками или же одной.

– И? – ждал Кутроверстов. Он смотрел на преподавателя, который когда-то пытался завалить того на экзамене и теперь сам с присущим выгодной позиции скептицизмом смотрел на пожилого «студента», не желая удовлетвориться ответом, понимая, что нужны дополнительные вопросы.

– Ну и вот, – кивнул головой профессор, продолжая искать изъяны в кружке и пытаясь распробовать пиво. Казалось, что он очень давно не пил или почувствовал, что пиво не по нутру.

– Я не понимаю, – сказал парень. – То, что он выбрал вместо театра – свадебные гульбища – ну никак не оправдывает его. Да и где тут, скажите, искусство? Да, ситуация происходила в театре, и все. Но она никак не отражает ни одну из форм искусства, ничему не учит, не поражает воображение.

– Да при чем тут это? – спросил профессор. – Здесь это не имеет никакого значения. Зато традиция в театре появилась.

– Но она же возникла под влиянием отрицательного поведения, – настаивал молодой человек. Пожилой тоже не отставал от него. Бельмонт молчал, не желая вмешиваться, изредка улыбаясь, думая об увиденном как о представлении в его честь.

– Ну что вы все говорите? – очень учтиво говорил профессор. – Им же скучно. Вот они и развлекаются. Это же так безобидно. Спектакль-то был в результате выпущен. И все последующие тоже. А от скуки надо избавляться. Любой ценой. Вот они и выдумали день Марата. День, конечно, по-другому называется, но это не так важно. Главное, что они нашли в грустном смешное.

– То есть вы считаете, что наш народ портит искусство от скуки? – возмущенно спросил Ваня. – Это же ужасно.

– Но это так. У меня есть студенты. Один хочет снять блокбастер, другой копирует китайские боевики, говорит, что у нас еще не научились так делать. А те, кто что-то делает, вылетают, потому что у них столько энергии и они ее расходуют направо-налево. Эти студенты не совсем понимают, как идти в народ. Они идут, пьют с этим народом, говорят о том, что все плохо в нашей стране. Нет, чтоб идти и менять. Нет, чтоб с помощью своего мира показывать и учить. Нет, они будут пить пиво и учить людей по-одному. Так проще, да еще подобрать нужно таких, чтобы были далеки от искусства, чтобы не могли отличить хорошего от плохого. Им бы говорить и пить без повода.

– Что вы имеете в виду? – ожил Бельмонт, понимая, что приглашенный настроен не совсем положительно

– Да ничего, – перешел на более спокойный тон профессор. – Вы меня извините, что я вас побеспокоил. А то, что я сказал, может, звучит как-то не слишком любезно, но кому надо, тот понял.

Профессор молчал и смотрел на парня. Он не отрывал взгляда примерно минуту, потом поднялся, сказал спасибо и произнес то, что уже парень слышал на лекции, кажется, самой первой:

– Искусство принадлежит народу и народ вправе сам им воспользоваться. Породил

народ, и убивать будет он же.

И вышел из пивной. Возникла пауза. Не было уже того раннего свободомыслия, просто свободы. Профессор ушел, но его слова все еще продолжали звучать.

– Я бы расстреливал всех тех, кто так говорит, – не удержался Бельмонт. – Он может быть интеллигентнее нас, зашел сюда только так, – смахнул со стола и что-то в воздухе. – И пиво не допил, интеллигенция. Нашим больше.

– Цыц, – сказал Ваня.

– Я говорю, спокойнее стало.

– Цыц, – повторял парень. – Молчи.

– Ты чего? – с обидой в голосе спросил Бельмонт.

– А ничего. Не понимаешь, зачем языком молотить?

– Да мы же разговариваем. Разговор поддерживаем. Под пиво. Здесь необязательна сама суть.

– Ах, не обязательна? – вскочил он. – И что все здесь говорят о пустом? Здесь десяток столиков и все пустомели? Так под пиво решили поговорить?

На него смотрели с непониманием.

В полночь Ванька пришел домой. Осторожно открыл дверь. В комнате у сестры горел свет.

– Ты чего не спишь? – спросил он.

– Ага, он еще спрашивает, – всплеснула руками девушка. – Да мамка тебя пошла искать. Ты же в дом кино пошел. Наверняка после фильма в пивную зайдешь, решила она. И не прогадала.

– Да, встретил дружка своего. Большого человека когда-то. Один фильм снял и ушел в подполье.

– Куда ушел?

– На завод. Семья пошла, дети, внуки.

– Но разве это плохо?

– Нет, конечно. Это очень хорошо. Только...

Вошла мать. Она присела на скамейку в прихожей, услышала голос сына и сняла платок.

– Хочешь ужинать? – крикнула она.

– Нет. Чай поставь.

– С душицей?

– Да, с ней. Сейчас особенно с душицей хочется.

Когда человек сдувается

В парке имени Матросова бодро проходил полдень. Три юные студентки практиковали программу «заплыв в фонтане» и две из них собирали вокруг себя заинтересованную толпу. Присоединившиеся, в основном лица мужского пола, скинувшие с себя пиджаки и стянувшие галстуки, преобразились из деловых джентльменов в безбашенных подростков. Вадим подъехал без опоздания. Его леворукая «Тойота» была вычищена до блеска – заслуга его суженой, которая не могла терпеть грязи, мышей и холостяцких пирушек. Он заметил парковую вакханалию, хмыкнул и достал сигарету. Мы обнялись, присели за столик в летнем кафе и он жадно закурил.

– Ты же знаешь, моя не любит, когда я никотином наполняюсь. Говорит, как-нибудь переполнишься через край, что я с тобой делать буду. Приходится только в твоём районе наполняться табаком.

Я молчал и иногда отводил взгляд. Мне казалось, он чем-то озабочен.

– Моя машина наполнилась мелочью. Двух-, рублевые, пятидесяти-, десяти-, пяти- и даже копеечные монеты. Мне кажется, камеры оседают. Поехали на мост, свалим это в денежную яму и тем самым освободимся от груза. Я верю в кармическую связь между очищением и приобретением. Может, тогда тачку сбросить – чем больше груз очищения...

У Вадима был нервный тик. Когда он нервничал, у него начинала дергаться губа, а при более серьезных обстоятельствах нижняя челюсть.

– Две чашки кофе и бесплатный журнал.

Я решил организовать наше фри-тайм, так как он за себя не ручался. Теперь он молчал и порой отводил взгляд.

– Вчера была спартакиада на "Куршетке". Случайно попал. Договорился с теликом, так они всю студию привезли. То ли репортажей нынче нет, то ли действительно круче Куршетки может быть только Куршетка. У них даже лозунг появился: «Не станет Россия кур щипать, а будет Россия в Куршетку играть».

Мой друг затушил сигарету, отвел взгляд от фонтана и пристально посмотрел на меня.

– Моя не поедет. Мы так решили. Сперва я, то есть, конечно, мы, а потом, когда я устроюсь – она приедет. Так будет лучше. Она тяжело переживает переезды, неудобства и большой город. А мы с тобой аскеты, для нас лишний раз не поесть – не проблема, сон в кустиках, укрывшись лопухом - норма.

Он достал еще одну сигарету и долго не мог затянуться, так как поджигал фильтр, и это продолжалось, пока я не указал на ошибку. Официантка с красивыми ножками поднесла кофе и глянцевое издание. Я проводил ее ножки зачарованным взглядом, а Вадим отвернулся, повторно хмыкнул, отчего закашлялся и выронил сигарету.

– А как же все вместе? Все проблемы, с самого начала. Вы только месяц как женаты. Всего-то успели в медовый месяц матрас помять и украинские луга. Может, она передумает? Или слово?

Он листал глянец, не вчитываясь в рубрики, словно разминал пальцы и глаза, дабы узреть среди массы цвета и букв самое главное. Сегодня он надел футболку с логотипом нашей команды и пепел покрывал буквы на ткани. «Слово - не воробей, слово – чиж».

С женой он познакомился в больнице. Он лежал с язвой желудка, она лечила сердце. В результате ему не удалось завершить курс лечения, однажды ночью они сбежали, подкупив охрану имевшейся наличностью в размере ста двух рублей. Два рубля внесла Татьяна. Неделю они были в Крыму, родители не знали, что думать. На следующее утро после побега мама приходит в больницу и видит врача и весь медперсонал с разведенными руками. Мятая кровать, точнее, две кровати, но девушка аккуратно ее застелила – вот все, что осталось. Охранник Сережа после долгого отпирательства признался во всем, правда, успел уже потратить имевшуюся сотню. От него несло дешевым портвейном и луком. Когда парочка появилась, они, недолго думая, отправились в загс и через пару месяцев сыграли свадьбу. Я был свидетелем, и меня неоднократно отводил отец невесты, чтобы поговорить – качая головой:

«Молодые еще, главное, чтоб жили». У него был затасканный вид, на нем были мятые брюки и рубашка на размер больше. Взгляд сквозь густые брови казался зловещим. Когда резали торт, отец стал размахивать руками и мне от него досталось. В общем, Таня меня невзлюбила. Я устроил на свадьбе драку, а это плохая примета. Я только смеялся над этим.

Вадим был влюблен, и разговаривать с ним не имело смысла. Жена была первой, он, соответственно после. У него стал тише голос, он устроился на нелюбимую работу, с которой благополучно уволился, потому что у нас произошел разговор. На этот раз на кухне, прокуренной и заставленной пивными бутылками, в полумраке мерцающего света. Я говорил ему о том, что должен. О преимуществе быть первым, о мужском эго и о причине, побудившей нас появиться на свет. Сперва друг больше думал о том, что оставил свою благоверную одну и часто смотрел на телефон, кивая головой, думая о чем-то своем. Но после третьей бутылки и крика за стеной, который всего лишь был очередной семейной разборкой семейной пары с шестилетнем стажем, он посмотрел на меня, хлопнул на столу и сказал то, что я уже давно читал в его глазах, но никак не мог услышать.

– Достало!

К утру он точно знал, что делать. Три дня я его не слышал. Он не звонил, а в ответ на мои звонки отвечал сухо. – Еще нет, я с тобой свяжусь, когда все.

Он не мог говорить об этом открыто. Я чувствовал себя диссидентом, который сказал что-то такое, отчего могла измениться не только семейная жизнь двух провинциалов, но и всего города, в котором таких неуверенных, не знающих истин, больше допустимой дозы. Однако всем не поможешь.

И теперь он говорит, что мы едем вместе. Я же не думал никуда ехать. У меня были планы жениться и обзавестись детьми. Построить дом где-нибудь недалеко от города и по выходным курить кальян с пивом. Обсуждать Довлатова и Набокова. Сравнить жизнь городскую и деревенскую, уподобляясь Шукшину. И тут мое мироустройство рушится. Мне казалось, что я был рожден, чтобы делать людей счастливыми, пробивать для них дорогу, лишь проектируя, но не участвуя в этом. А тут мне предлагается собрать сумку в считанные дни и тоже ехать. Я согласился, думая о том, что помогу на первых порах, а потом уеду, когда фундамент будет крепким.

Весь вагон спал, и только два силуэта у окна шептались, предвкусывая свои мытарства. Оказавшись в столице всея Руси в шесть часов пятнадцать минут, мы узрели сумасшедшие потоки людей, бессмысленные потоки мыслящих организмов в розовых очках. Вот эта дамочка с сыночком на руках явно хочет найти отца и, может, знает, где он находится. А этот тинэйджер в деловом костюме, выглядящий от этого старше приехал поступать в театралку или сразу сниматься в кино. Вадим грезил о кино. Паркер, Джармуш, Тарковский и Звягинцев. Вместо книг на полках у него гордо стояли киношедевры. «Полуночный экспресс», после которого он решил уехать в Турцию и поменять тюремную систему. «Ночь на Земле», после чего, работая таксистом, часто ассоциировал себя с черным французом, высадившим плебеев в 4 часа ночи. Дом на Измайловской площади недалеко от Сиреневого бульвара заставил нас неоднократно улыбнуться, и первые столичники оказались людьми дружелюбными и готовыми помочь. Лужи после ночного дождя отражали восходящее солнце и дарили нам новые, незнакомые доселе эмоции. Мы были здесь, в том месте, в котором суждено свершиться. Или нет? Отнюдь, таких мыслей у нас быть не могло.

– Проходите. Вас двое? Как же вы уместитесь в одной комнатке. Там же один диван. У меня есть кот Мушаря. А мужа нет. Шесть лет уже.

Добродушная бабуля встретила нас, угостила своим чаем с травяным букетом, а я в свою очередь преподнес ей нашего медку трех сортов. Она обрадовалась, взяла хаир и убежала в свою комнату. Громко хлопнула крышка, по-видимому, сундука. Британец остался сидеть и буравить нас глазами.

– Ничего, привыкнем. Главное, есть крыша над головой и немного манки для кашки со сметанкой. Завтра на первый кастинг, а потом понесется душа... Ничего, шепотом тоже можно разговаривать. Хотя некоторые вещи можно и на руках объяснять. Кот, смотри-ка, не отходит. Будь начеку, ничего лишнего не сболтни. А то тебе несдобровать. Вот что она сказала на следующий день.

– Мы с вами не уживемся. Нет, и трех дней не дам. Сейчас, то есть через час, мне нужно уходить в больницу. Вы пойдете со мной. Нет, болваны, не в больницу. Вы пойдете на все четыре стороны. Но сперва плату за три дня, иначе милиция не спит, как и я, впрочем. Торопитесь, мальчики.

Бабуля-дюплекс, этакий хамелеон – сперва показавшая себя матерью Терезой, теперь точит топор на плахе нашего существования. Куда мы пойдём? Еще не было известно. Мне улыбалось то, что не придется ходить на цыпочках, говорить шепотом, использовать воду согласно регламенту на стене, слышать, как старая женщина день и ночь рвет газеты для туалета своего котика, а мой друг не мог сходить в уборную, потому что после 12 она запирается на замок.

– До свидания. И всего вам доброго.

Мои дипломатические качества взяли свое, и я не мог уйти от этой мерзкой старухи без доброго раскланивания.

Мы были свободны, но насколько эта свобода нас пугала. Особенно Вадима. Он уже успел два раза поговорить со своей суженой и три раза нажимал на сброс, потом несколько станций трепал мне нервы своим хладным взглядом и, наконец, звонил ей, успокаивая сладостными речами о предстоящих детях, внуках, правнуках.

Через два дня - после трудной ночи без определенного места жительства на вокзале среди вокзального мусора и тревожных взглядов и еще одной ночи в общежитии кооперативного техникума, – ему и пришла светлая мысль рвануть назад, в точку А, к тому колышку, от которого отвязала его родная женщина. Через два дня, не сходя ни на один кастинг, не постучав в ворота "Мосфильма", не положив голову под заклинание какого-нибудь театра и, наконец, не продержавшись здесь хотя бы месяц для проверки всех средств, Вадя сел на поезд и умчался с чемоданом, с наполовину неношенными вещами.

– Он уехал, – сказал я своей девушке, спрятавшись в душе общежития.

– Семья позвала, – прошептал я в трубку своей маме, ибо понимал, что спокойные потоки воды и полузакрытая дверь – единственная заслонка от обуреваемого мыслями о доме и тыквенных оладушках друга и единомышленника.

Когда человек сдувается, как воздушный шар, это ничего - когда-нибудь снова наберет воздуха и вверх, не лопаются же, как мыльный пузырь. Вадимка лопнул. По моему мнению. Хотя дал понять, что вернется. Окрепнет и вернется. Я сомневался. Но это был я. А в себя я верил. Холодные вокзалы и бабули-дюплекс меня не пугали. Они мне даже нравились. Наверное, и я им тоже был симпатичен. В какой-то мере.

Еще вчера я не думал, что останусь в этом городе. В конце концов, я ехал помогать другу. Он уехал. Моя помощь была не к месту. Я его не понимал. Да и мне было немного грустно, что остаюсь один. Почему я не вернулся вместе с ним. Просто я понял, что в этом городе мое будущее. Где-то здесь. Не стану тратить время попусту. Сегодня же начну искать. Есть одна квартира, где оно мне не улыбнулось. Понимаю, что подобных квартир будет множество, но с каждой неудачей я буду приближаться к моему единственно правильному пути, где меня ждут составляющие хорошей жизни – семья, карьера и друзья, с которыми так приятно провести ночь на кухне, невзирая на мерцание света и напитки, которые могут быть крепкими, как и отношения.

Кому Нал Ка

Федор знал, что выберут его.

– Почему должен ехать ты? – говорил его сослуживец Гена Бородкин. – У тебя три года стажа и непереносимость.

– Какая такая непереносимость? – не понимал тот.

– Ты пьешь мало, – полушепотом сказал Гена и подмигнул ему. На ужимки тот был горазд.

– А причем тут это? – спросил Федор.

– Эх, молодой еще. В командировке главное - налаживать контакт с новыми людьми. Ты же, можно сказать, от всего коллектива едешь и, посмотрев на тебя, увидят не только тебя, но и всех нас сразу.

– Тем лучше, что не пью. А ты что думаешь, что наш коллектив напоминает пьяную раскрасневшуюся рожу?

– Не в этом дело. Надо уметь в меру пить, в меру...

– Да ладно, – успокоил его Федор. – Я пью ровно столько, сколько надо, и, главное, не пьянею, а опыт у меня больше твоего, стаж-то мой продолжился здесь. Есть еще семь лет в другой конторе.

– Ну и что ты видел за семь лет, кроме стен кабинета и планов-планов-планов?

– Завидуешь, – прошептал он коллеге и склонился над проектом, который должен был сдать через неделю, но заканчивал уже сегодня. Он давно мечтал поехать в эту командировку. Он сам не понимал, что его тянуло. Все время в городе. За свои тридцать семь никуда не выезжал, так, разве что в деревню, да на рыбалку с соседом. Домашним он был каким-то. И вот, как только узнал, что к весне будет командировка в Москву, понял, что должен поехать именно он. Засиделся. А тут столица, две недели на всем готовом и город, который только по телевизору и видел. Пройдет по улицам, глотнет воздуха. К тому же, познакомится с другими людьми, столичными. Он их сроду

не знал. Был один фанфарон, приехавший к ним в бюро, так тот даже и не заговорил с ним, хотя Федор и подходил и спрашивал, как столица, как купола, отливают? Что там с мусором? Куда его отвозят? На что тот ему не ответил, пожал плечами, оставив Федю в раздумье.

Вопросы были заданы неспроста. Дело в том, что Федор работал в архитектурном бюро. Это бюро уже без малого тридцать лет проектировало в городе мусорки. Именно так, где они должны находиться, важно удобство расположения. В Москву его направили, потому что он был лучшим в своем отделе, несмотря на разговоры коллег, завидующих ему.

Ну конечно, барские условия, которые были обещаны, тоже прельщали. Отдельное жилье. На самолете в Москву. Он ни разу-то и не летал.

– Только смотри, Федя, – говорил Марс Викторович, его начальник. – Там все же люди того, образованные. Ты уж их не сильно учи. А то я знаю твою слабость.

Что было, то было. Федя был сдержан в алкоголе, никогда не ходил налево и был, в общем, положительным, если бы не его болтливость по части профессиональной темы. То есть это, наверное, и хорошо, что человек знает свою работу и может поговорить о проектах, но он не был сдержан. Его иногда заносило так, что берегись. Но это случалось не всегда, чаще всего, когда он был чем-то недоволен. В столице все должно быть в порядке, думал он, как и Марс Викторович. Почему? Так столица же. По-другому и быть не могло.

Сосед не поддерживал разговор, и всю дорогу Федор смотрел в иллюминатор на крыло, которое отливало то розовым, то красным. Облака были похожи на слой дыма и не казались такими недосыгаемыми, как с земли.

– Вот оно как, оказывается, – подумал Федор, – Не знал столько лет и еще лет двадцать не знал бы. Сосед спал, видимо, летал он чаще и к полетам относился спокойнее.

Москва его встретила радушно. Он взял машину, и таксист всю дорогу спрашивал его, чем тот занимается. Федор, конечно, рассказал, но он не мог о своей работе говорить в двух словах, слишком обширна была эта тема. И вот они уже приехали на место, прошло уже пятнадцать минут, а пассажир продолжал говорить о проектах, о перспективах роста. Он был вежлив, ему задали вопрос, и она на него отвечал, не заботясь о том, что ответ может занять продолжительное время. Наконец, заговорила рация, водителя вызвали, и он, извинившись, уехал, оставив Федора один на один с чемоданом и подъездом, в котором, по словам начальника, ждут апартаменты президентского класса.

– Ну что ж, – подумал он, – имею право.

Дверь открыла высокая худосочная женщина лет сорока. Она сказала добро пожаловать, знаем-знаем, провела по коридору и показала те самые апартаменты, в которых ему предстояло провести без малого две недели.

– Коммуналка? – кричал по межгороду Федор. – Апартаменты? Да там... вы сами видели, в каком состоянии у них туалет? А ванная комната? Там же в день по десять человек моются. И все разной национальности. Только что хотел помыться, а там этих волос, как будто кот брили.

Конечно, из обещанных условий выполнялось только несколько пунктов – были кровать и чистое белье, завтрак и ужин, но Федор, привыкший всю свою жизнь просыпаться утром рано и пить кофе в полном одиночестве (жена вставала чуть, а дочка еще была маленькой), сейчас вынужден терпеть целых двенадцать утр новых людей и делить с ними стол, а то и разговаривать с ними. Нет, разговаривать он любил, только утро было для него тем часом, когда можно подумать о чем-то своем, сосредоточившись на самом важном. Поэтому его раздражение было понятно.

– Я требую, чтобы меня перевели.

– Не можем, дорогой Федор, – говорил директор, будучи готовым к такому разговору. – Деньги уже выделены, переведены, и если только за свой счет.

Конечно, это было исключено. Не на курорте же он. Хотя разве были бы на курорте такие....

– Но это же антисанитарные условия. Тараканы, клопы, люди потные ходят, задевают друг друга. На кухне плита такая грязная, что мыть ее уже не имеет смысла.

– Скажешь тоже, большая разница. А то попалась бы тебе гостиница с сухим персоналом и стали бы они из тебя чаевые выжимать. А у тебя суточные и так небольшие. А так на сувенирчики потратишь. Твоя Алка будет так рада.

– Да, но тут нет условий, – продолжал Федор, понимая, что сдается. А тем временем начальство твердило свое:

– Зато две минуты до места. Да и тебе сам бог велел познакомиться с коммуналкой, с квартирой, в которой зарождалась интеллигенция.

Федор немного поворчал, так, для виду, но потом согласился. Отдельная комната, есть туалет, ванная. Да, не ахти какие, но хорошо, что есть. А квартира ему понравилась. Правда, на кухне тараканы бегали и была огромных размеров паутина на высоте три метра, но эти тараканы были московские, местные. Возможно, какой-нибудь умный человек их гонял и одновременно о чем-то думал. Например, о большом изобретении. Ведь не знаешь, когда оно, это великое изобретение, придет в голову. Во время тараканьих бегов либо когда штукатурка в комнате сыпется. Но обязательно что-то должно происходить, что-то должно быть не в полном порядке – только тогда приходят хорошие беспокойные мысли. Их он ждал. У себя дома, когда пил по утрам кофе, когда сидел на своем рабочем месте и перерабатывал, уходил позже всех и приходил раньше. Но эта чрезмерность ничуть не помогала ему, а скорее отдаляла его от тех мыслей, к которым он всегда стремился.

Хозяйку звали Леонора Зуфаровна. Худая, высокая женщина с большим горбатым носом, доставшимся ей по наследству от деда, которого она всегда вспоминала добрым словом. В число добрых слов входят «родовитость», «внимание» и «вино». Последнее она не просто любила. Ее день начинался с вина и заканчивался им же. Без глотка исключительно белого вина она не могла уснуть. В первый же день Федор узнал его вкус. Тогда и произошел первый московский разговор с москвичкой (с таксистом разговор не вышел, оборвался в неожиданный момент).

– Наш дом очень старый. В нем жили художники, поэты, был литературный клуб при литинституте, кормила голодных студентов и бомжей Армия Спасения. Потом приехал мой дед и купил все это. В своих краях он был крупный скотовод. После смерти матери уехал, так как незачем было ему одному. Скотину продал. Дом сжег.

– Зачем сжег?

– Он сказал, что в этом доме жила и будет жить только его семья. Поэтому он вправе делать все, что считает нужным. Даже землю оставил за собой, оставив надгробный камень.

Это смутило Федора. Он видел, как оставались заброшенными дома, заколачивались и вызывали оторопь. Иногда на них вешались растяжки, что означало, дом собираются сносить. Таких растяжек было огромное количество – они покрывали дом, выглядели как гробы, ожидающие своего часа, чтобы спуститься под землю. По-мнению Федора, это был тоже мусор. Все то, что находится не на своем месте, относится к мусору.

– То есть вот такая большая гора мусора стоит где-то... – сказал он хозяйке. – Но без них, это всего лишь мусор.

Леонора Зуфаровна была спокойным человеком. Вино ее скорее успокаивало, нежели вызывало агрессию, но то, что этот провинциал с такой легкостью отзывается о родительском достоянии, не могло не вызвать смятения.

– Это не мусор, это историческая память.

– Но народ-то не знает, что это исто-ричес-кая па-а-мять. Он проходит мимо, видит сгоревшие балки, камень заваленный, то есть он видит, грубо называя, хлам, и задается вопросом, а почему ни у кого не возникло желание убрать его.

Он понимал, что, может быть, не так разговаривает, слишком прямо, но знал, что откровение расположит и сделает его своим. Так он когда-то расположил к себе жену свою, друга Степана и начальника. Неспроста он его выбрал. Тут тоже важна искренность во всем. Он к начальнику по любому поводу. И по новым объектам, и по хоккею, и по удачной смете. Тот стал к нему относиться, как к родственнику. Тут он

тоже решил сродниться с этими коренными, стать на время своим.

– Разве можно прикасаться к истории? – говорила хозяйка. – Это же так просто, ясно, что каждая жердочка напоминает о чем-то очень важном, что по этим половицам они ходили, на этих стенах висели фотографии с родными. Да и вообще, все те, кто жив – они проходят мимо и вспоминают отца добрым словом. Да разве это плохо? Не это ли важно?

– Важно, чтобы они вспоминали его хорошим словом, а не спрашивали, «кто навалил эту кучу мусора».

В этот вечер они не договорили. У хозяйки болела голова и она, пожелав доброй ночи, ушла к себе в комнату.

– Может быть, не надо было так? – подумал Федор и допил остатки вина. – Хотя почему нет? Они же тоже, пусть и москвичи, люди образованные, не все знают. Может быть, и я чему-нибудь их научу. Еще спасибо скажут.

На следующее утро он проснулся поздно. Часы показывали полдень, и за стеной уже кто-то усиленно гремел гантелями.

Второй день в городе прошел спокойно. Он ходил по центральным улицам, смотрел на расположение мусорных баков и контейнеров, обращал внимание на прохожих – что они делают, когда развернут мороженое, ждал, когда они его съедят, чтобы проследить судьбу обертки, куда девалось выпитое пиво и почему его чаще оставляли на асфальте, нежели в баке. Это его еще и в своем городе смущало.

– Ну как город? – спрашивал начальник.

– Красивый, – ответил Федя, – только у них тоже не все в порядке.

– Да ты что?! – воскликнул удивленный голос.

– Именно, – важно сказал командированный и изложил примерные наблюдения. Это у него заняло семь минут. Могло занять, конечно, больше, но межгород напоминал о минутной плате тревожным пиканием.

– Только не говори об этом на конференции, – уверял его Марс Викторович.

– Почему это?

– Не поймут. Интеллигенция. И будут правы десять раз. То, что видят они, нам не видно.

– А что не видно? Разве у нас глаза другие?

– Другие. Они, может быть, понимают, где у них прорехи, но не делают акцент на них, так как есть другие более существенные проблемы

– А, вот что...

– Федя, Федя. Советую тебе сидеть и просто слушать. Впитывай, губка.

В московское бюро он пришел без опоздания. Как и к себе на работу, на полчаса раньше. Но его уже ждали.

– Здравствуйте, вы к нам практически с другой земли.

– Да, с другой.

Его угостили кофе, расспросили, как живет их стотысячный город и есть ли какие жалобы по части обустройства. Федор отвечал очень скромно, был немного зажатым, кратко говорил о городе, а памятнике, об истории происхождения и для чего-то приплел выдуманную им же историю о яме, в которую все кидают мусор и тот в ней исчезает. Заглатывает земля, что ли. Московские коллеги оказались намного проще, чем думалось – им понравилась эта история, и главный из них – седой, но очень импозантный мужчина с греческим профилем – сказал, что было бы неплохо, если бы в каждом городе были такие ямы. Потом добавил:

– Если у вас будут какие-то предложения или вы хотите выступить на конференции, то, пожалуйста. Милости просим.

У Федора екнуло в груди. Ну конечно, он хотел выступить, ему было что сказать.

Столько накопилось почти за десятилетие. И все как-то мелко, на собраниях, где к нему относились, как человеку без меры. Но тут-то так точно считать не будут, поверят, поймут. Но он не мог. Во-первых, должен был держать слово. Во-вторых, боялся.

Вспомнились слова Бородкина о «лице». Вот тут он и засомневался. Не может он вот так от всех – от себя пожалуйста, но чтобы от всего бюро... В конце концов, где я, –

подумал он, – в командировке, да еще где – в Москве, а это значит, нужно забыть о напряжении.

– Нет, знаете, я скорее за опытом, – сказал он и, пусть не это он хотел сказать, но чувство удовлетворения посетило его, и он даже обрадовался тому, что это сказал и что сейчас его отпустят и предстоящую неделю будет ходить исключительно на конференции и слушать, записывать, но никак не влиять на ход развития.

– Ну что ж, – ответили ему, дали пропуск и пожелали удачи. Он вышел с таким двойным чувством, что вроде как и снял путы, но почему нет той легкости. Возможно, он разочаровал их – а как хорошо начал, казалось, даже выбился из числа обычных командированных. Но решил остаться в тени, не высовываться.

– Вот так, – сказал бы Марс Викторович. – Молодчик, Федя, – пробубнил бы Гена Бородкин.

Вечером он познакомился с одним из жильцов. Его звали Кирилл, был он из Курска, работал уборщиком на территории торгового центра, ходил в запачканной одежде и был ужасно неопрятным. Все начинали разговор одинаково. Наверное, в этом была какая-то традиция. Что ж, традиции надо соблюдать.

– Как город?

– Красивый.

– Да, – согласился тот. – И что хорошо, здесь все свободны в выборе. Хочешь, будь собой, а хочешь корчи из себя другого человека. Я, например, здесь чувствую себя комфортно. Дышу, работаю, мечтаю.

– Захотел носить грязную одежду, носишь, – подумал Федор, – захотел спать в мусорном баке – ради бога.

– О чем же ты мечтаешь? – спросил он у парня. Тому было лет двадцать, и Федору было непонятно, как можно в свои два десятка ходить в грязной одежде и не испытывать при этом неприятие. Сам он очень был обеспокоен своей гигиеной. И теперь не только своей, так как они будут находиться под одной крышей около двух недель.

– Жить в большом особняке и не работать, – сказал Кирилл.

– Но за ним же нужен уход, – сказал Федор. – Разве нет?

– Ничего, я справлюсь, – ответил тот. Но он не знал Федора, которому было мало «справлюсь». Если ты намерен жить в большом доме, где нет городских удобств, то будь добр, объясни, как ты намерен жить и, конечно же, убирать мусор.

– Но туда не будет приезжать мусороуборочная машина. Она будет приезжать в город. А туда – нет. И тогда что? Куда прикажете сваливать скопившийся мусор?

– Да ладно, что там, – воскликнул Кирилл. – Одна бумажка там, другая тут и что? Жить-то можно.

– Но ведь неприятно жить, когда вокруг тебя грязно, – сказал Федор, сам того не замечая, как кипятится.

– Нормально, – сказал парень. – Привыкаешь.

– Но зачем привыкать, если это неприятно, – не понимал командированный. – Привыкнуть можно к чему угодно, но жить в доме, оформленном под помойку, это неправильно.

– А мне нравится, и что я с этим сделаю?

Действительно, ничего не сделаешь, конечно, попытаться можно.

– Наверное, ничего. Нужно понять, что жизнь в чистом доме намного приятнее, нежели....

Кирилл не понимал его. Он думал по-другому. И когда Федор в первый день конференции сидел в зале и слушал одного выступающего из таежного города, то едва не заснул. Тот говорил об известных всем фактах – дефиците, заводах для переработки, то есть говорил о том, что есть, а не о том, что нужно изменить. Он шел домой и по дороге смотрел на мужчину, который ел банан. Кожа полетела мимо урны. Федор поднял кожуру, окликнул мужчину, тот не услышал. Во дворе девочка бросалась в мальчика песком, но он был на значительном расстоянии, поэтому она не могла ему навредить. И в этот момент, когда песок летел в воздух, устраивая такой

фейерверк, он подумал, а куда бы во дворе можно было выкинуть, например, кожуру от банана или просто пакет с мусором. И он заметил, что некуда - во дворе не было ни одной емкости для этого. Как бы он ни искал, ни обходил дом, ну нет их и все.

– А куда же вы деваете мусор? – спросил он у хозяйки дома вечером за очередной порцией вина.

– А кто куда, – равнодушно сказала та. – В основном, складываем в коробку, и дворники уносят в соседний двор.

– Но это же неудобно. Вот у нас в каждом дворе есть мусорки, и это правильно. Человек вышел с пакетом мусора и – раз, в контейнер. Порядок.

– Понимаете, какое дело, – говорила женщина. – У нас очень старинный двор. Вы, наверное, заметили, что у нас даже скамейки по своему дизайну включены в общий ансамбль, цветник, и если еще поставить мусорный бак, то это испортит двор. Мне кажется, какое-то чудачество будет, если будет железный бак стоять. Геракл из будущего.

– Но так можно же мусорку сделать в виде вазы. Таких много в парках, в том числе в вашем «Аквариуме».

– Да, но говорят, что это слишком дорого.

– Да разве может стоить дорого искусственная ваза?

– Дороже будет сохранить ее в первозданном состоянии.

Три дня он ходил и слушал, что говорят столичные коллеги. На четвертый не пошел, просидел дома, что-то писал, а на пятый день отправился прямо в бюро и высказался. В московском бюро его слушали с интересом. Он долго говорил о том, что в наше время все больше проектируется мусорок, что означает, что мусора стало больше в десятки раз и что необходимо его сократить.

На шестой день пришел с пакетиком.

– Это что у вас? – смеялись над ним.

– Это наглядный материал, – сказал Федор.

– В смысле?

– До работы две минуты. Пока я шел сюда, я насчитал всего три урны. Этот мусор я подобрал только в радиусе одного шага.

– Но мало поставить урны, нужно еще, чтобы человек додумался. А в этом и есть самая большая загвоздка.

– Неужели в столице и с этим проблемы? Тогда я не знаю.

Его это смутило. Он не сказал всего того, что хотел. На следующий день он снова сидел на конференции и посапывал. Вечером пришел домой и не узнал прежней домашней обстановки – на кухне громко разговаривали и не менее слышно смеялись.

– Что здесь происходит? – спросил Федор

– Да к нашему Рамсулу брат приехал, – сказала Леонора Зуфаровна. – Празднуют.

– Снова будет много мусора, – подумал Федор. – И никто ничего не говорит. Все только думают об этом. Сколько можно! – И ему хотелось высказать народу – тому, кто любит после себя оставлять столько грязи. Он вышел на кухню. За столом удобно расположилось четверо. Они пили вино и неторопливо вели беседу.

– Да, дорогой, – с интересом посмотрел на него Рамсул.

– Выпить с вами хочу, – твердо сказал гость.

– Так садись, дорогой, – гостеприимно ответил тот, другой подставил ему стул, и стакан тут же был наполнен, а рядом поставлен прибор. Празднующие смотрели на новоявленного гостя и молчали. Возможно, они понимали, что тот плохо понимает их диалект, а по-русски говорили плохо, и поэтому ждали, когда он скажет свое первое слово.

– Выпьем? – предложил Федор.

– Да, выпьем, – согласились все и заметно оживились. Чокнулись, осушили стаканы, закусили, думали, что можно будет говорить, но очередная пауза. Снова замерли в ожидании, что Федор что-то скажет. Через минуту он повторил:

– Выпьем еще?

– Непременно, – ответил Рамсул и добавил. – Закусывай. Мой брат такого барана

привез. А это плов из него. Еще вчера был баран, а сегодня вкуснейший плов.

– Вот вы выпьете... – проговорил Федор, немного заплетающимся языком.

– Выпьем дорогой, – согласился Рамсул. – Непременно. Ни капли не останется.

– Все скушаете... – продолжил архитектор.

– Обязательно закусим.

– Куда мусор денете?

Нависла пауза. Последние слова прозвучали как приговор.

– Не будет у нас мусора, – ответил Рамсул.

– Ну как же. От вина...

– Ты видел наши бутылки. Э –э. Это же красота. Чтобы такой красивый сосуд выкинуть, нужно гадом быть.

– Ну, хорошо, а кости. От барашка.

– Сколько собак бездомных. Все им.

Федору нечего было сказать. Он не понимал, почему так происходит, что кто-то умеет гулять шумно и весело и при этом не оставляет ни крошки, а другие молча мусорят. Он не мог этого понять. Последующие два дня он старался не смотреть вниз, обращать внимание не только на то, что находится на уровне щиколоток, а смотреть на людей, на памятники, заглянул в музей. Он старался не быть тем, кем он был. Это было очень трудно, но он понимал, что просто необходимо.

Когда он прощался с городом, он думал о том, что этот город красив и что он всегда будет красивым, даже если в нем будет какое-то количество мусора. Все относительно.

То, что одним кажется ненужным, то есть мусором, для другого – важная вещь.

Поэтому просто надо быть ближе к людям, не мусорить у них в доме, а в своем не допускать этого. Но без фанатизма, чтобы человек не чувствовал себя преступником, уронив бумажку в неположенном месте.

Самолет взлетел, оставляя внизу город, добрые отношения. Оставляя людей, живущих в нем, несмотря на таких как он, сующих повсюду свой нос. Но, чтобы не навредить им, а искренне помочь, нужно понимать, что иногда следует не говорить об этом так, между делом. Следует заявить об этом громко или... молчать. Но он не смог...

Поэтому, главное, что он оставил в этом городе М – конечно, свою педантичность, и возможность сказать правду. Показать лицом все бюро – это одно, но показать свое настоящее лицо – это немного другое. Последнее он всегда очень тщательно скрывал. Скрыл и здесь, хотя была другая возможность.

Он сидел в салоне и думал об этом, и был настолько поглощен своими мыслями, что неожиданно закурил – взял в рот сигарету, поднес зажигалку и уже затянулся, как услышал над самым ухом:

– Извините, но в салоне нельзя курить, – сказала стюардесса, наклонившись к нему.

– Я знаю, просто как-то машинально, – сказал он, понимая свое нелепое состояние. Он бы никогда не сделал этого, будучи... да что там, сделал же.

Он убрал сигарету, улыбнулся соседке, которая тоже сразу не поняла, что он сделал это ненамеренно, и удобно расположился в кресле. Впереди было три часа в воздухе.

Метод куропатки

Дверь скрипнула и показалась голова.

– Можно?

Доктор Смельнов пил чай и смотрел на календарь, на ту самую графу, где маячил отпуск. Графа была отдалена на два ряда и три строчки от сегодняшней даты. На часах одиннадцать и в проеме очередной пациент, которого он уже ненавидит.

– Заходите, больной, – сказал он, понимая, что допускает ошибку, называя его «больным», но тот вошел, не обращая внимания ни на слова доктора, ни на цветок, который он задел бедром. Бочонок с кадкой наклонился вправо и, не справившись с равновесием, упал набекрень.

– Я вас слушаю, – спокойно сказал доктор, внутренне назвав вошедшего неуклюжим

единорогом и на секунду представив, что бы тот сказал, если бы он произнес эту фразу вслух.

Крупный мужчина поднял цветок. Казалось, что тело ему не принадлежит. При его комплекции нужно быть более уверенным в себе, а он вел себя так, словно только сегодня получил это тело и еще пока не освоился в нем.

– Мне непросто это говорить, – начал он. Ему было тридцать пять-сорок, гладкая, без единой волосинки голова, маленькие пороссячи глазки, тонкие губы и широкие плечи. – Не самое удачное сочетание, – было подумал доктор, но произнес противоположную по энергетике фразу:

– Не волнуйтесь. Все, что вы собираетесь мне сказать, останется между нами и за пределы этого помещения ни-ни.

– Хорошо, – сказал пациент, стараясь унять дрожь в коленях. Наряду с дрожью в ногах стучали зубы, и руки не могли найти себе места, перемещаясь от кресла, от подлокотников до шнурков на ботинках, которые он затягивал все туже и туже. – Можно воды?

– Да конечно, – устало сказал доктор, словно должен быть добыть воду не методом нажатия помпы кулера, а древним методом выкапывания ямки. Он встал, прошел мимо дрожащего пациента, посмотрел на молчащий телефон в коридоре, на спиралевидный черный провод, набрал воды и протянул мужчине пластиковый стаканчик. Тот выпил, попросил еще, доктор налил, пациент выпил. За третьим стаканом он подошел сам. Доктору казалось, что этот крепыш специально зашел к нему в кабинет, чтобы напиться, а не по другому поводу.

– Спасибо, – наконец сказал тот. – Мне вода помогает, когда на ринге встаешь после удара, и тебе еще нужно выстоять несколько секунд до гонга, то так хочется пить. Это, наверное, самая сумасшедшая жажда.

Доктор посмотрел на дверь, за ней секретарша говорила по телефону со своим бойфрендом, там еще был мягкий плюшевый диван красного цвета и столик с журналами. Хорошо. Если спуститься по лестнице, то можно выйти на улицу подышать воздухом.

– Так значит мы занимаемся боксом? – поинтересовался доктор, но этот вопрос был скорее дежурным, нужным для продолжения беседы, чтобы заполнить ближайший час.

– И вы?

– Что я?

– Вы тоже занимаетесь? Разряд? То-то я почувствовал в вас соперника.

– Да что вы такое говорите. Я сказал мы, подразумевая, что вы занимаетесь боксом. Я разве не прав?

– Правы, занимаюсь, с самого детства. Мне тогда исполнилось полгода. Я врезал соседке в глаз. Она взяла меня на руки со словами «какой хороший мальчик», а я – апперкот. Она мне и потом этот случай вспоминала, пока я не повторил это с ее мужем.

Смельнов глубоко вздохнул, подумал, что в таком случае необходимо применить практику куропатки, изобретенную лично им. Он пользовался исключительной авторской методикой, поэтому и был известен в широких кругах как талантливый психотерапевт. Но в последнее время сдал, так как ушла жена, застав его с любовницей в отеле, где он, по словам, принимал очень важного пациента. Отняла у него все, что было, оставив только работу, на прощание пожелав «удачно сдохнуть». Она никогда не владела психологией в той мере, что было подвластно ему.

– В два года я проглотил гвоздь, – с увлечением говорил пациент. – Маленький, естественно, и что странно, переварил. Он прошел через весь организм и вышел естественным путем. Уже тогда меня отец назвал Гераклом и пусть я ничего не понимал в тот момент, я уже знал, что мир от меня ждет чего-то особенного. В пять я выбил зуб английскому догу. В парке. Все вышло просто: он пошел на меня, не знаю, для чего тогда за мной пустился. Я не плакал, небольшой удар, и пес скулил, зализывая рану.

Он молотил воздух руками, создавая турбулентность, и все дальше, казалось доктору,

его отпуск, жена и мечта остаться наедине. Он смотрел на чудаковатого субъекта, старался сравнить его с предыдущими. Вспомнилась женщина, одержимая манией преследования. Сейчас она ему казалось ребенком с коклюшем.

– Знаете, что такое печаль? – продолжал говорить пришедший. – Когда на тебя возложена некая надежда? Что ты должен не для себя, а для всех? Это я почувствовал в семь. Правильно, доктор, школа. Я пошел в нормальную школу, но никто кроме меня не думал о том, что я смогу поколотить уже в первом классе семиклассника, который назвал меня мелюзгой. Не на того напали. Тогда и пошла в ход авторская методика. Смельнов улыбнулся краешками губ.

– Одна авторская методика пытается оседлать другую, – думал он. – Пустая трата времени.

Он не сомневался в своей уникальности. То, что вся сила и энергия в головном отделе, он не сомневался. Он со скептицизмом смотрел в эти маленькие глазки и внутренне ненавидел эту категорию людей, которых и за людей-то не считал. Они живут, чтобы... знать бы, для чего они живут. То, что делает этот верзилка своими кулаками, не может стоять рядом с тем орудием, которое он изобрел на заре своей карьеры. И которым поразил многих парней в бронезилетах. Мужчина не смотрел на него, он, скорее, искал объект на стене или потолке, и как только их глаза встречались, отводил взгляд в сторону.

– Да, я записался в секцию, – тем временем говорил он. – И первый месяц родители не знали, чем я занимаюсь. Да что беспокоиться. Битым я никогда не был, поэтому и синяков никогда не получал. Правда, был один случай, так это потому, что я влюбился тогда. А любовь и бокс – понятия противоречивые. Женщины имеют место быть, разве что, как куклы.

Смельнов подумал, что с такой философией, наверное, жилось бы ему проще. Но так думают в боксе. А он не боксер. Хотя кто-то из его коллег назвал их профессию самой опасной – столько перевариваешь, что часто приходится делать промывание.

Боксер замер на мгновение, думая о чем-то, закрыл глаза, зачем-то встал, сделал шаг к двери и назад, потом сел, продолжая, как будто ничего не было:

– А в десять лет я свернул шею голубю. Я тогда пережил первый стресс. Когда в твоих руках гибнет птица, не мелкий клоп, не сверчок, нечто большее, чье дыхание ты можешь услышать и даже увидеть мольбу в глазах.

Смельнову показалось, что тот сейчас не сдержится и заплачет. Он уже потирал глаза.

– Этот голубь был таким беззащитным. Мне ребята: сможешь? Я – зачем? А они: не спрашивай, а просто сделай. И я просто сделал.

Некоторые пациенты сразу говорят о своей проблеме. Этот решил сначала рассказать, кто он есть и вообще есть ли здесь какая проблема. Волнуется, это факт, но явной проблемы не видно. Да и боксер ли? Помнится, один пациент так хотел стать капитаном подводной лодки, что кругом называл себя кэп. Все возможно.

Доктор поймал себя на мысли, что впервые ничего не записывает. Делать пометки в своем темно-синем блокноте стало для него вполне обычным делом. Но сейчас он не только ничего не отмечал, сложив руки в замок, но и не мог найти его глазами.

Наконец, он вспомнил, что блокнот остался лежать в уборной рядом с рулоном туалетной бумаги. Ему показалось это смешным. Он улыбнулся и даже едва заметно хмыкнул. Это заметил пациент.

– Вам смешно?

– А? – переспросил Смельнов, понимая свою оплошность. – Да нет, не очень. Точнее, не совсем. Извините, вы рассказывайте, я вас слушаю. Обещаю, что больше не буду вас шокировать безобидной улыбкой.

– Улыбка может уничтожить, – с обидой в голосе сказал он.

– Не буду, – твердо сказал доктор. Метод куропатки проигрывал методу боксера. Мужчина продолжил:

– Надо мной смеялись в пятом классе. Я был крупным, ну вы понимаете. Толстяком. Но это недолго. Вскоре жир превратился в мышцы, и смеяться перестали. Я знал, что делать, чтобы избавиться от этой нехорошей привычки надолго. Меня боялись. Уважали,

наверное, тоже. Я плохо учился, и меня учителя скорее терпели, чем любили, но закончил я школу без двоек. А потом стал взрослым, получил, как говорят, билет зрелости, а с ним возможность бить кого угодно и где угодно.

Пациент подошел к картине с изображением взлетающей лесной птицы и стал внимательно изучать ее.

– Пока вы лечили, я колошматил таких как вы. То есть, что получается? Благодаря мне у вас есть работа.

Он повернулся, смял тройной стаканчик и бросил в урну. Та качнулась от попавшего в нее снаряда.

– Да, но ко мне люди приходят исключительно с душевными ранами, – сказал Смельнов.

– Душевные, телесные, какая разница, – рявкнул боксер. – Все равно больно.

– Ваша правда, – согласился доктор. – Действительно, в обоих случаях очень больно.

– Иногда мне кажется, что я дерусь со своим соперником потому, что если бы мы с ним начали разговаривать, то стали бы люто ненавидеть друг друга. А это намного хуже.

Представляете, когда все внутри тебя ненавидит. Одно дело, когда тело воет от негодования, другое дело, когда душа.

Смельнов видел, что этот пациент относится к числу говорящих, тех, кого просто надо слушать, и это обрадовало его. Жена не умела его слушать, да и говорящей назвать ее тоже было нельзя. Последние три года он пытался определить свою позицию в их совместной жизни – слушателя или же наоборот. Сейчас его смутил резкий переход рассказа пациента от бурной юности к сегодняшнему состоянию. Из ребенка, переварившего гвоздь, он превратился в хлюпика.

– Про душу я совсем недавно стал думать. Я не думал, что она может как-то влиять на сознание. Всегда казалось, что это пустое. Только слабаки могут искать в себе, а я не слабак. Мне нос трижды ломали, два раза я даже не почувствовал. Но это все телесное. Нос, почки, солнечное сплетение – все это лишь то, что окружает главное, что есть в человеке – сердце.

Смельнов замешкался. Он не координировал ситуацию. Перед ним пациент, по его мнению, разыгрывал комедию. Не может боксер вести себя так. Либо он не в себе, либо это не боксер.

– Прекрасное наблюдение, – сказал доктор. – По словам Чехова, в человеке все должно быть прекрасно. Это касается представителей любой профессии, в том числе и бокса. Но мне кажется, вам это мешает.

– Вы меня понимаете? – уже с отчаянием, но последние слова вернули пациента к жизни. – Милый доктор. Помогите, я не знаю, как и что делать. Я делаю то, что мне не свойственно, думаю о том, о чем никогда раньше не думал. Мне страшно.

Боксер готов был снова разреветься. Смельнов, многое повидавший за свою многолетнюю практику, не мог представить, что человек такой комплекции может вот так сломаться. Обычно перед ними сидели долговязые худые мужчины и полные, заплывшие жиром женщины.

– Не бойтесь, – говорил доктор. – То, что вы услышали свое сердце, вполне очевидно. Вы раньше больше думали о другом. Но так получается, что организм начинает сам подсказывать форму поведения. Вот он вам и нашептал.

– А как избавиться от этого голоса?

– Боюсь, что избавиться от него вряд ли получится, но с ним можно договориться.

– Вы умный человек. Я что должен стоять перед зеркалом и внушать, чтобы тот заткнулся.

– Не обязательно. Можете просто сказать: «я уверенная в себе птица», «я куропатка». Доктор знал, что его метод эффективен, и хотя пациент, а тем более этот, из разряда трудных, скажет: «никогда!», он не отчаивался, а продолжал разъяснять человеку с толстой кожей его возможности, о которых тот наверняка не догадывается.

– Дело в том, что вам необходимо найти ту оболочку, тот костюм, в котором вам будет уютно говорить, но важно не предстать перед самим собой в обыденном.

– Я вас не понимаю.

– Представьте, что вы приходите на вечеринку и оказываетесь точно в таком же костюме, что и ваш коллега. К тому же и галстук у вас красный с синими полосками, и рубашка голубая.

– Я не ношу голубые рубашки.

– Ну, хорошо, допустим рубашка розовая. Да и туфли у вас одной фирмы и также вызывающе блестят.

– Кого вы хотите из меня сделать?

– Я вам просто хочу помочь.

– Назвав меня куропаткой?

– Куропатка – это все лишь образ, противоположный вам. Куропатка – маленькая слабая птица, которая всего лишь объект спортивной и промысловой охоты. За ней охотятся, чтобы бросить в котел и на огонь, да побыстрее, посолить, поперчить и мешать, мешать.

– Да я... – не удержался боксер, двинулся к столу, схватил доктора за грудки и приподнял.

– Отпустите меня, – спокойно сказал Смельнов.

– Вы продолжаете уверять меня, что я куропатка?

– Больше не буду.

– То-то, – удовлетворенно выдохнул пациент и отпустил доктора. Тот растянулся на полу, но через мгновение уже стоял перед боксером, нервно жестикулируя, акцентируя его внимание на указательном пальце, которым он беспокойно дергал.

– Вы, вы... – пытался что-то вымолвить Смельнов, но не решился.

– Вы меня извините, но я бы вас все равно не ударил, – сказал мужчина и похлопал Смельнова по плечу. Тот не ожидал очередной атаки и ретировался в сторону, сметя вентилятор и планшет с планом на сегодняшний день. План лежал на полу.

– Хорошо, я попробую, только сделаю это про себя. Не вслух. Такой вариант вас устраивает?

– Д-да, – заикаясь, ответил Смельнов, понимая, что единственным желанием у него осталось не двигаться, не предлагать ничего пациенту, только слушать и соглашаться на все, что он скажет. Он посмотрел на часы. Мертвые стрелки лениво передвигались и напоминали о четверти часа, который еще впереди.

– Как вы испугались, – продолжил мужчина. – Как мне это знакомо. Эти бешеные глаза ягуара, когда в него вонзилось копье. Как мне это знакомо. Итак, ... про себя. Я попробую, но ничего не обещаю. Может не получится.

И вроде получилось. Во всяком случае, так показалось Смельнову. Боксер задумался, снова закрыл глаза, на этот раз прошел к окну, вероятно, эта процедура для него была естественной. Мгновение спустя он сел в кресло, открыл глаза с намернувшимися слезами.

– Один раз я новичка ударил, – воскликнул он.

– Хорошо.

– Разве проблема – это хорошо? – привстал боксер. Смельнов понял, что тот прав, но и он не желал ничего плохого ему, но у пациента округлились глаза и приподнимались плечи с каждой последующей секундой. Доктор поторопился сказать:

– Нет, я хотел сказать, что я вас слушаю, и когда я произнес «хорошо», я имел в виду, что этот пункт мне ясен и вы можете продолжать.

Пациент как будто его не слышал.

– Я ударил новичка, а вы говорите хорошо, – с обидой в голосе сказал он. – Он встал в стойку, я должен был ему показать виды нарушений и, сам того не ведая, какая-то сила меня повела, ударил его локтем. Я должен был это показать, но так лишь, продемонстрировать, но без силы, без толчка, но что-то мне в нем не понравилось, и я ударил с силой.

– Что вы почувствовали? – спросил Смельнов, понимая, что и на этот раз обошлось виллу своей предприимчивости, как он думал. Но боксер был просто увлечен. Он говорил о себе, и это было веской причиной забвения.

– То, что..., – запнулся он, вытер сочащуюся слюной губу и продолжил, – ... ненавижу

себя, свое тело, которое мнит себя божественным и может распоряжаться так, как ему вздумается. Мне так опротивело оно в тот момент. Хотелось его линчевать – да, тогда я подумал о фастфуде, ноже и Москве-реке, про неположенное для купания место. То, что было похоже на плач, скорее напоминало всхлипы, обрывистые, по несколько секунд, они заканчивались, неожиданно начинались снова, без слез – этакий сухой плач.

– Оно меня не слушает, – хныкали сто двадцать килограмм веса. – Мое тело ведет себя как программа, которая была введена в него, и я ее выполняю.

Смельнов был хорошим психотерапевтом. И пусть он сейчас почувствовал слабину, думал об отдыхе, об оставшихся до конца рабочего дня минутах, ему все же хотелось помочь этому несчастному.

– Сейчас я вам дам маленькую установку, – сказал он. – И если вы ее будете соблюдать, то все будет в порядке. Но перед этим несколько вопросов.

Доктор, ранее не хотевший делать что-то из ряда вон, и зная, что впереди всего пятнадцать жалких минут, сознавал, что их может не хватить. Но внутренний голос подсказывал – нужно постараться уложиться и, если что, занять время и не кричать Леночке «кофе», «у меня важные переговоры с бывшей женой» и предаться релаксу. Боксер сжал кулаки, стиснул их и, казалось, что он соревнуется с самим собой. Доктору самому стало интересно, чья возьмет. Наконец правая рука соскользнула вверх и замерла в воздухе.

– Если это как-то мне поможет, то я, конечно, готов, – сказал пациент.

– Уверен, что поможет, – радостно сказал Смельнов, довольно потер руки, удобно расположился в кресле, кажется, наконец-то за этот час почувствовав себя в своей тарелке. – Итак, первый вопрос: как вы отдыхаете?

Пациент нервно засмеялся. Доктор не знал, как реагировать на смех – то ли это был положительный момент, то ли снова наступил момент напряжения.

– Отдыхаю? – переспросил мужчина, и рисунки на его майке задергались в такт движению тела. – Вы что, издеваетесь?

– Я просто спросил, как вы отдыхаете. Почему вы думаете, что этот вопрос с издевкой?

– В нем явно чувствуется подвох, – сказал мужчина и вытер лоб, смахнув каплю величиной с грецкий орех. – Уже без малого одиннадцать лет я бью морды. Вы меня, конечно, простите, но когда я не бью морды, то думаю о том, что мне предстоит это делать завтра или послезавтра, и даже если не через неделю, то через месяц точно, но месяц без боев тоже не будет спокойным, так как и снится мне будет все из одной области – области бокса. Вот такой замкнутый круг.

Он приложился к своему лбу и доктор все ждал, когда посыпятся очередные орехи. Смельнов улыбнулся, замер со своей дежурной улыбкой и произнес:

– Возьмите тайм-аут.

– Тайм что? Аут? И дальше все, то есть аут. Правильно. Газеты станут нести про меня несусветную чушь, что у меня проблемы с наркотиками или алкоголем и тренер со мной не справляется. В нашей стране нет понятия работы на себя, есть понятие на благо всей страны, и даже если ты пытаешься выиграть бой после поражения, то критики заведомо так тебя опустят перед победителем, что твой рейтинг падает. Один тайм-аут, а по шкале я буду так низко, как на самой глубокой станции. Не пойдет.

– Тогда вам нужно расслабиться.

– Это еще как?

– Очень просто. Массаж.

– Нет, тоже не годится. Ну и как все это будет происходить? Массаж мне будут делать таитянки, которые по-русски ни бельмеса. С ними даже не поговоришь. Вот мы с вами откровенничаем и пытаемся найти выход, а они измажут меня маслом и будут скользить своими руками по телу.

Теория не помогала. Лекции тоже. Библиотека около дома, Ленинка по выходным и разговоры с академиками у них дома под чай с бальзамом не спасали.

– Тогда сходите в музей, – пальцем в небо тыкал Смельнов.

– Что?

– Я вам могу посоветовать Пушкинский, а лучше – Рериха. Да и в Музей востока сходите. Непременно побывайте на Винзаводе, там вы сможете увидеть новые направления.

– Что я там не видел?

– Вы когда-нибудь ходили в театр? – вопрошал доктор со своей улыбкой, которая стала спадать и превращаться в оскал. Пациент это не одобрил. Он повторил гримасу Смельнова так, что тот закашлялся и повернулся к окну. – Так что насчет театра?

– Да, представьте себе, бываю. Редко, но бываю. Раз в...год, точнее два или три года. Да какая разница. У меня работа похлеще, чем у горняка, который света белого не видит. Утром в шахту, поздно вечером из шахты. Так и я – утром зал, вечером из зала.

– Знали бы вы, как важно любить искусство, – неожиданно, с вдохновением произнес доктор. Он словно что-то увидел в окне. Там были дома, мост, небо и птицы. Которые оставляли белые пятна на окне и карнизе. – Вот вы живете в столице и наверняка не знаете, сколько у нас есть мест, где можно хорошо отдохнуть не только приятно, но и полезно.

– Рестораны что ли? – грубо сказал пациент. – Нет, у меня режим, я не могу. Спецдиета.

– Да нет же, – махал руками Смельнов. Улыбка вернулась к нему, но стала более непоседливой и гибкой. – Причем тут рестораны, кабаки? Я говорю про те места, где вы можете расслабиться.

Но пациент непонимающе хлопал глазками и нервно кусал губы:

– Это в театре разве можно расслабиться или в вашем хваленном музее? Я буду сидеть в зале и видеть в лице актера своего соперника. Еще черт дернет за кулисы пойти. Я же могу. А в музее – да это же скука смертная. Ходить по залам и смотреть на мазню. Доктор, не надо. Я вам говорю: лучше не надо.

Пациент снова выходил из круга внимания, но Смельнов не сдавался. Он почувствовал азарт, и пусть часы показывали время окончания приема, он все равно говорил, наблюдая за зрачками боксера – такими маленькими, что нельзя было угадать, злится он или нет.

– Тогда есть консерватория, – доктор забрался на стол. Ему казалось, что только так можно говорить о возвышенном. – Вы идете туда ну хотя бы раз в месяц. Садитесь в зал и слушаете. Боже мой, это же прекрасно. Живая музыка. Классика. Она заполняет вас, вы забываете про все боли, и ваше тело не будет больше таким неподатливым. Оно начинает слушаться, потому что вы будете давать ему нечто большее, чем ежедневные рутинные тренировки. Оно будет благодарить вас.

На последних словах доктор даже притопнул. Папка, ежедневник и скульптура аборигенов, совершающих ритуальный танец, подпрыгнули. Он вошел в раж и сейчас чувствовал, что пациент слушает, и это ему придавало больше уверенности, и вот он возвышался над столом, своим креслом, ошарашенным боксером, городом, птицами, их белыми испражнениями на окнах. Высоко подняв голову, ожидая, что боксер либо расплачется, либо поблагодарит его.

– Знаете, доктор, – сухо сказал пациент, – я смотрю на вас и думаю, что вы хотите меня ударить.

– Я? – отстранился доктор. Он едва не упал со стола, но вовремя спохватился и сполз на пол. – Но я не хочу вас ударить. Скорее наоборот.

– Почему же вы меня по-настоящему не ударите? – спросила фигура грубо со знакомой обидой в голосе. – Подойдите, ткните в грудь и непременно свалите меня. А знаете почему?

Пациент стоял перед ним. Он взял руку Смельнова и ткнул себя в грудь. Боксер едва покачнулся, доктор одернул руку, отошел к окну, вытер лоб занавеской. Он хотел что-то сказать, но все слова утонули в страхе перед непредсказуемостью пациента. Bravo, доктор Смельнов. А теперь ваш выход...

– Нет, вы меня не бойтесь, – сказал боксер. Голос его был мягким. Обида ушла, не попрощавшись. – Просто дело в том, что каждый, кто находится рядом, мнится мне соперником. И не важно, улыбается он или просто смотрит в окно. Мне думается, что у

него своя стратегия снести меня с ног. Думаю, что сейчас он повернется и ударит меня вазой.

Доктор машинально схватил со стола вазу и поставил ее на подоконник

– Вот и вы боитесь, – сказал боксер уверенным тоном.

– Нет, я не боюсь, – парировал доктор.

Пациент, уже не спрашивая, налил в стакан воды и выпил, казалось, не глотая.

– Следующее... – Смельнов замолчал. Он не знал, что предложить боксеру. Тот стоял перед ним и, вероятно, ждал доброго совета. Правда, очень нетрадиционно у него это как-то получалось. Но пациент не заставил себя долго ждать. Он начал говорить.

Скорее, продолжил, словно дождался, пока доктор закончит со своей клоунадой превращения боксера в куропатку и наоборот, нелепыми советами, и продолжил:

– У меня есть жена, и, знаете, я ее люблю. У нас все хорошо и мне даже кажется, что мы живем слишком хорошо. Что той одежды, которая в шкафах висит, и тех телевизоров, которые заполняют комнаты, мы не заслуживаем. Понимаете, мне кажется, что я просто так получаю свои деньги.

Смельнов двигал ступней и вспомнил, как жена пришла к нему в кабинет и спросила, сможет ли он помочь ей в очень трудном деле, за которое никто не берется. Он согласился, а женщина рассказала о своей проблеме. Она зашла и осталась с ним ровно на два года. Часы показывали сорок восемь минут. За дверью кашляла секретарша, напоминая о времени. Пациент продолжал:

– Я лучший в своем весе, и раньше у меня не было проблем. И однажды до меня доперло. Когда мы были с женой в магазине. Я расплачиваюсь кредиткой и думаю, а разве эти вещи делают нашу жизнь лучше? Мою – нет. Но, вроде как, жена счастлива. Но что-то не так. Я почувствовал, что где-то не сходится, но точно не понимал, где. Я знал, что все в деньгах, но причем тут эти бумажки. И тут увидел продавца – та маленькая хрупкая девочка на тоненьких ножках – прямо как бокал, она очень живо и ярко продемонстрировала одной пожилой даме, как нужно правильно носить шляпу. В результате шляпа не была куплена, и эта девушка-бокал проглотила обиду и стала искать глазами следующего покупателя.

Он замолчал. Дверь скрипнула и тут же закрылась. – Какая нетерпеливая, – подумал Смельнов.

– И? – спросил он.

– Вы разве не понимаете? – спросил пациент с такой жаждой быть понятым, что его глаза моргали в такт сердцебиению.

– Очень стараюсь, – вежливо сказал Смельнов и улыбнулся. Пациент в свою очередь хотел объяснить, нельзя его (доктора) оставлять без понимания. Пусть даже они никогда после не увидятся. Поэтому пациент тряхнул головой и прокричал одним словом:

– Она что то делала ая не тяни чего не делаю бью и все.

– И вы делаете. Это же спорт.

– Нет, только не я.

Доктор сжал в руке галстук и не заметил, как стал его ту же затягивать, душа себя. Он говорил, ему было больно, но он продолжал говорить:

– На улице бьют человека, и он истекает кровью. Это плохо. Но когда два физически подготовленных человека соревнуются в силе, это нормально.

– У меня контракт заканчивается осенью, через два месяца. Я думаю уйти из бокса.

Куплю дом за городом, подальше от людей.

– Но зачем? – воскликнул доктор, отпустив треугольный кончик полосатого аксессуара для мужчин. Теперь он висел на нем, как удавка. Смельнов на мгновение забыл, что у себя в кабинете, и, кажется, на самом деле вообразил, что они стоят на ринге и он явно проигрывает пациенту. Но еще был шанс. – У вас все есть: деньги, семья, положение. Что же вы еще хотите?

– Я не хочу больше бить людей. Они этого не заслужили.

– Но это же спорт, – напирал Смельнов. – Всего лишь спорт. Работа, за которую вы получаете деньги. Причем немалые.

- Да причем тут деньги? Деньги – это лишь деньги. Они не смогут утереть мои слезы.
- Вы же мужчина. Вы не должны плакать. Ринг – это ваша стихия.
- А может быть, не моя?
- С чего вы взяли, что не ваша?
- Вам хорошо, вы на своем месте.
- Вы думаете?
- А вам-то что?
- Мне? Да вы знаете, отчего я стал психологом?
- Призвание?

Доктор Смельнов вытер лоб, подошел к кулеру, налил воды, половину выпил, второй смочил лицо. Потом сказал:

– Вот вы с детства колотили таких, как я. Из-за таких, как вы, я вынужден был уехать из своего маленького города. Мне трудно было в большом городе. Но я терпел. Тогда я не знал, кем буду. Знал, что точно буду спасать общество от таких, как вы. Но чем больше я сидел в этом кабинете, все больше стал думать о том, что сам не просто бью, а мочалю своих пациентов. Они приходят лечиться, а их с правой или левой.

Получается, я все эти годы мстил за того сосунка, из-за которого покинул свои родные края. Прошло более десяти лет. Наверное, хватит. Отомстил сполна.

– Вы вымещаете на мне... – медленно произнес пациент.

– Да и не только на вас. Вы бы знали, сколько людей лечились у меня, а я просто давал им ненужные советы, сложные задания: «Сходите на оперу Верди, она должна вас изменить». Я понимал, что пациент, не привыкший бывать в таких местах, попросту уснет. Ему бы на природу. Но я не мог предлагать ему слишком простые способы вылечиться. Они бы ко мне меньше ходили. А так... Он сходит на оперу, потом на балет. Для некоторых выписывал стриптиз. В рецепте вместо антибиотиков – стриптиз.

– Я вас... – пытался сказать мужчина и даже дернул ногой.

– А есть такие, кто сразу хочет, чтобы я понял, что ему нужно. Таблетку выпил и пошел к другим. Они все забывают, что я тоже человек. Что уже полгода принимаю успокоительное, и мне не дает покоя рояль в окне напротив. А когда я звоню своей бывшей жене, у меня дергаются губа и глаз.

– Вы меня... – пациент снова попытался прокомментировать, но его попытка утонула в жалостливых речах доктора.

– Сегодня хороший день. Я выпил кофе, не разговаривал с женой и подумал о том, что нужно уехать. Да, на пару недель туда, где никто меня не знает. Где я буду, как все. Буду обычным пациентом.

Боксер обнял его. Смельнов плакал, он вспомнил, что должен был позвонить маме. И если он не звонил, то была на то причина, и знал, что та поймет – сейчас та самая ситуация.

Мини в макси

На скамейке плакала девочка. И это в такой-то день! Солнце, первые дни третьего месяца весны. Хорошо! Столько эмоций, в основном, положительных, и тут ее никуда не вписывающийся плач. Один мужчина прогуливался, дышал воздухом, слушал птиц – он делал это, обычно, после обеда. Но сегодня вышел немного раньше, решив нагулять аппетит. И тут плачет девочка. Так аппетит разве что испортить можно. Он не выдержал и подошел к ней.

– Что случилось, девочка? – спросил он. Она подняла голову и показала свои заплаканные глаза. Ей было не пять, и не десять. Ей было около двадцати, только она не была, как все. Она была очень маленькой. Как пятилетний ребенок. И голос у нее был тоже детский. – Что...?

– Не важно, – сказала она и отвернулась. Не могла же она рассказывать о себе первому встречному. Но этот первый встречный так не считал. Он сел, чтобы поговорить, поэтому не думал уходить просто так.

– М-да, – сказал он. – Трудно устроиться на работу в столице. Работы много, но и людей достаточно, чтобы кричать караул. Как быть ей, девушке из дальнего города. Девушка молча плакала. Она и не слышала, что бормочет про себя странный мужчина с седыми волосами. А тот продолжал. Он был из тех, который любил говорить. Ему казалось, что он нашел ту, которая его слушает. Но ему это только казалось.

– Сюда приезжают разные люди. Серьезные, веселые, злые, добрые, большие, маленькие. И все находят себе место. Вот я, инвалид с самого детства, не хожу, а передвигаюсь на двух деревянных протезах и ничего. У меня много друзей. Играю в боулинг и в футбол со своим внуком пока на автоматах, но мечтаю встать на настоящее поле.

Девушка перестала плакать. Наверное, трудно плакать, когда к тебе обращается мужчина.

– А жена моя тоже немного инвалид, – продолжал мужчина. – У нее один глаз – стеклянный, но я называю его бриллиантом. И действительно, она у меня дороже всякого драгоценного камушка.

Девушка с интересом посмотрела на мужчину – на его ноги, на руки, которыми он помогал себе рассказывать историю, и уже улыбалась.

– Когда мне грустно, я пою. Да, мне помогает. А жена моя не очень любит петь. Она говорит, что стесняется своего голоса. Но я заметил, что она иногда поет во сне. Несколько раз я умудрялся включать музыку и слушать ее голос. Она не знает, что поет хорошо. Как-то раз я ей дал послушать себя, предварительно записав ее голос на пленку, и она не поверила. Я, говорит, не могу петь. Я же не пою. И тоже в слезы. Я ей говорю: чего же ты плачешь, радоваться надо. А она – я плачу от шока, от того, что не все знаю, что со мной происходит.

Девушка достала платочек, вытерла слезы.

– А я плачу в двух случаях – когда грустно и за компанию. Вот сейчас не терпится поплакать за компанию. Вот только, пока я мешкал, плакса ушла, а вместо нее появилась совершенно другая, веселая и красивая.

– Спасибо, – сказала девушка и улыбнулась.

– Не за что, – ответил мужчина. – Не надо больше плакать. Не стоит это слез. Найдешь себе и то, и другое. И квартиру, и работу в шикарном месте.

– Ну что вы, – сказала она, вытерев слезы. – Я москвичка.

– Извините, оплошал, – сказал мужчина и пожал плечами. – Приношу глубочайшие извинения.

Он прижал руку к груди, девушка повторила его жест и улыбка обнажила ее крошечные зубы.

– Мне двадцать один год. Понимаю, не скажешь, но я родилась такой, и все не могу привыкнуть. Наверное, это связано с реакцией людей. Слишком бурно реагируют на мое несоответствие им. Пусть я и не обращаю на них никакого внимания, но я же слышу их слова, они говорят «какая коротышка», смеются и иногда задевают меня, и не знаю, они делают это специально или случайно.

Она говорила. Теперь он слушал ее. Она и сама не понимала, как получилось так, что рассказывает постороннему о своей жизни. Но он был не совсем чужой, он успел поделиться своей историей.

– Вы правы, с работой мне как-то не очень везет. Приходится чуть ли не стульчик ставить, чтобы общаться. Ну, скажите, куда меня могут взять? В торговле затопчут, в искусстве – тем более, мой голос – слишком детский, чтобы работать в солидной фирме. Даже воспитателем не могу – дети крупнее меня – ну какой из меня воспитатель.

Она снова всхлипывала и роняла слезы.

– Родители у меня работают в цирке. Хотели, чтоб и я тоже стала работать с ними. Но у меня нет данных. Я ничего не умею. Могу только плакать.

Мужчина вынул из кармана платок и протянул ей. Она взяла его, подержала немного и вернула, роняя слезы на скамейку, асфальт, доставляя надежду подлетавшим голубям в виде несъедобных слез.

– Не надо, – прошептал мужчина, – к нам уже и голуби подлетают, знак, чтобы ты остановилась.

– Но я не могу, – всхлипывала она.

– Можешь. Выключай краники и пойдем.

– Куда?

– Ты не пожалеешь.

– О чем я не пожалею?

– О том, что я тебе покажу.

– Я не пойду с тобой, потому что не знаю тебя.

– Меня зовут Павлентий. Люблю птиц после обеда исключительно в поющем виде и успокаивать плачущих. Вот и все. Теперь о том, кто ты, и вперед.

– Нет, все равно я не пойду. Ты странный. Пятнадцать минут, как мы с тобой общаемся, а ты уже хочешь показать что-то...

– Ты что думаешь, что я маньяк?

– Все может быть. Маньяки никогда не похожи на маньяков.

– То есть я могу им быть. Нет, как тебя...?

– Мария.

–... Мария, я тебе дам вот этот адрес. Там живут мои друзья. Можешь сходить в любое время. Они будут не против.

И она пошла. Редко, кто доверяет незнакомцам, но она пошла и не прогадала. Не сразу, на следующий день.

Это место находилось в здании бывшего детского сада. Позвонила Павлентию, чтобы тот тоже подъехал – ей было не по себе – все же одна, такая маленькая, в совершенно незнакомом месте. Павлентий пришел незамедлительно. Он очень обрадовался, когда позвонила Мария.

– Где это мы? – спросила она, когда они вошли в темно-зеленые ворота и направились по красочной вьющейся насыпи. – Мы что, приехали к детям?

– Ты почти угадала, – ответил мужчина. Она шла и сторонилась его, словно боялась. Они вошли в темно-красную дверь, прошли коридор с расписанием, таблицами и цветными картинками и вышли во двор. Во дворе был большой стол, за которым сидели много детей...или же... да, точно они только размером походили на юных, а на самом деле были совершеннолетними. Они рисовали.

– Я не хочу быть здесь, – сказала Мария.

– Но почему? – спросил Павлентий.

– Я вижу, какая я, и понимаю, что себе не нравлюсь.

– Вы знаете о Полин Мастерс? – подошла девочка с белыми волосами. – Ее рост составлял 58 сантиметров.

– Как хорошо, что среди нас есть еще одна девочка, – воскликнула другая, не вставая.

– А давайте померяемся, – предложил мальчик. Всего было пятнадцать маленьких людей, Мария оказалась шестнадцатой. Мальчиков было больше. Их было одиннадцать. Они все окружили новенькую и стали поворачиваться спинами, чтобы померяться. Мария сперва испугалась такого нашествия, а потом поняла, что они безобидны, доверилась им. Теперь каждый подходил к ней, прислонялся спиной к спине, и другие смотрели, на сколько сантиметров кто кого опережает. Выяснилось, что Мария выше самого высокого парня на два с половиной сантиметра.

– Я самая высокая, – сказала она с гордостью.

– Да, ты великанша, – подтвердил мальчик. Его звали Денис. Сперва он ей не понравился – показался каким-то наглым, но вскоре поняла, что все очень хорошие и желают ей счастья. Этот Денис подошел к ней и сказал:

– Идем, я покажу тебе нашу Москву.

– Что?

– Идем, не пожалеешь.

– Хорошо, – сказала Мария и по дороге (вдоль забора к отдаленному участку) она спросила: – А что вы здесь делаете?

– Как что? Живем.

– Понимаю, но чем занимаетесь?

– Кто чем. Та девочка, которая к тебе первой подошла – Тоня, она вышивает так, что закачаешься. Другая – Валя, любит критиковать фильмы, телевидение, в общем, хочет стать критиком, а я мечтаю быть летчиком...

– Да, но вы же все взрослые люди.

– Тихо, – сказал Денис. – Не надо говорить такие страшные вещи.

– Но почему? Это жизнь. И вам уже всем по двадцать, а то и больше лет. Пора думать.

– Я не желаю этого слушать, – сказал он и закрыл уши. Всю оставшуюся дорогу они шли таким образом – он, закрыв уши, а Мария с недоумением в глазах – почему он не хочет слышать то, что очевидно. Они вошли в другую часть двора, отрезанную забором. То, что она увидела, ее поразило.

– Что это? – недоумевала Мария. Перед ней была Москва. Только не такая – другая, маленькая... Денис перечислял, показывая на деревянные экспонаты:

– Красная площадь, Охотный ряд, Александровский сад. Все как положено. Город в городе.

– Но есть же другая! – воскликнула девушка, не пришедшая до конца в себя от увиденного.

– Не спорю, есть. Но нам такая больше нравится.

– Искусственная?

– Нет, она самая настоящая. Здесь даже колокол настоящий.

– Кто же это сделал?

– Да ты его знаешь. Павлентием зовут.

– Он все это сделал сам?

– Да все, что тут есть – дело его рук. Он и нас всех собрал отовсюду. Мы уже года два здесь живем, и нам нравится. Здесь все есть – и еда, и друзья, и игры. Нам тут хорошо. И тебе тоже будет.

– Ты можешь меня отвести назад? – резко спросила Мария.

– Да, конечно, – растерянно сказал Денис, и они пошли в сторону выхода. Павлентий рассказывал что-то очень смешное – все заразительно смеялись. Мария прошла мимо, стараясь никого не беспокоить.

– Ты уже уходишь? – спросил мужчина.

– Да, мне нужно идти. Спасибо за то, что все это показали. Здесь очень хорошо, правда...

– Приходи.

– Не думаю, что мне захочется.

– Почему?

– Мне хочется научиться любить Москву такой, какая она есть, а так я вряд ли смогу. Зачем тогда все вокруг нас?

– Все равно приходи.

– Хорошо.

Ночью она гуляла. Все думала о том, что видела. Прошла по всем самым таинственным участкам, куда раньше не ходила. «Затопчут» - говорили родители, «будут смеяться» – предупреждали соседи. Она вернулась домой уставшая. Выпила чай, и как только часы пробили десять, позвонила Павлентию.

– Ты пришла? – спросил Денис, когда Мария стояла перед большим столом, за которым шла традиционное рисование.

– Да, я была на Красной площади, на Охотном. Там хорошо. Ко мне отнеслись с уважением. Мне хотелось поделиться с вами этим.

Денис улыбнулся, взял ее за руку и провел за стол. Когда она села, ей положили белый лист бумаги и набор карандашей. Она взяла красный. Первое, что она изобразила, была Спасская башня с часами. Павлентий смотрел со стороны и загадочно улыбался. Он знал, что девочка больше не будет плакать. Она же была там, среди больших, среди великанов.

Младо-старо, как капля росы, как мир

– Ты это сними, – сказал седовласый старик и показал на только что вошедшего в вагон на станции метро Курская парня. Молодой человек взглянул на представителя поколения шестидесятников так, как будто тот предложил ему купить вагон просроченных презервативов за один рубль, покрутил у виска и сделал вид, что оно так и должно быть – старик-маразматик, забулдыга и тунядец, а парень-работяга, едет по делам и такой расклад нормален.

– Ты это зачем нацепил? Колечки от сухого завтрака, и думаешь, никто не осудит?

– Ха. Не осуждайте, да не осудимы будете.

Старик с бородой-лопатой и в белых сандалиях держал в руках авоську с большой стопкой газет. Привет и трепетное отношение со стороны работников метрополитена имени Ленина. Все, что скапливалось у служителей андеграунда, переходило в руки морского волка Сергея. В основном бульварщина, утки про столичных див и дев, в огромном количестве эротика. Большинство из этого арсенала уходило на растопку печки-буржуйки и самодельные модели самолетов времен мировой войны. А кое-что читалось и даже записывалось в отдельную тетрадь, которую Сергей всегда носил с собой. Темно-коричневая брошюра тесно прижималась к порции сканвордов и выполняла функцию громоотвода.

Старик кивал головой – то ли его настолько поражало, что современная молодежь не имеет никаких ценностей, кроме цифрового телевидения на границе ночной игры «хитрый живет дольше всех», и он всем свои видом показывал «ну надо же, ну надо же», то ли у него был нервный тик, в связи с контузией на войне да недавнего паралича в бане. Старик говорил «да».

– Я знаю вас, – проговорил парень с пирсингом на обеих губах. Его произношение нельзя было назвать понятным, членораздельным, но интонация выражала протест. – Вы, старшие, все боссы. А мы – маленькие рисинки, босята. Я у мамы дурачок.

Парень начал корчить рожи, пытаясь изобразить взаимоотношения матери и дитя.

– Ты у меня такой непутевый. Ну в кого ты пошел. Дед целину пахал, бабка на заводе план перевыполняла, я акушерка со стажем, – начал он вести диалог с позиции женского начала.

– А я карту потерял, а новый Колумб еще не родился. Ты мне роди брата Христофора, на крайний случай Светофора, – звучала мужская сторона.

– Я пишу много, – начал старик и впервые за несколько минут перестал совершать маятниковые движения вперед-назад. Он просто подозвал к себе паренька жестом. Молодой не возразил и присел рядом со старцем.

– Ты чем-то на моего сынка похож. Не всем этим безобразием, конечно, что на тебе свисает, – не понимаю, ну да ладно, а безответственным отношением к происходящему.

– А что происходит? – наклонившись ближе к Сергею, спросил парень. Старик говорил неоднозначно – то громко так, что оборачивались пассажиры, то внезапно затихал – в этот момент казалось, что он не говорит, а просто двигает губами, как один из тех любителей поэзии, которому что-то навеяло определенные мысли и мысли обернулись в любимый стих.

– Вижу, одет-обут, это хорошо. Не так, чтобы очень хорошо, но времена другие и гимнастерки никто не носит с галифе, шинели, бушлаты, фуфайки, сапоги нынче не в ходу – все это мы донашивали после войны. С миру по нитке, как говорится, голому – на рубашку. Так говорили. Сейчас по-другому все. И пословицы другие люди произносят. Например, недавно услышал от соседа по лестничной площадке. Говорит, у соседа корова сдохла, мелочь, а приятно. Я всполошился, у какого соседа? А он: пословица такая есть. Правда, говорит, смешная? А в чем смысл не понимаю? Смешно – это что, главное самой сути?

– Прикольная пословица, – ковыряясь в зубах, сказал парень. – Она означает то, что в этот жестоком мире каждый сам за себя. И не дай бог, у соседа, например, жизнь будет лучше хоть в полтора раза. Тогда все – непременно зависть и такие поговорки.

Все же вокруг друг другу завидуют.

– Не понимаю.

– Все вы понимаете. Тот мужик, злорадствующий о смерти коровы, завидовал своему соседу, что у него все хорошо, молока залейся, мяса завались. Человек, которые ежедневно спускается в метро, как мы с вами, завидует человеку, садящемуся в свой «Лексус». Человек, учащийся в техникуме, завидует студенту МГУ. Наконец, вы завидуете мне.

– Я? С чего это ты взял? Я с тобой поговорить хотел по другому вопросу.

– Все это, конечно так. Но суть-то в чем? Вы же сами сторонник этой самой сути.

Чтоб не просто было смешно или страшно. Так? Ну, ответьте, так?

Морской волк, преодолевший не одну стихию, сейчас столкнулся с неизвестным объектом, на которого не действуют все те приспособления, с помощью которых он смело шел на китов, акул и прочую морскую живность немаленьких размеров. Надо выбирать другую тактику. Другая тактика, другая тактика...

– Значит, родители есть и в голоде не сидишь. Упитанный такой. Упитанный – это хорошо, чем худой и злой от голода. Но почему не любят они тебя?

– С чего это вы взяли? – возмущился молодой человек и хотел было пересесть.

– Постой, паровоз, – остановил Сергей парня, успев схватить того за капюшон. Тот вырвался, но почему-то сел рядом – видимо его, тоже заинтересовал этот старик. – Не спеши делать выводы, что все пенсионеры дауны. Так мой внук называет тех, кто из ума выжил.

– Я вовсе так не считаю. Но зависть – это чувство справедливости.

– Справедливости? То есть, вы, наше будущее, строители нового мира, архитекторы лучшей жизни, считаете, что все кругом друг другу завидуют? – Сергей не ожидал от себя такой реакции, но уверенность юноши в своей правоте сбילה его равновесие.

– Именно. Зависть – двигатель прогресса. Сегодня мы завидуем западу, завтра несем на рынок новые идеи. Не было бы на западе лучше, чем у нас, мы бы шли к регрессу. Я лично собираюсь свалить отсюда за бугор и там построить свой коммунизм. Здесь мне все равно никто этого сделать не позволит.

– Это непатриотично, – продолжал старик.

– Патриотично сидеть на родине и смотреть, как катастрофы пожирают ее. Сегодня террористка взорвала себя, вчера судью казнили скинхеды, что будет завтра – полетят в воздух школы, больницы, дома инвалидов? Что дальше?

Сергей не знал, что будет дальше. Наверное, никто не знал. Не знали те люди, которые заходили в вагон перед взрывом, судья, который, как обычно, выходил из дома в надежде вернуться...

– Воспитывают они тебя не с той стороны. Когда говорят: учись, в этот момент не голова перед ними, а другое место. Не слушаешь ты их. Но это не твоя беда. В этом они бесспорно виноваты.

– Не надо о моих предках. К ним у меня претензий нет. Они мне дали трамплин для дальнейшего развития. Главное в нашей юности что? Свобода. Чем ее меньше, тем больше зажимов, препятствий для дальнейшего. Вот я хочу сделать переворот в хоккейной сфере. Не могу я сейчас всех карт раскрыть, но как только мои инновации будут использоваться, все – победа за победой. Тебе, дед, этого не понять.

– А? Что? – дед немного устал. Его всегда утомляло, когда кто-то ему что-то, да так настойчиво, говорит. Он привык сам излагать мысль, в последнее время его несерьезно воспринимали, да и споры он не любил.

– Победа. Воевал ведь. Сразу видно. Ладно, дед. Мне пора. Долгих лет. – Парень исчез в потоке людей, и его походка так напоминала походку моряка по кораблю во время качки, что дед улыбнулся краешком губ.

– Тебе тоже, – проговорил морской волк Сергей и задумался. Как многого он не понимает. Но хочется же понять. Какие книги читать, что надо сделать, чтобы понять поколение, стремящееся быть свободнее?

Старик с бородой-лопатой и в белых сандалиях держал в руках авоську с большой стопкой газет. Скоро он приедет домой и, не пообедав, а может быть, отрезав кусок от

вчерашней булки, сядет за стол, за которым был написан не один роман. Он будет излагать все то, что пережил за сегодня. А вот, получится написать пару страниц. Его читали, но почему-то плохо слушали.

На мосту

Долгожданная ночь предприняла все, чтобы наступить. Она терпела вечерние звуки прогулочных яхт, гулы отдаленных песнопений и тяжелые шаги уставших пар. Ночь отсчитала второй час и терпеливо несла свой караул для случайных и неслучайных прохожих. Место действия – Лужковский мост. Прохладно, начало сентября. Парочка остановилась среди раскидистых деревьев с замочными плодами, пытаюсь найти свой.

– Ну, нет моего.

– Нашего.

– Да...нашего.

– Срезали.

– Вот гады.

Эти прошли дальше. Другая пара еще только подходила, по дороге останавливаясь, чтобы целоваться. Они останавливались около каждого дерева и обнимались.

Деревьев было много.

– Может быть ко мне?

– Куда?

– Имеет значение?

– Нет.

Он обнял ее, и ветер помог им подойти друг к другу ближе, и вот уже непонятно – то ли один полный человек, то ли их двое стоят на мосту, но...неожиданный звон стекла их напугал.

– Что это?

– Какая разница? Побежали.

Только что целующаяся пара, только что двое, которым было хорошо здесь, бежали, но разве им было плохо? Не думаю.

– Мне кажется, мы кого-то напугали, – сказал парень, оглядываясь. Его звали Саша.

– Уверен, что ты напугал вон ту пару, – ответил другой по имени Гога. Выбрал, черт, место, где камеры, и светит, как в раю.

Действующие лица – Саша и Гога. Саша – полный юноша, с добрым лицом.

Инфантильный и любит маму. Розовая рубашка и желтый галстук. Пиджак висит, как портьера. Странно, что он вообще оказался здесь в такой час. Такие типы сейчас должны спать, с ночником, а дверь в комнату держать закрытой. Гога – полная ему противоположность. Подтянутый атлет, любит спорт, компании и ужасный бабник. На нем черная рубашка и черный галстук. Нет пиджака.

– Я старался, – пробубнил Саша. Хорошо бутылочка полетела. Правда, метился я в ту баржу, груженную мусором, но не рассчитал. Придется извиняться. Извините, – закричал он в сторону удаляющейся пары. – Ушли.

– Да тихо ты, – остановил его Гога.

– Хорошо, я буду молчать...но я должен извиниться. А вдруг они в ближайший пункт милиции обратятся? Тогда меня закроют, а мне этого не нужно.

Он дернулся, и хотел было побежать за парочкой, которая минуту назад не ведала, что им может что-то помешать. Теперь же маменькин сынок рвал и метал из-за своей глупости. Но странно, что он кинул эту бутылку. Как бутылка со спиртным могла попасть в его руки? Он же вечером перед сном пьет кефир или простоквашу, а утром ест овсяную кашу с ягодами. А сейчас он кинул бутылкой в пару, которая... что делала? Целовалась, не нарушала традиций этого места. Не у стены банка, не на проезжей части, не на скамейке, а здесь, где сам бог, точнее мэр велел совершать акты в допустимых мерах. Итак, парень в розовой рубашке решил бежать...

– Не надо, – остановил его друг. Хотя это определение спорно. Были ли они друзьями

в буквальном смысле или же стали вынужденными, нам предстоит выяснить.

– Надо, мой друг, надо, – сказал Саша, и Гоге ничего не оставалось сделать, как, размахнувшись, осадить его. Прямо на асфальт, и прислонить к ограде. Тот не успел ничего сказать, лишь закашлялся и стал плевать красной слюной. Но это не была кровь. Это было вино, которого он сегодня выпил в достаточной мере. Никогда до этого столько не пил, а сегодня взял и выпил. И была же причина. Выносливый организм Гоги, прожженный не только вином, но и различными напитками от сорока и выше, терпел выходки пьяного компаньона, которого провожал до дома. Он бы мог отпустить его, а сам отправиться к знакомой на Полянке, но чувство локтя не отпускало его. Точнее, не только локоть, но и сто пятнадцать килограммов, не желающих двигаться самостоятельно ни единого метра.

– Да, Маюшкин, – произнес атлет. – Твой прообраз взлетел. Мы собираемся на этом мосту в пятый раз, а ты все еще не можешь понять, что образ не может быть без глаз, ушей. Он должен иметь сердце.

Саша грыз ноготь или то, что от него осталось. Он не понимал, о чем говорит его друг, привыкший выражаться через призму поэзии, философии. Его мозг выдавал перлы молодых классиков. Он привык ночами гулять с противоположным полом и говорить не о звездах и дурацкой погоде, которая может привести к крыше над головой, а о том, что не обсуждалось ни с кем до этого. Темы возникали потому, что были две составляющие – ночь и девушка. Сейчас комплект был нестандартным, и человек, который был рядом, вынуждал только к одному – негодовать.

– Где же твое красноречие раньше было?

– Недалеко, – послушно отвечал Саша. – Его стоило позвать – как пса, и оно как верный пес принесет в зубах палку красноречия.

– Вот ты мне скажи, Шурик, зачем ты так с ними?

– А что я такого сделал?

Действительно, что он такого сделал? За компанию с Гогой сходил в гости к одной парикмахерше. Обычно ловелас управлялся в одиночку, но тут попалась леди не из простых – хотела романтики и знакомств не только тет-а-тет, но и с его окружением. Начальства и родителей разрешила не приглашать. А вот друга... были у него друзья, но все были под стать ему. Он понимал, что нужен человек-приманка, то есть тот, кого было можно использовать. Остановился на Александре, с кем они работали в одной конторе. Гога был внештатным журналистом, писал статьи на финансовую тему, а его коллега мыл чашки для начальства. Да, он был секретарем. Чаше в секретари идут девушки с хорошей внешностью, но чтоб мужчина в три десятка лет отвечал на телефонные звонки и отпрашивался тихим голосом у шефа, это неправильно. Но парню нравилась его работа и то, что его пригласил коллега с работы сходить к своей подруге на день рождения, он посчитал за возможность не готовить дома. Это другу не очень понравилось.

– Хомяк ты, вот ты кто!

– Да что, что?

– Не о пельменях надо было думать, а о тех, кто их готовил.

– Вкусные, домашние.

– Ты чего... набросился.

– С работы был. Сегодня без обеда, а тут – самолепные, мои любимые. Ну и не выдержал.

Пельмени были действительно вкусные. Когда Саша ступил на порог, он сразу почувствовал, что не зря оставил с обеда коржик в холодильнике. Пришлось, конечно, потратиться на подарок, но он еще надеялся, что подадут второе и чай с тортом.

– Мы для чего пришли? – продолжал Гога. Его можно было понять. Он не получил того, что планировал. И ответ его ночного попутчика выводил из себя.

– Не знаю.

– Познакомиться, развлечь и себя, и их, потом...

Это было элементарно, но только для него. Для Саши, который каждое слово произносил заплетающимся языком, понятно было одно: скоро они домой не дойдут.

Впереди три квартала, потом поворот, еще один, там французская булочная – там ночью пекут хлеб, тридцать шагов до круглосуточной аптеки, налево в темную арку, быстрым шагом сквозь нее, и почти дома, только домофон, старина-лифт, звонок и мама в бигудях – вот и все. Но это было так далеко... впереди столько вопросов. – Понимаешь, я должен был сперва распробовать то, что они приготовили, а потом и то, о чем ты... и я... тоже думаю, пусть немного терпимее, чем ты, но все же... думаю. Это не удовлетворило Гогу.

– Вот у тебя всегда так. Не умеешь ты обращаться с ними. Женщины требуют внимания. Вот я всегда знаю, что они хотят. Но тут же была другая ситуация. Они постоянно вместе. Ты это-то заметил?

– Я заметил. Еще как. Я же тебе подмигивал. Мол, что с ними? Они что больны?

– Сам ты. Это называется скромность. Они не хотят оставаться наедине. Ну останешься ты с ней тет-а-тет. И что? Что ты будешь делать?

Да, вопрос был не из легких. К своим трем десяткам Александр дружил всего с одной девушкой. Ему было двадцать пять. Она была на год старше. Рыжая и похожая на клоуна. Вместе с ней он пел в хоре, и они несколько раз шли домой вместе.

Разговаривали, смеялись даже. Она угощала его мороженым. Его это несколько не смущало. Через неделю она его совратила в своем подъезде. Прямо на пачке рекламных газет. После этого случая девушка пыталась повторить свой подвиг, но у нее ничего не вышло из этого. Подавленный парень забросил хор, перестал есть и даже выходить из дома. Он замкнулся пуще прежнего. Мама разговаривала с ним каждый день и пыталась вернуть к жизни. К жизни вернули книги. Он стал читать запоем. Одну за другой, не особо выбирая между классикой и современными авторами. Проживая ежедневно судьбу своих героев, которые не сидят на месте, а продолжают идти по дорогам в поисках приключений, невзирая на разные обстоятельства...

– Как что? – отвечал он с видом большого знатока. – Поговорю с ней о том, что происходит в стране.

– И что происходит в стране?

- Горят леса. Тушить нечем.

– Пожарный, твою мать. И что, это все?

– Ну, я про себя что-нибудь рассказал. Что недавно меня отправили в одну контору, а у них там вместо окон – такие решетки, да жалюзи, и там секретарша, ей больше всех повезло, загорела в полоску.

– Ты что, хочешь с ней говорить о другой женщине?

– А что?

– Главный закон: при общении с одной женщиной нельзя упоминать другую.

– Ну, хорошо, я могу ей про свою собаку рассказать. Она у меня умница. Ей когда нужно в туалет, то она терпит. Однажды ночь терпела и до двенадцати следующего дня.

– Ты соображаешь?

– Соображаю, но плохо. Сейчас ночь, и мне кажется, что пельмени просятся наружу. Но здесь как-то не очень...

Саша был воспитанным, но попав в такую ситуацию впервые, растерялся. Его ведет домой человек, который всегда появлялся в офисе неожиданно, здоровался с шефом за руку, шептался с Люсей, замужней женщиной, Верой, разведенной, и оставлял записку на столе у бухгалтера, после прочтения которой та расплывалась в улыбке. Он был другим. А теперь он ведет его домой и говорит с ним... Странно.

– Мы говорим о женщинах, а ты мне про свои позывы. У тебя мама есть?

– Что ты спрашиваешь? Знаешь, что у меня замечательная мама.

– Ты ее уважаешь?

– Уважаю, но звоню редко, чаще она мне. Но прихожу тогда, когда мне очень плохо. Вот, например, сейчас бы я зашел к ней.

Он слукавил. Ему не хотелось говорить, что живет с мамой. Он хотел хоть в чем-то не уступить Гоге. Тот устал. Они прошли три четвертых моста и остановились. Несущий

сказал:

– Тебе бы пора найти другую отдушину.

– В смысле?

– В прямом. Женщину тебе надо.

– Для чего?

– Ну, елки-палки. Ты чего в тот день, когда в школе рассказывали про половое воспитание, отсутствовал?

– Я ничего такого не помню. И вообще, мне еще рано.

Он засыпал. Он лежал около дерева, над ним сверкали сотни замков с разными именами. Именами женщин, которые уже, увы, заняты. Женщин, которые могли стать его. Гога знал некоторых. По-своему.

– Ничего себе, рано, – тормозил он приятеля, отчего тот стал размахивать руками, но послушно приподнялся и облокотился о перила. – Пойми, друг, если ты будешь уважать, а не бояться женщин, то все у тебя получится. Вот, например, идет дама.

– Сейчас? Так поздно?

– Вечером или днем.

– Днем я не могу. Я на работе. А по выходным я у мамы.

– А ты не ходи к маме. Или с работы уйди пораньше.

– Я не могу.

– А ты уйди.

– Ну, хорошо, но сразу скажу, что меня мой шеф не больно любит. Он говорит, что я не компанейский. А я не понимаю, как это может отразиться в работе. Он просто ко мне придирается.

– Наш шеф ничего. Умный мужик. Ну да ладно. Значит, идешь ты по бульвару, Гоголевскому.

– По Никитскому лучше.

– Хорошо. И навстречу девушка. В твоем вкусе. Твои действия.

Саша понимал, что этот экзамен он должен пройти. Пусть невнятно, шатаясь, не важно, главное, ответы. А то этих остановок будет больше чем шагов. Он думал о горячем, которое он не попробовал, и торте, который мог быть. Он не понимал, почему девушки так быстро отправили их домой. Он не понимал, почему так происходит. Все то, что сегодня происходило, было так непохоже на Ремарка, в этом отсутствовал смысл. В реальной жизни так легко подгибаются колени, и не менее просто хочется стошнить на мостовую. Он посмотрел на курящего Гогу и сказал:

– Оценю, подумаю о том, что у нее наверное парень есть, и она занимается в фитнес-клубе и в солярий ходит.

– Достаточно, – нервно сказал парень, бросил сигарету в воду и выдохнул дым только тогда, когда бычок коснулся кромки воды. – Вот что ты делаешь?

– А что?

– Ты должен познакомиться с ней.

– Да? Но ты же не сказал об этом.

– Ты должен сам до этого дойти.

– Но я не хочу знакомиться.

– Хочешь.

– Как я могу хотеть, если я... ну ладно, я хочу. Я подхожу к ней или она ко мне?

– Ну, вы блин даете. Хочешь ждать, пока она сделает шаг?

– Сейчас кажется, так принято. Дамы берут все на себя.

– И тебе это хочется?

– Ну, если ей так хочется. Мне-то не очень, но если она не против, тогда у нас на равных.

– Нет, подходишь ты и говоришь...

– Подхожу я и говорю... что?

– Вот и я хочу спросить – ты говоришь что?

– Куда она идет?

– Зачем? Тебе что очень важно, куда она идет?

– Я бы мог проводить ее.

– И что дальше?

Саша очень устал. Он действительно не понимал, что нужно делать в такой ситуации, да и не верил, что такое вообще возможно. Он четко знал свой маршрут на работу и обратно. Он уже поклялся себе больше никогда не ходить на разного рода дни рождения, даже если там бесплатные пирожные и вино. За этим крылось то, что смущало его и его маму. Сегодня он так ей и не позвонил. Наверное, не спит и думает, что его уже нет. Он неожиданно приподнялся и направился в противоположную сторону. Гога продолжал свое учение:

– Женщине достаточно минуты, чтобы понять, кто перед ней. Вздумаешь проводить – покажешь себя сплунтяем. Ей нужен сильный, но в то же время не грубый мужчина, который будет за ней ухаживать и говорить всякий бред по телефону. Но они это любят.

– Откуда ты все это знаешь? – нервно сказал Саша. Он шел в одном направлении, и уже приглядел закуток, куда хотел нырнуть. Но не успел. Он поскользнулся и очень прилично упал. Гога оказался рядом. Его «радио» продолжало работать:

– Жизненный опыт. Я всегда делал ошибки и сам же их исправлял. Но это мне помогло стать тем, кем я являюсь.

– Наверное, ты прав. Нужно подумать. А я дурак и не думаю об этом. Мама намекает, а я как будто и не слышу. Но сейчас я тебя, кажется, услышал. Ну надо же! Как странно.

– То, что странно, вполне очевидно.

– Да, но для меня это пока слишком ново.

– Нужно учиться, мой друг. Уроки эти незамысловатые, и я лишь подмастерье у главного учителя – жизни. Вряд ли я смогу передать то мастерство, которое способна только эта старая госпожа...

– Не хочу я со старыми. Хотя они меня лучше понимают. Это я заметил.

– Сходишь со мной на один вечер, и если ты будешь соблюдать все правила, о которых мы с тобой прошли, то ты всегда будешь при теле.

Гога не хотел заканчивать вечер так. Он был оптимист, и что главное, это ему помогало добиваться поставленных целей. Саша понял, что попал в трудную ситуацию, когда зависишь не только от мамы или себя, но и от человека, который не всегда и здоровался с тобой.

– Что сейчас?

Гога посмотрел на часы, сморщился и сказал:

– Да уж, время позднее. Но ничего. Мы люди свободные, они тоже, поэтому они всегда ждут.

– Я бы сейчас завершил день горячей чашкой чая и теплой постелькой.

– Это я и хочу нам устроить.

– Правда?

– Только для того, чтобы все это нам заполучить, нужно немного поработать... головой.

– Как это?

– Во-первых, повторяй за мной. Женщина – это целый океан.

Учения продолжались. Он видел Москву-реку и ее темные разводы. Ему казалось, что этот мост завтра превратится в канатную дорогу, и вместо воды будут прыгать лягушки с фиолетовыми головами и повторять что-то о женщинах.

– Женщина – океан.

– Женщина – лучшее из всего того, что придумало человечество.

– Женщина – лучшее.

– Женщина – лекарство от наших житейских ран.

Цыганка показала из-за дерева так неожиданно, что Шурик вздрогнул.

– Женщина – лекарство... вот и женщина, – произнес он, а она подошла ближе и сказала:

– Какая ночь. И что она несет, знает только один человек. Я как услышала, что на этом мостике два кавалера будут идти, один потерявший веру, другой покой. И для того, чтобы обрести его, нужен ключ.

– Шла бы ты, – сказал Гога.

– Ой, ой, не нужно. Ведь я не для того здесь, чтобы слушать, вот ты для этого. Ночь тиха, и каждое произнесенное слово будет звучать громче.

– Ты что не поняла. Вали отсюда.

– Да ладно, она просто спросила, – сказал Шурик. Он видел перед собой уже немолодую женщину, чем-то она напоминала его мать. Не только возраст, но что-то теплое было в ее словах.

– Да она же шарлатанка, – горланил Гога. – Ты что не видишь? Да конечно, куда тебе?

– Какой хороший молодой человек, – сказала женщина. Она была в длинной широкополой юбке, какие-то бусы болтались на ее груди, в ее руках были четки, и она продолжала говорить без остановки, – дай бог тебе здоровья. У тебя глаза интересные, в них есть тайна.

– Правда? – переспросил парень. На что цыганка, кивнула головой, подошла еще ближе, взяла его руку и произнесла:

– И руки у тебя...ой, какие нежные, – твоя судьба от тебя хочет убежать, но ты не пускай ее. Ты должен цепко ее схватить, как я сейчас.

При этом она крепко сжала его руки, что он вскрикнул.

– Да не верь ты ей, – подбежал Гога, – отстань от него, да убери ты свои руки. Что, в патруль захотела? Сейчас мигом, – он вцепился ей в руку, но та крепко держала руку Шурика.

– Я не с тобой разговариваю, – сказала она.

– Мне больно, – воскликнул Саша. Цыганка тут же отпустила руку, погладила. – Извини, я не хотела.

– Да ничего, я сам виноват.

За этот вечер, наверное, в первый раз кто-то говорил о нем не с позиции начальника или случайного друга. Да не только за этот вечер. Даже у матери не всегда это выходило.

– Ты что плетешь? – вскрикнул Гога. – Кто виноват? Ты? Да она тебя разводит на бабки. Проверь карманы, пустомеля. Хотя, что я говорю, ты же пустой, как и я впрочем. Спустили деньги на тех девок.

– Что ты такое говоришь? – не понял Шурик. – Есть у меня деньги, да и девушки оказались не такими требовательными. Разве что бутылка вина и виноград. И еще что-то из стекла. Не помню. Не понимаю, с чего я такой пьяный?

– Ты забыл о той бутылке красненького, которую мы выпили по дороге, – сказал Гога.

– Да, это же ты прихватил ее с собой.

– Не пропадать же добру. А тут пусть не срослось в одном месте, урожай в другом. Правильно?

– Я не знаю.

– Когда я показал тебе бутылку, ты от радости запрыгал. Было?

– Ну, было.

– То-то... а где цыганка?

Они обратили внимание, что цыганка исчезла, так же, как и появилась.

– Ушла дурить других прохожих, – возгласил Гога. – Нас-то ей не удалось. Вот так-то, друг.

– Ты ее обидел, – неожиданно сказал Шурик и схватил приятеля за галстук.

– Кого? Ее? Да ладно. Она – цыганка

– Что разве цыганку нельзя отнести к женщинам?

– Можно, но....

Небо роняло лучи, утро должно было наступить с минуты на минуту. Молодые люди направились к Лаврушинскому переулку и долго говорили о чем-то. Шурик только около Третьяковки заметил, что у него пропал бумажник.

Ночное происшествие

Подушка в очередной раз выпускала перья. Она терпела Николая две недели, но сдала свои позиции и теперь раздавала свои внутренности по всему периметру квартиры. Перья можно было обнаружить и в ванной. Теперь она лежала на положенном месте, на кровати, около батареи, худая и истрепанная. Шифоньер отделял мир Николая от мира других жильцов, на нем висели плакаты с маленькими детьми, растрепанными девушками в бикини и просто мотоциклами. Он устало ворочался, взбивал подушку, клал, потом снова взбивал – закрывал глаза, но не мог уснуть. Что-то мешало. Он и сам не мог понять, что. То ли это чудовище на потолке? По потолку полз паук и нес скопившуюся слизь на лапах. То ли напасть... Николай тер глаза, на одном горел огнем вскочивший ячмень, из-за которого было провалено не одно собеседование. Две недели в Москве – и уже тяжелый ворох проблем. Каждый вечер, ложась спать, думаешь, что уедешь, но наступает утро, красиво освещает вид из окна на Даниловский монастырь, и хочется жить дальше в этом городе. – Возвращаться домой не имеет смысла, – думал он. – Кроме меня еще двое, да и провожали меня слишком бурно, чтобы вернуться так скоро. Стыдно. Уехал бы просто, без шумихи, другое дело, сейчас бы вернулся, но, наверное, и хорошо, что устроили такие проводы с песнями и танцами, буду до победного. Хотя сам не понимаю, что значит до победного.

Уснуть он не мог уже которую ночь. Бессонница здесь была едкой. Она становилась неотъемлемой частью ночи, но проходила относительно мягко. Может быть, в большом городе она – в порядке вещей. Больше волнений, забот, и не всегда удается до утра разложить все по полочкам. Только Николай еще не успел набрать достаточное количество проблем, скорее, наоборот, без них было сложно уснуть. Он привык у себя дома варить на всю ораву кашу, потом убегал на работу, на стройку, в обед снова прибежал, чтобы накормить себя и многочисленное семейство, вечером приходил, занимался с младшими. Мама не могла за ними уследить, так как часто хворала – то почки донимали, то радикулит, и последние три года она все меньше занималась детьми. Она, бывало, просила его, чтоб не бросал младших, заботился о них, когда ее не станет. После таких ее слов парень всегда сердито топал ногой и уходил на улицу, проговаривая «больно же, по самые ноги». Мать рассматривала отъезд Николая как преступление, не могла смириться с ним, но тот обещал вернуться, как только заработает достаточно денег. Перед этим он заготовил дров, зарезал десяток кур и попросил соседей присматривать, посулив им хороший гостинец. С матерью осталась бабка, ее мать, которая в свои восемьдесят прекрасно видела и бегала, как молодая. – Теперь ты для меня мама, – говорила она дочери то ли в шутку, то ли всерьез. Николай вышел на кухню. Соседи спали, поэтому он зажег только ночник, включил электрический чайник, сел на табуретку, закурил (дома бы за это он получил), раскрыл газету, рассматривая обведенные черной ручкой вакансии, одновременно размышляя над положением, в которое он попал. Половина обведенных кружков на первой странице были зачеркнуты. Он взял шариковую ручку с деревянным корпусом и зачеркнул еще один круг, с каким-то особым усилием.

– Нет, так дело не пойдет. Во-первых, нужно определиться, чего я хочу. Точно не строителем, и работа должна быть творческой и приносить достаточно денег, чтобы платить за жилье. Жилье мне попало так себе, но ничего, терпимо. Двушка – в одной семейная пара, молодожены уже второй год. Беспокойные, что все слышно. В другой – еще пара человек кроме меня. Ничего, нормально. Все работяги, с утра до вечера на работе. Так что днем чувствую себя единственным квартирантом, а порой и владельцем квартиры в Москве. Приятное чувство.

За стенкой спят люди. И тут и там. Сосед попался непростой. Полночи храпел, вторую половину ворочался, к утру снова засыпал, но тут звенел будильник у другого соседа, более тихого. Он шел на кухню и вот, наконец, когда все казалось таким спокойным и милым, просыпались молодожены и начинали свой день с сексуальной разрядки. Сейчас было три ночи, скоро храп перейдет в ворочание, только что уснули те двое

ненасытных. Темно, спокойно. Хотя, если посмотреть в окно, то заметишь, что горят огнем три-четыре окна, в которых не могут уснуть мятущиеся души.

Николай отложил газету, выпил воды из крана, немного смочив голову, затем присел на другой стул и стал думать, положив перед собой воображаемую тетрадь и проводя существующей ручкой. Он долго стучал ручкой о стол, словно обдумывая что-то, потом встряхнул голову и наклонился над столом.

– Мама, ты меня прости. Если сможешь, конечно. Я снова тебя обманул. То есть, дома, когда я говорил, что синяк – это случайность, торопился, вот и результат. Ты же не знаешь, что меня за правду били. Представляешь, меня колотили за то, что я никуда не хожу: «Чего это ты, как все, на пустырь не ходишь, возле остановки?» А я – не могу, устаю очень, да и куда я пойду, уже в пять надо вставать. А они – отрываешься от коллектива – и пометили за неуспеваемость. А тебе, что об косяк... ты тогда улыбнулась. Но это другое, сейчас ты вряд ли будешь улыбаться. Тут посерьезнее, чем эта ссадина. Глубже что ли. С чего начать? Да ладно, начну с самого. Родные же, авось поймем. Когда я говорил, что еду на заработки, то обманывал тебя. Заработки – это приехал, поработал, получил и уехал. Меня волнует другое – это другое оно не только деньгами исчисляется. Деньги нужны – это понятно, я не собираюсь здесь баклуши бить. У меня есть мечта устроиться, поработать и отправить тебе деньги, чтобы ты малышам конфет, да и что-нибудь к школе купила. Но есть у меня и другая мечта – стать человеком. Ты, может быть, меня не поймешь, но попробуй. Что у нас? Ничего интересного. Только тишина. Да и люди другие. Все мыслят тремя дворами, а мне хочется шире. Я, может быть, большего хочу добиться, чтобы ты гордилась мной. Чтобы мои братья и сестры говорили: «А у нас брат в Москве такой-то известный человек. Наверняка слышали. И все конечно, о нем постоянно в газетах пишут и по телевизору интервью берут». Да и не в этом, собственно, дело. Мне кажется, зная о том, что твой сын чего-то добился, ты с облегчением вздохнешь. Скажешь, вот, старший ума набрался. Можно теперь и о втором подумать. Я понимаю, они еще маленькие, но ничего. Вырастут, и тогда я больше не буду такой обузой. Со мной все получилось. Я пристроен.

Он грыз кончик ручки, сосед стал ворочаться, а за стенкой послышался стук, но Николай не придал этому звуку никакого значения. Он продолжал:

– А еще ты скажешь, он стал человеком. Попробуй понять. Тебе кажется, что если живешь, работаешь, помогаешь, то ты человек. Это правда. Но я хочу быть человеком с большой буквы. Чтобы сделать открытие, каждый день ходить по красивым улицам и думать красиво. Ведь наши мысли они откуда – из того, что нас окружает. Видишь целый день, как коровы ходят и мычат, вместо хороших образов сплошное мычание. Так и одуреть можно.

Николай поднял голову, словно присматривался к образу, который был сейчас и сравнил с тем – на родине.

– Как странно, что мы с тобой никогда не разговаривали. Все больше по делу. Нужно то, нужно это, а нет, чтобы поговорить о тех муках, что меня мучают, да так, что не могу порой спать, потому что думаю о смысле жизни. Я, конечно, понимаю, что тебе было все время некогда, нужно было думать, чтобы мы всегда были сыты, обуты, одеты. Понимаю. Но и меня пойми, мамочка, что я вырос, и одет, и обут, и еда для меня уже не на первом месте, как для тебя. Я не хочу сказать, что ты никогда не думала о душе, о духовном развитии, тебе просто было некогда об этом думать. Отец рано умер, были разные мужчины, и они пытались, я не спорю, но все как-то неумело. Скорее делали вид, чтобы понравиться тебе. А мне нужно другое, я хочу, чтобы мы росли душой. Я поэтому и приехал в этот щедрый город, чтобы отщипнуть у него этой самой духовности. Авось не обидится.

За окном что-то промелькнуло и ударилось в стекло. Николай дрогнул, немного присел, но потом заметил, что причина страха была слишком маленькой, чтобы бояться.

– Воробей, вот напугал. Что? Тоже никуда пойти, полететь? Я бы тебя пустил и накормил до отвала, если бы мог. Прости, не могу.

Тот как будто понял, покрутился, походил из стороны в сторону и улетел искать более

сговорчивого.

– Мама, ты прости, но я помню все. Мне хочется забыть про некоторые моменты, но я не знаю, как это возможно. Особенно, когда ты приводила мужчин и вы уединялись на кухне, а потом в спальне, прямо рядом со мной. Вы думали, что я сплю, а я не спал. Разве я мог, когда вы издавали столько звуков. Тогда мне становилось страшно. Я думал, что он тебя душит или как-то по-другому. Мне казалось, что тебе не нравится. Но как-то раз увидел твои глаза – да, в них не было страха и боли. В них было равнодушие. Именно это. Потом такое повторялось, но я притворялся спящим и про себя повторял считалку про ковбоев. Один ковбой скакал по горам, другой ковбой заметил его там. Выстрел один и ковбой притворился мертвым, со всеми простился. И вот второй ковбой скачет по горам...

Он давно простил маму и не вспоминал об этом никогда, хотя и был соблазн поговорить с ней об этом. Но что-то его останавливало. И теперь он пишет письмо ей, только зачем, не самый лучший способ борьбы с бессонницей.

– А когда я начал учиться, ты меня отправила в интернат. Пять дней я там, а на выходные домой. Но знала бы ты, что за пять дней это были. Это была не жизнь, а выживание. Я тебе не говорил, что несколько раз мне приставляли к горлу нож? Нет? Говорю. А заводили в кладовку и устраивали темную. Ты не знаешь, что это такое. Так я скажу – тебя закрывают в совершенно темном, без окон помещении. Но ты там не один. Вас трое или четверо. А может быть, и того больше. По команде «начали» они начинают тебя... - правильно, бить. Не жалея. А ты, как загнанный зверь, уже ничего не можешь. А сколько раз я болел, звонил тебе, чтобы ты забрала меня, а ты не подходила к телефону. Наверное, очень занята была. Я ночью забирался в кабинет к завучу и звонил оттуда. У самого температура, сопли гирляндами, а ты не подходишь. А как я хотел, чтобы мы вместе решали задачи... Правильно, тебе было трудно. Но и мне было не сладко. Я же был тогда, ну, сколько мне было – десять, одиннадцать? Николай не удержался. Слезы градом, и если бы перед ним была бумага, то написанные слова расплылись бы.

– А когда я оканчивал школу, как мне хотелось, чтобы ты пришла на собрание. Но ты этого не сделала. Ты была в роддоме. Лежала на сохранении. Боже мой. Да, я понимаю, но кто меня поймет? Что мне важно твое присутствие в самые значимые для меня дни. Но тебя не было и я не знаю.

Он старался плакать негромко, но выходило навзрыд, со звуком.

– И вот школа позади, все идут в институты. У меня тоже была мечта. Стать музыкантом. Да ты, наверное, и не помнишь, как я играл на гитаре и пытался освоить фортепиано. Ты махала рукой, смеялась, твое «иди ты лучше работать» мне доставляло такую боль, но ты об этом не знала. Думала, что полный порядок, что правильно воспитываешь. Говорила - иди на стройку. Но я же о другой жизни мечтал... но кто меня спрашивал? Пошел. Но этим не ограничивалось. После работы я должен был заботиться о младших. Мне хотелось встретиться с девушкой. Но нет. Что, я разве не заслужил? Когда Машка и Пашка сидели уже накормленные и потирали глазки, я думал, что могу быть свободен, но ты меня не отпускала и заставляла чистить картошку или гладить белье. Я говорил, что сделаю, но тебе же нужно было сейчас, чтобы гора образовалась через полчаса. А то будешь беспокойно спать. А о том, что через полчаса будет уже слишком поздно, ты не задумывалась.

Николай треснул по столу. Сахарница подпрыгнула.

– Мама, мне страшно. Мне очень страшно, что с нами будет? Я тебя люблю, но что мне делать с моим прошлым? Как только я начинаю задумываться о нем, у меня все в груди переворачивается, и я перестаю уважать тебя. И я понимаю, что это недопустимо. Вот ты думаешь, что я уехал, я сбежал. Нет, я, скорее, уехал подумать, чтобы вернуться уже с готовым решением. Но пока я не готов.

Слезы прекратились. Ему, конечно, хотелось услышать, что напишет, скажет мама, но он примерно понимал ее реакцию. Скажет, что еще не дорос, чтобы понять ее. Что жизнь намного труднее, чем кажется в детстве.

Он скомкал воображаемый лист бумаги, подкинул его в воздух и пнул.

– Мама, мне страшно, – повторил он.

Николай шептал тихо, так, что только он мог различить. Со стороны можно было увидеть, как молодой человек двигает губами в такт мелодии из радиоприемника, который никогда не выключали. Звучал Синатра, странники.

Ночь кружилась по городу, раздавая возможности. Она щетинилась в темных переулках, сводила с ума влюбленных, и одинокие в эту ночь непременно не спали. Колька смотрел на ходики и думал о том, что его сосед уже пятнадцать минут не ворочался.

Он встал, подошел к двери, обулся, думая, что прогуляться не помешает. До Павелецкого и обратно. Долго возился с ботинками и только хотел повернуть защелку, как услышал стук.

Да, в дверь стучали. Звонок не работал, вероятно, специально убрали, чтобы не было соблазна звонить.

– Кто бы это мог быть? – подумал он. Николай выключил свет и замер. – Главное сейчас не волноваться. Постучат, поймут, что дома никого нет, и уйдут.

Но за дверью стояли, переминались с ноги на ногу и даже ругались. Он не мог открыть дверь. Наверняка это милиция, проверка, будут вопросы. Регистрации нет, да и билет на второй день оказался в урне. Поэтому лучше тихо отсидеться, да и они не железные, у них рабочий день, точнее, ночь когда-нибудь заканчивается.

– Ну что, мама, я попал. Помню, когда твой очередной хахаль меня за самогоном потащил. Мы с ним в деревню за самогоном бегали. Ой, время позднее. Я его не знаю. И ничего, ты отпускала. Говорила, только быстрее. И мы доставали, огней нет, а мы через кладбище, страшно, но ничего, сторож ругается, а мы ползем. Вот жажда у него была. А я двенадцатилетний, на кой меня он с собой взял? Да и как ты меня могла отпустить, не понимаю. Я понял бы, если бы ты меня отправила не за самогоном, а за молоком, например. Молока хочется. Вообще всего натурального хочется.

Очередной стук. Николай пробрался к кровати и накрылся одеялом с головой.

– Кто это? – вопрошал сосед. Николай не ответил.

– Пусть думает, что я сплю, – решил он. Стук усиливался. Послышался храп, сосед уснул. Он слишком устал за день, чтобы обращать внимание на посторонние звуки. Это у Николая все чаще была бессонница, он не работал, все думал, пусть от мыслей тоже устаешь, но чаще всего еще больше думаешь и вызываешь еще дюжину мыслей, от которых скрыться можно так – сидеть на кухне и пытаться их выразить.

Дверь хотели разнести.

– Все, пришли за мной, – звучало в голове. Главное – не тушеваться.

Вспомнились отголоски его прегрешений. Пил в парке пиво, подошли в штатском, выписали штраф, не заплатил. Бросил девушку, да не одну. При этом говорил, что-то резкое. А они молча слушали и плакали. Конечно, можно предположить, что одна из этих бывших нашла его и ломится в дверь, чтобы отдать должное. Этот нонсенс, однако, Николай и от этого сразу не мог отказаться. Может быть, да может, – шебуршилась назойливая мысль. Вспомнились даже потраченные попусту деньги, которые были получены на покупку слив. Вместо них он купил боксерскую грушу. Тоже фрукт, немного другого предназначения, однако тогда он не чувствовал разницы. Говорил, что сливы съел – и забыл, а груша – она надолго.

Сосед зашуршал на надувном матрасе. При этом он что-то сказал, начав очень громко, похоже на клич, и постепенно затухая. Он был из деревни и рассказывал, как пас лошадей. Наверняка, вспомнилось.

Дверь уже безнадежно вскрикивала от стука. Человек за дверью продолжал стучать, правда, уже не так активно, но продолжал напоминать о себе.

– А если что-то произошло? Вдруг пожар или плохо ему? В конце-то концов, чего мне бояться.

Николай подошел к двери, шепотом спросил:

– Кто? – и услышал голос, знакомый, словно слышал его неоднократно: – Да я-я.

– Димон? – воскликнул он, открывая дверь. – Сосед? Ты разве не спишь?

– Ну, слава богу, – сказал тот, вваливаясь на порог. – Я уж думал все, до утра,

собрался на скамейку во дворик.

– Ты чего так стучишь? – спрашивал Николай, не совсем понимая, как такое могло произойти.

– Вышел позвонить, ты же знаешь, как разговаривать, когда все в доме спят. Ну полный п...ц вышел - дверь ветром... пдыщ. Захлопнулась, су...ровая. Все, лестница, фонарь, одиночество и главное тихо. И громко-то не покричишь. Звонить тоже не стал. Ты чего такой?

– Какой?

– Замороженный.

– Да так

– Испугался?

– Есть немного.

– Я тоже. Но ничего, без страха в Москве делать нечего. Страх – именно он делает людей людьми.

– Не понимаю.

То ли он тоже о чем-то подумал, когда стоял в подъезде. Ну конечно, ему тоже было страшно. По-своему.

– Ну, вот представь, что ты ничего не боишься. Приехал, и все у тебя складывается хорошо. Ты получил хорошую должность, женщина с квартирой, и все складывается как нельзя лучше. И вдруг ни с того ни с сего ты срываешься и едешь на Дальний Восток. Что это? Почему вдруг?

– Не знаю. Ересь какая-то. Чтоб от этого уехать.

– Все правильно. Потому что страха не было это потерять. И когда всего этого добивался, не было чувства неуверенности, что может не получиться. Знал, что получится, знал, что все будет хорошо. Нет остроты ощущений.

– То есть ты мне сейчас добрую услугу оказал?

– Можно и так сказать, дружище.

Это слово приятно защекотало.

Димон пошел спать, а Николай еще некоторое время сидел на кухне в темноте и представлял, что эта квартира – лишь то небольшое, что в себе держит старуха жизнь. И радуется она за нас, и горюет, и, возможно, сама преподносит нам сюрпризы в виде захлопнувшихся дверей, чтобы мы могли задуматься о своей жизни и, возможно, что-то понять. Страшно сейчас подумать, – размышлял Николай, – что бы было, если бы дверь не захлопнулась.

Ошибка

Выбор жены – задача не из легких. Какой должна быть жена? Во-первых, чтобы готовила хорошо. Чтобы при случае, если другие качества будут хромать, можно было этим прикрыться. Во вторых, умная, и, в третьих, красивая. Но это уже в третьих. Петька Голин выбрал жену из практических соображений. Во-первых, ему негде было жить, то есть жена должна была быть со своей жилплощадью. Второй пункт, который его больше всего интересовал, не говорит ли она на другом языке. У него был комплекс, если женщина владеет другим языком. Только она начинает говорить, как ему кажется, что говорят о нем и обязательно – мерзости.

Ленка была хорошей. Работала в издательстве и знала только свой язык, не считая немецкого в школе. Познакомились на улице. Так просто, он подошел и сказал, а не пойти ли вместе. И они пошли. Сперва в кафе, потом гуляли несколько часов, потом дома сидели, записи слушали, и в результате решили делать это регулярно. На пятом свидании Петька решил сделать ей предложение, а на седьмом она сама проявила инициативу.

– Во как, – подумал парень, вспоминая о важном критерии – уме, за который он уже не беспокоился.

На восьмом свидании она приготовила борщ у него дома – лучше только в ресторане,

Петька и влюбился. Точнее, он и раньше был влюблен, но тут такое чувство разыгралось, аж тело заныло от тоски, что раньше такого не было, а сейчас на, пожалуйста.

Свадьбу сыграли, и молодые отправились в свадебное путешествие. Отдыхали в Феодосии, загорали, ели персики и бегали нагишом по пляжу после полуночи. Приехав после такого отдыха, Ленка подошла к нему и сказала:

– У меня есть ребенок. Я тебе не говорила о нем. Сейчас он у мамы.

Петька оцепенел. И правда, он не все знал о своей суженой. Все как-то очень быстро получилось. Неужели... но не успел он додумать, как она опередила его:

– Шутка, шуточка. Вот у тебя глаза были. Жаль, фотика рядом не было.

Петька ничего не сказал, подумал, что шутка, конечно, не самая удачная, но все же шутка, и хоть он и не считал ее безобидной, постарался забыть.

– Я же говорю, просто шутка, – повторила она и добавила, – любимый.

Ну что, Петька растаял. Она умела не только шутить.

На следующий день Ленка вышла на работу. Во время обеда он позвонила и простонала, что у нее сломался каблук и что она не сможет донести покупки. На вопрос, что же она купила, девушка не ответила, сказала, что хотела сделать сюрприз и если сейчас скажет, то сюрприза не получится. Петька сорвался из дома (у него еще было пару дней отпуска), помчался на Зубовский бульвар, где, по ее словам, она стоит со сломанным каблуком. Ее не было. Он обошел весь бульвар, всматривался в лица прохожих, словно они должны были знать об этом случае хоть что-нибудь. Телефон он не взял, так вышло, выскочил из дома и только когда спускался по эскалатору в метро, вспомнил, что оставил. – Ничего, – подумал он. – Я же знаю, где она. Книжная горка около «Бакалеи». И сейчас, когда ходил по бульвару, недоумевал, как же, вот она, горка, правда «Бакалеи» не было, были какие-то закусовые с шаурмой. Вспомнилась та история с шуточкой, и он уже было подумал, что история повторяется. Об этом он узнал только дома.

– Прости дорогой. Я перепутала бульвары. Цветной мне показался Зубовским. При свете дня.

Она действительно сломала каблук и на самом деле купила тяжелое – это был арбуз, одиннадцати с половиной килограмм. Она хотела сделать из него сок и устроить арбузный вечер. Вечер удался, только с маленькой прелюдией в виде небольшого разговора.

– Я тебя искал.

– А я тебя ждала.

– Но я же тебя искал.

– А я тебя ждала.

В этот вечер они впервые не говорили друг с другом. Петька не хотел, а она тоже не решалась.

Через неделю она пришла заплаканной с работы. На вопрос, что случилось, Ленка долго не могла ничего вразумительного сказать. Наконец, после стакана воды и пяти минут слезного молчания, решилась поделиться:

– Вместо «внизу» живота я «в низу» живота набрала. Понимаешь, я думала, что у женщины есть низ живота, ну как отдельная составляющая, оказывается, что нет – она не отдельная. Когда я училась, у нас преподавателями были одни мужчины. И они не делали акцент на таких примерах. Все больше на знаки препинания. Да, в знаках я спец, но зато «внизу» или «в низу» путаю. Я глупая?

Петька успокаивал ее до трех ночи. Он уже вышел на работу и старался всегда высыпаться перед рабочим днем, так как программирование требует отдохнувшей головы. Но здесь была проблема, пусть пока небольшая, но одна из первых в этой семье, и он не должен был оставаться безучастным. Наутро он был разбитым. Его коллега, Владик, сказал, что тот за последний месяц стал ходить на замученного пытками заключенного. Это немного смутило Петьку, но Владик был холостяком, вечно заполнял свои свободные часы ненужным времяпровождением – от фильмов до девчонок, про которых ничего толком не знал, кроме их мнения о свободных

отношениях.

– Когда-нибудь ошибешься, – сказал как-то Петька, – и попадет тебе в сети девушка не из Тихого океана, а Северно-Ледовитого. Вот тогда берегись. – на что Влад лишь рассмеялся и зачем-то показал пальцем на него – мол, не о себе ли говоришь. Они чуть не поругались тогда.

В понедельник была очередная бессонная ночь. Только на этот раз виновниками были соседи – какое-то чертовски важное торжество и они не хотели умолкнуть в час ночи, несмотря на звонки и стук по батарее. Ленка толкала его в бок и говорила, чтобы он пошел и лично с ними поговорил, и он пошел, и застрял там до самого утра. Ленка была недовольна этим.

– Ну, сама же меня отправила, – говорил Петька, – а теперь возмущаешься.

Ленка ничего не сказала и с вешалкой вышла из дому. И заметила это только на работе, когда сняла курточку. После этого было несколько звонков мужу о его шутке, и почему он не сказал ей об этом – она как дура шла по улице... у Петьки впервые от нее заболела голова, и он впервые ее не дослушал и сказал «хватит, поговорим дома».

Дома не был приготовлен ужин, снова был долгий разговор, включая ночное происшествие с соседями, и утром Петька опоздал на работу, за что получил выговор от начальства. Вечером его будет ждать ужин, свечи и раскаянье. Так он, по крайней мере, думал. Но когда пришел, то увидел, что Ленка спит, на кухне беспорядок, в зале стоят цветы

– Сегодня купила цветы.

– Зачем?

– Решила сделать себе приятное.

Петька ничего не сказал, пошел на кухню, поставил варить макароны. Вечером у него поднялась температура. Ему стало холодно.

– Закрой окно! – крикнул он, но Ленка не отвечала. Тогда он вышел в зал и сказал более отчетливо, – я прошу немногого. Почему ты меня не слышишь?

Он подошел к окну, убрал орхидею, герань, баттерфляй (так она называла), каланхое, едва не опрокинул кактус и фигурку винторогого козла, доставшуюся от сотрудников, и приткнулся к окну, которое никак не поддавалось его напору.

– Окна заклеены, – сказала она. – Только вчера.

– Зачем? – крикнул он. Он никогда не разговаривал с ней таким тоном. – Это что, мне назло?

– Да, – сказала Ленка и отвернулась.

Проболел он неделю. На восьмой день они разговаривали. Сидели на кухне, заварили чай с бергамотом. Она уплетала зефирные ракушки, одну за другой, а он просто пил чай, время от времени подливая заварку. Она говорила о том, что ее мучило.

– Такая мозоль на ноге, болит нестерпимо. Когда я иду, то мне кажется, что все посмеиваются, а я нервничаю от этого. Самое лучшее время, когда я успокаиваюсь, это утро. Только тогда я могу понять, что никто мне не желает ничего плохого и пусть за окном серое небо и занавески у всех на окнах, я все равно буду есть зефирные ракушки и облизывать губы.

Она засмеялась. Надеялась, что он тоже улыбнется. Петька был серьезен, как никогда.

– Надо меняться. Понимаешь то, что ты делала раньше, когда у тебя не было меня – это одно. А то, что у тебя появился я – это уже другая жизнь. Она словно поделена на двоих, и тут получается все, что ни делаешь, все пополам.

– Рубишь?

– Можно и мягче сказать: режешь, отрываешь.

– Но я не думаю, что смогу.

– Хочешь семью, подумай по-другому.

Как-то резко он сказал, но это ничего. Она подумала. И у нее это вышло очень неплохо. Стала вовремя готовить обеды и ужины. Даже на завтрак всегда был свежий хлеб и сыр. Разговоры о мозолях и прочих болячках за столом прекратились. Она не ругала его и, прежде чем клеить окна или сделать что-нибудь по дому, советовалась.

Поначалу ему это нравилось. Но чем дольше это продолжалось, тем больше понимал

Петька, что не то все это. Не хватает ему прежней Ленки. А та уже изменилась. Тех ошибок, которые она допускала, как не бывало. И ей нравится быть такой. Что делать? Хоть разведись. И решил он поговорить с ней.

Снова кухня, чай с бергамотом, зефир, на этот раз серьезные оба. Он не знал, как начать. Ленка начала первая.

– Я понимаю, – произнесла она, и этого было достаточно для него, чтобы продолжить.

– Ты будь такой, которой была раньше. Я тут подумал, что мне не хватает твоих ошибок.

Она замерла. Смотрела на то, как он переливает чай, тот льется через край, заполняет блюдце, протянула руку, чтобы остановить его.

– Но я не могу измениться, – сказала она, забирая чайник. Он вскочил, подошел к ней, теперь ему мешал стол, этот большой и громоздкий противник понимания, приблизился к Ленке и продышал:

– Что значит, не могу? Это нетрудно. Для этого нужно забыть про наши уговоры и вспомнить себя такой, какая ты была раньше.

Она улыбалась, но эта улыбка была не той, что была в день знакомства, она появилась после, наутро после перемены.

– Понимаешь, я так сильно захотела тогда стать другой, и у меня это получилось, я так себя преодолела, что сейчас снова преодолеть себя – это означает разрушить не только свое «я», но и наше.

Теперь мешал не только стол, хотелось сломать еще несколько преград, которые раздражали, но эти препятствия были невидимыми, их было сложно нащупать, если только они вообще были. Ленка шла дорогой мужа. Она была умной и следовала родительской заповеди. Но муж заплутал.

– А теперь по-другому – захоти, – крикнул Петька. Ленка пригладила его взъерошенные волосы и прошептала:

– Получается только, когда от плохого к хорошему. Наоборот - вряд ли получится.

Петька в тот день плакал. Ленка в тот вечер не могла уснуть. В результате все осталось по-прежнему.

Пикап

Гриша получил шанс участвовать в конкурсе клипов. Времени было мало, да и финансы тоже были не самой сильной стороной паренька. Было одиннадцать дней, четыре из которых сразу выпадали. Был под рукой друг, Володя, который работал в ночном клубе арт-директором. Именно клуб и хотели использовать под съемочную площадку. С понедельника по среду клуб пребывал в запустении, с четверга - заряжался, вплоть до утра понедельника Камера была одна, освобождалась в выходные, и как сопоставить эти несопоставимые вещи – начало недели, когда было реально работать над проектом, и возможность снимать профессиональной аппаратурой, – ни Гриша, ни Володя не знали.

Предстоящую дилемму они обсуждали второй день с перерывами на кофе и кратковременный сон.

– Мой дядя заведует клубом, – говорил Володя Гост, как его называли завсегдатаи клуба за то, что он всегда высшего сорта и госта тоже. – Но ты знаешь, сутенерский клуб, – при этом он так цинично все произносил, словно делал одолжение, что работает в таком заведении. – Приходят и снимают друг друга. За десятку можно с ней только кофе выпить, за большее уже валютой, пририсуй к червонцу нолик..

– Я не хочу с ней кофе пить, я хочу ее любить. А если она будет против, то я попрошу открыть ротик.

У клиента был нестандартный говор. Он не говорил, а выплевывал слова. Они выпрыгивали, как отчаянные парашютисты. На что Володя отвечал:

– Тут такие девчонки бывают, невольно хочется одного – холостяком быть. А у меня, как назло, месяц назад свадьба была.

– Женился – не значит простился.

– А ты прав. Снимем твой клип, оттянемся по полной.

У него зазвонил телефон.

– Да, сейчас буду, – буркнул он в трубку и обратился к Грише, – Ты, посиди, а мне нужно решать вопросы с журналистами.

Он отошел. Володя обещал помочь с режиссером. Он сказал, что у него есть один на примете. Часы показывали три с четвертью. Договорились на три. Режиссер запаздывал.

Гриша качал головой, ногой, барабанил костяшками пальцев о заляпанный стол, смотрел на календарь с многочисленными датами и нагнетал обстановку. Песню он нашел. Она ему нравилась. В ней была вся его жизнь – и встреча с женщиной, которая его кинула, и первое тату, и авария, и то, почему он сравнивает жизнь с ночью, оставляя для дня – самое ненужное и неинтересное. Он поменял за последний месяц двух девушек, расставшись с каждой по причине непонимания. Первая не понимала слова – популяция, вторая – испугалась слепня. И первая, и вторая были отправлены на скамейку запасных. Гриша считал, что объект вдохновения не должен стоять под стеклом и радовать глаз и тело, он должен не только тормозить твои амбиции и вызывать беспокойство, он должен понимать. Понимание – это то, что он искал. Об этом, кстати, и была его песня. О том, что он ломал свою жизнь, чтобы понять себя, и наоборот – он ломал себя, чтобы понять жизнь.

Вошел Володя. За ним вошли парень с девушкой. У девушки была камера. Это смутило Гришу.

– Сейчас они кое-что снимут, – сказал Гост. – Им нужно для своих телевизионных дел. Просто сиди. Вот коктейль. Угощайся.

Он поставил перед Гришей бокал с мохито, подмигнул и вышел.

– А режиссер? – произнес парень, но Володя не услышал, так как гул новых дел вновь поглотил его. Молодые люди снимали комнату, напоминающую большой обитый диван синего цвета, то и дело просили парня пить коктейль, иногда щелкали пальцами, чтобы тот услышал. А Гриша не всегда прислушивался к этой суете, больше думал о том, как его сочинение будет услышано.

– Радиостанции города Москвы взбудоражены – появился человек, которого можно смело назвать сенсацией. Он стал первым, кто в своих песнях поднял тему, которую до этого поднимали только классики. Шекспир. Можно ли Григория из града М считать Шекспировским продолжателем?

Он приподнялся, взял подушку и, вытянув руки перед собой, стал говорить с ней:

Ты смотришь на меня, когда я уснул

На мне пелена и заставленный стул

Я буду лежать, пока не буду замечен

А ты пеленать свои закрытые плечи.

Он не заметил, как журналисты ушли. Также он не услышал, как отворилась дверь и вошел парень.

– Что ты хочешь снять? – спросил тот, сел рядом и отпил из одиноко стоящего стакана с мохито.

Гриша вздрогнул. Свет был неяркий, полумрак. Окон тоже не было, но он смог разглядеть молодого человека. Руки, покрытые татуировками до самых плеч, кольцо в одном ухе, в другом – дырка. На голове шляпа, под которой наверняка красовалась татуировка.

– Я не знал, что здесь кто-то есть, – сказал Гриша.

– Я тоже. Меня зовут Влад.

– Гриша.

– Итак, Гриша... приступим.

Парень потер руки, улыбнулся, в предвкушении дивного рассказа, открыл рот, застыв ненадолго в такой мимике, начал говорить:

– Да, приступим. История такая. Я застаю свою дамочку в туалете, когда ее шпилит какой-то чел, я в гневе оттаскиваю. Понятное дело, драка, шпили-вили, и все

нормально. Месть совершена.

Возникла пауза. Вероятно, Влад ждал продолжения. Он застыл в однообразной позе, собрав руки в замок и зажав ими колени, представляя предлагаемую картину.

– Это все? – спросил он.

– Да, а что? – спросил Гриша, широко улыбаясь. – Главное то, что история должна быть красивой.

– По-твоему, красиво, когда ты девушку свою...прямо в клубе...на глазах у?... Мерзко.

– Но в том то и дело, что она этого заслуживает, – воскликнул парень.

– В клипе важна идея. Если мы покажем то, что ты сейчас мне преподнес, у нас будет только одна публика – те, кто жаждут мести. Второй пункт – наша идея должна чему-то учить. Она очень близка к истине, к проповеди, если хочешь.

– Я не хочу быть проповедником. У меня и песня есть такая, где я выступаю против церкви и ее канонов.

– Альтернатива? – прервал Влад. Тот пожал плечами. Режиссер повторил. –

Альтернативный вариант.

– Другая история? – растерянно спросил Гриша. Ему это явно не понравилось. Он вновь открыл рот, застыл на этот раз на два мгновения дольше, за это время Влад успел заметить щель в окне и услышать разговор о ближайшем параде «нетрадиционных». Прошло две минуты, как клиент заговорил. – Она делает ему тату, происходит проникновение, ему нравится и он приходит к ней снова и снова. На нем уже живого места нет, а он все идет и не может остановиться. Страсть, чтоб ее. Влад снова сделал паузу, дал шанс исполнителю еще что-нибудь добавить, но так и не дождался.

– А она что? – спросил он.

– Ей давно по-по, – речитативом проговорил Гриша. – Она же им воспользовалась. И хо-хо. А он в нее входит. И снова и снова...она превосходит в искусстве другого. Ему хорошо, но не знает он...

Влад поднял руку, допил остатки мохито и произнес, рассуждая на ходу:

– Любовь между ними невозможна потому, что она причинила ему боль. Страсть возможна, но как только он приходит к ней, он невольно вспоминает эпизод со станком, и все сходит на нет.

– Но что для него боль?

Влад ущипнул его.

– Ты что?

– Тебе было больно?

– Ну да.

– Когда тебе делали тату, ты не меньше скулил.

– Вовсе нет. Да я и не помню.

– Тело помнит.

– Да ничего оно не помнит. После этого было немало положительного...

– Неправда. Боль запоминается лучше, нежели экстаз.

– Но эта реальная история. Я ее не выдумал. Я действительно делал тату – на ноге, вот две латинские надписи, на правой и на левой – «Vita sine libertate nihil», означают – «Жизнь без свободы – ничто».

– Итак...история, – настаивал Влад. Он смотрел на Гришу, рассматривая его, как детектив изучает объект подозрения.

– Ладно. Сюжет. Драка в клубе. Я хочу, чтобы драка и секс стали чем-то общим. Чтобы они перекликались.

– Ты хочешь сказать, что удовольствие и боль могут пересекаться?

– Именно.

– Тогда я отказываюсь работать с этим. Понимаешь, я как врач, который давал клятву, что не причинит вреда. Так и здесь: я дал клятву, по которой я ни в коем случае не ввязываюсь в сценарии, в которых будет насилие в большей или меньшей степени.

– Так что же ты мне мозги парил? – с досадой в голосе сказал Гриша.

– Я думал, что мы с тобой сможем договориться.

– У меня сроки поджимают.

– У тебя слишком, как бы тебе сказать, неприемлемо.

– Что именно? – вскочил парень. – Я готов убрать лишнее. Неприемлемое. Что? Ты только скажи.

Влад задумался. В этот момент заглянул Володя, удостоверился, что все в порядке и, подмигнув Грише, показал знаками, чтобы ретируется, так как должен идти. Когда он ушел, режиссер положил руки на стол, словно собирался показывать фокусы и сказал:

– В общем, так. Мне нужно три-четыре дня, чтобы написать сценарий. Я сам позвоню.

– Три-четыре? – переспросил Гриша.

– Оптимальное время. День–два собрать все идеи, три или четыре – найти ту самую, которая твоя. Понятно?

Он согласился на эту авантюру. Ему нужна была эта работа. Оплата – копейки, но это должно помочь ему забыть о том, что произошло в прошедшую субботу. Зарезали его друга. Как животное. Только сегодня он проходил мимо киоска с шаурмой и наблюдал, как лоснящийся повар срезал тонкие пласты с мяса на вертеле. Его стошнило.

Похороны прошли в ужасную погоду. Лил дождь, и он подхватил легкую простуду. Всю ночь он пил водку, и проснувшись днем, едва вспомнил, что должен был прийти по назначенному адресу. Немного опоздал. Хорошо, что на столе стоял бокал с мохито.

Его немного перестало трясти. Клиент ему был противен. Он смотрел на него и думал о том, что тот напоминает ему убийцу. У него был пустой взгляд, агрессия, и его слова выстреливали как пули из мелкашки – не насмерть, но болезненно. Влад держал себя в руках, Он сорвался на похоронах, крикнул в гроб: «Безумие – то, что ты уходишь так рано», отчего родители этого парня оцепенели и долго не могли отойти от могилы.

Теперь он должен написать сценарий, в котором фигурируют плохие и хорошие. Как ни хотел он этого избежать, понимал, что нужен конфликт.

Прошло три дня. Гриша ходил по городу – сидел на бульварах и ждал. Его телефон был включен, да и он был готов преодолеть любое расстояние ради своего будущего. Наконец Влад позвонил. Он тихо сказал «приезжай», назвал адрес, и Гриша помчался. Тот жил в старом доме на Трубной, и парень, поднявшись по спиралевидной лестнице, позвонил.

– Сыночек, это тебя, – услышал он женский голос. Дверь открылась - на пороге стоял Влад, на нем был вязаный свитер темно-зеленого цвета, на лице трехдневная небритость, в нос ударил аромат кофе. – Проходите, - продолжил женский голос откуда-то из дальней комнаты. – Сыночек, угости гостя сырниками.

Влад сконфузился:

– Мама, не надо. Извини, ты же не будешь есть?

Гриша повертел головой. Они прошли в комнату. Гриша так и не понял сколько комнат было в квартире. Четыре или пять? Комната Влада была окружена полками с книгами. Книги были кругом – на столе, на полу.

– А что это?

– Как что? Мысли тех, кто мне помогает.

– То есть это ты с ними все эти дни сидел, пил кофе и сочинял сценарий?

– Можно сказать и так.

– Но почему не с живыми людьми? Получается, что ты с мертвецами кофе-то пил.

Влад замер. Он не мог выносить этого слова. Все разговоры о загробном мире в последнее время стали запретом. И сейчас клиент говорил об этом, как будто для него это было обыденной темой.

– Нет, ты не прав, – возразил парень. – Я пил кофе с самыми живыми.

– Не понимаю, – сказал Гриша, вновь открыл рот, словно это ему помогало понять сказанное.

– Ты читал «Три товарища»?

– Нет.

– «Фиесту»?

Гриша покачал головой.

– «Мастер и...

– Да у меня времени нет, – перебил парень. – Мне кажется, что мне это только будет мешать. Народ сейчас не хочет умных речей – им подавай грубость, жизнь, которая есть у них. Им не нужен хэппи-энд.

Влад вспомнил, как его друг, Кеша, говорил о своем будущем. Он думал, что жизнь бесконечна, и впереди ждет столько всего, что «готовь короба», говорил он, «да помассивнее». Про «счастливый конец» никто никогда не задумывался. Ведь не важно, каким он будет – радостным или не очень, главное, что это «конец». Уже печально. А они были слишком молоды, что задумываться об этом.

– А что нужно? – спросил он.

– Эпатаж. Чтобы было убийство, секс – то, что возбуждает. Если их будет возбуждать клип, то, следовательно, и я, и моя песня не потеряемся.

«Убийство» было произнесено с двойным цинизмом. Влад сморщился, проглотил слюну и прошептал тихо:

– А что сейчас только расчленение тела дает положительные эмоции, и трах на атласных простынях?

– Крайность, в которой человек либо погибает, либо возрождается – показывая только это, мы соберем нужную публику в достаточном количестве.

Кладбище пахло сыростью. И не важно, как ты одет, всегда будет зябко. Народ плачет ровно столько, сколько нужно дойти от могилы до автомобиля, терпеливо ждет часа, когда наступит время для разговора на посторонние темы. Полтора года назад хоронили друга, погибшего при загадочных обстоятельствах в горах, сейчас обстоятельства ясны и преступник отбывает наказание, но горечь одинакова и в первом, и во втором случае.

Влад посмотрел на Гришу, вздохнул, хотел было сказать, опустил голову, прошло пять секунд, поднял, вздохнул еще раз и произнес:

– Сценарий не получился.

Гриша не понял.

– Как так? Ты же сказал мне, что тебе нужно три дня. Я тебе дал их. Через несколько дней нужно уже монтировать отснятый материал, чтобы успеть к следующей пятнице.

– Прости, но я ничего больше не смогу сказать.

– Ты же работал. Думал. У тебя наверняка что-то есть. Покажи.

– У меня ничего нет.

– Что ты со мной делаешь? Я больше ни на кого не надеялся. Только на тебя.

– Я тебя подвел.

– И ты так спокойно об этом говоришь?

– Я говорю об этом так, как считаю нужным.

– Но здесь нужно мне, а ты...блин, со своей клятвой мне жизнь хочешь запороть.

– Не думал даже.

Вошла мама. Пожилая женщина в халате и тапочках с загнутыми носами.

– А вот и сырники, мальчики. Угощайтесь. Меня зовут Людмила Семеновна. А вас как?

– Гриша, – буркнул парень.

– Григорий, чем же вы занимаетесь?

Тот пожал плечами и сказал:

– Мое занятие назвать не так просто – что между убийством и насилием.

– Вот как. И что...вам нравится?

– Да, очень.

– Ну хорошо, мальчики, вы сидите, а я пойду. У меня цветы...

Она вышла.

– Хорошая у тебя мама, – сказал Гриша. – Добрая. Ты не такой.

– Почему?

– Прости, ты похож на нее, но ты не такой. Я пойду, ладно.

– Иди.

Дверь хлопнула. Влад вышел на кухню.

– Ну и как твой сценарий? Прошел?

– Нет, мама. Ему не нужен мой сценарий.

– А мне он так понравился. Мне даже показалось, что мы его вместе писали. Не зря ты меня сегодня в три ночи разбудил и читал его до утра. Как здорово. А что ему не понравилось, он сказал?

– Нет.

– Может быть, ему не понравились сцены в парке или на балконе?

– Нет, мама.

– Тогда не знаю. Станный он. И песни у него, наверное, странные.

– Обычный.

– Не знаю, в моей молодости...

– Мама, ты у меня еще молодая.

– Уж и не знаю... не понимают же. Когда не понимают, начинаешь понимать, что стареешь.

Мама потрогала свои морщинки, словно проверяла, не образовались ли за последнее время новые, и вздохнула так же, как и ее сын, который в этот момент смотрел в окна и слышал, как красноречивые старушки ругают молодежь за сломанные скамейки и поцарапанные стены в подъезде.

Постояльцы

Эту квартиру я мечтал сделать студией. Но делать ремонт – это означает ломать историческую ценность, и я не посягнул. Тем более что моя работа была связана с перемещением по всей стране (вожу документы), и я не был так сильно привязан к этой квартире. Моя двоюродная сестра согласилась пожить у меня. Мы с ней договорились, что она будет принимать постояльцев по своему усмотрению, но обязательно отчитываться мне. Прошла неделя. От нее не было звонков. Через неделю поступил первый звонок. От постояльца. Первым позвонил жилец. Вероятно, своим молчанием она пыталась скрыть пребывание живущих, чтобы заработать на этом. Весьма хитрый ход, но я вовремя пресек его.

Жильца звали Егор. Он был из Самары и приехал в Москву, чтобы найти самое недорогое жилье. Он поспорил с кем-то из своих друзей, что сможет найти жилье за миллион. Мне он говорил о том, что не совсем доволен условиями жизни. Я, проживший в этом доме без малого тридцать лет, вкусив сладость и горечь этого старого, но уютного дома, не понимал, что может быть не так. Ответ его был лаконичен:

– Хозяйка...

Что касается моей сестры, то она была не сахар. Воспитывалась в интернате (мать пила), рано вышла замуж, уже в восемнадцать был годовалый паренек на руках. Парня звали Никита. С ним я находил общий язык. Наш первый разговор расставил все точки над «i».

– Я не лялька, – сказал он гордо. – Я мужик.

В доме не хватало мужика. Несмотря на то, что квартира была в центре, на Петровке, она находилась в аварийном состоянии. Я там долгое время не жил, мечтал о ремонте, но так и не успел его сделать. Туалет не работал. Раковина стояла на трухлявых опорах, стены были в разводах, а газовая печка при выключении шипела и выпускала столько угара, что порой хотелось жить с открытыми окнами, а печку не включать никогда, даже зимой.

– Что хозяйка? – спросил я Егора, которого явно что-то не устраивало.

– Она закрыла меня в комнате и сказала, пока я не заплачу за месяц вперед, не выпустит меня. Хорошо, что я нашел здесь записную книжку... извините, пришлось залезть в ящик стола, у меня не было другого выхода. Что мне делать?

Я не знал, что Оксана может применить такие суровые методы. Два раза она брала займ, за ней гонялись банковские кредиторы, звонили, она давала наш адрес, и беспокоили нас вместо нее. Трижды она подвергалась нападению, но благодаря своей комплекции (она была дамой фактурной), выходила сухой из воды.

Парня я спас. Поехал на Петровку. Открыл Никита.

– Привет, – говорит он. – Мама занята. Приходи позже.

– Позволь, – сказал я и вошел в квартиру. Оксана с каким-то парнем сидели на кухне и пили чай.

– Что происходит? – спросил я.

– А что? – встрепелась сестричка. – У нас все хорошо. Вот, познакомься, Егор, мой старый знакомый, зашел в гости.

– Значит, он просто знакомый. А не постоялец.

– Он поживет пару дней, а потом уедет. Правда, Егор?

– Да, – тихо сказал он.

Я вышел с сестрой на балкон.

– Мне что, перечислить?

– Не надо, – сказала она. – Мне деньги нужны. Понимаешь, у моего бывшего проблемы. Он на девочку руку поднял, своей новой жены дочку. У той серьезные увечья, будет суд. Мне деньги нужны на хорошего адвоката.

– Он же в прошлом.

– Нет, от него у меня сын.

Я ничего не сказал, ушел, но через несколько дней позвонил еще один постоялец.

Звали его Толик. Он был из Архангельска, приехал на день города и подзадержался. У него был не менее взволнованный голос.

– Хозяйка...

Да что ты будешь делать! Он мне рассказал о том, что происходило за эти три дня, пока меня не было. Их было двое, Толик и Костик. В первый же день Оксана подошла к ним с просьбой.

– Туалет почините?

– Хорошо, – отозвались они. Починили туалет и даже прибили полку, которая могла со дня на день упасть. Вроде все хорошо, значит, будут льготы, – подумали они. Но не тут-то было. Через два дня она потребовала с них плату за свет.

– За свет заплатите, – сказала она. – У нас примерно набегаёт около двухсот пятидесяти.

Парни сконфузились.

– Но мы же туалет чинили, – сказал Костик.

– Вы для себя его чинили, – громко сказала Оксана, подводя черту под их словами.

– Но мы и на улице привыкли, – сказал Толик.

– Что же вы на улицу не ходите? – сказала она. – Вон там, прямо на детской площадке. Вот соседи рады будут.

В этот раз я не стал делать облаву, просто позвонил, правда, никто не ответил, но я оставил сообщение на автоответчик, чтобы сестра перезвонила мне, когда сможет.

Она этого не сделала. И тут звонок. Оттуда, из моей квартиры. Я услышал мужской голос. Это был Толик. Следующий этап их знакомства продолжился ночью. Оказалось, что Оксана подняла их среди ночи.

– Что такое?

– А ну вставайте.

– Что стряслось?

– Вы молоко в холодильник не поставили.

Толик печально говорил, что это продолжалось несколько ночей. Молодые люди научились ставить продукты в холодильник и убирали даже чай.

Я слушал Толика и чувствовал себя психотерапевтом для постояльцев, остановившихся у меня, чтобы подлечить нервы. Следующей ночью позвонил Костик. Он говорил дрожащим голосом, что он запер ее в туалете. Что Оксана уже час как сидит там и стучит по трубам. Я ринулся на Петровку. Сестру я вызволил, она была в бешенстве, но увидев меня, сдержалась.

И снова мы стояли на балконе.

– Что на этот раз?

– Они привели девушек.

– И что?

– Как что? Они там песни пели, ну я им и пригрозила. Раз сказала, второй. Пришлось им своих девушек до дома провожать. Разве не правильно? Я же о порядке думаю. А Толик не выдержал, пришел и высказал. Сказал, что я не права, ну я его и треснула, чем было под рукой, а Костик меня в туалет затащил и закрыл.

– А что под рукой-то было?

– Доска разделочная.

Оксана плакала. Я редко видел ее плачущей, она была всегда очень сильной и никогда не показывала своих чувств. Но сегодня она не сдерживалась, даже не пыталась. Я обнял ее и сказал:

– Они такие же люди. Почему бы и к ним относиться так же, как и к другим.

– Они наглые.

– А ты?

– Я ...

– Но ты ведь тоже одна из них.

Это ее обидело.

– Но я же...

– И я тоже такой же. Все мы постояльцы в этом мире. Да, зашли в эту жизнь на некоторое время. И как хочется, чтобы в той жизни и хозяйка была добрая, и комната уютная, светлая.

Оксана молчала. Никита появился в проеме.

– Мама, а дядя Толик снова говорил по телефону.

Она так сердито посмотрела на него, но сдержалась.

– Мам, ты чего? – переспросил сын.

– Закрой дверь, – сквозь зубы сказала сестра.

– А дядя Егор снова сегодня...

– Закрой дверь, – рявкнула она. Никита закрыл дверь, испуганно отстраняясь.

– Прости меня, – сказала она. В уголках глаз появлялись крупные слезы. Я обнял ее и сказал:

– Да ничего. Мы же одна семья.

– Я никогда не задумывалась о том, что мои поступки могут быть неправильными. Мне не с кем было советоваться.

– Советуйся со мной. И не только

– Да с кем еще можно?

– С постояльцами.

Она улыбнулась и поцеловала меня. Я не очень любил нежности и поморщился.

Сиделка

Ей было за пятьдесят. Ирина. Серьезная, порядочная женщина. Она была очень пунктуальной. Как только кукушка открывала створку и показывала свое деревянное тельце, то она появлялась на пороге.

– Ждали? – вопрошала она и знала, что ждут. В последний раз – это был старик. Он сидел на кровати и грустно смотрел на тазик, в котором была его мокрота. Когда Ирина стояла перед ним, он вел себя немного по-детски, капризничал и жалел себя. Но главное, говорил, что не доживет до нового года, а так хочется посмотреть телевизор ночью. Именно ночью телевизор смотреть лучше всего. Днем, он говорил, все на меня смотрит – стены, потолок, стол, книги, сервант – и кажется, что они надо мной глумятся, а ночью темнота меня скрывает и я более защищен.

– Ты того, не надо умирать, – говорила она, – а то у меня работы не будет.

Три месяца Ирина ухаживал за стариком. У того был рак горла, удалили гортань, в горле была дырка и он говорил шепотом. В комнате стоял неприятный запах, если долго не проветривать, и дед, которому было без одного семьдесят лет, решил, что он уже безнадежен, и готовил себя к уходу на тот свет. Когда приходила Ирина, у него

всегда были занавешены окна, а старик лежал в странной позе, словно на смертном одре, приговаривая молитву. И сейчас, когда она пришла, в комнате было темно, стоял тошнотворный запах, старик не спал, но притворился спящим – она это знала. Поэтому подошла к нему, погладила по голове и спросила:

– Меня что, встречать не будешь?

Старик заворочался. Это на него подействовало. Он не был равнодушен к Ирине, к ее заботе, теплу, и пусть у него было трое детей, но и к ним он не чувствовал той привязанности, которое испытывал к женщине, приходящей к нему несколько месяцев и отдававшей себя без остатка.

– Ну, слава богу, а я уж было подумала, что мне не рады в этом доме. Но вижу, что ошиблась. Кавалер наш проснулся и встречает меня своей лучезарной улыбкой. Ну как здесь было не улыбнуться? Старик присел, поднялся, перешел на стул и сгреб крошки со стола, скомкал какой-то лист, на котором было что-то написано. Ирина догадывалась, что это письмо, которое он хотел оставить после своей смерти. Он его писал уже на протяжении месяца и каждый раз мял и выбрасывал, переписывал и снова мял – так случилось и сейчас.

– Я уберу, – сказала женщина. – Столько бумаги. А почему простым карандашом пишешь? Я тебе цветные куплю и ручку.

– Моим все некогда, – сказал он и махнул рукой в сторону темного окна. – Вчера сказали мне, чтобы я на выходные погулять вышел, на весь день. К ним гости должны прийти. А я боюсь. Я уже год как не выходил никуда. Я и по лестнице-то боюсь спуститься. А на улице куда идти, куда...

И он заплакал, так же тихо, как говорил. Ирина его успокаивала:

– Ничего, до выходных еще есть время. Там что-нибудь придумаем.

Отношения с детьми были натянутые. Они все ждали его смерти, а он не хотел огорчать их, и поэтому тоже себя готовил к этому. Он жил у младшего сына, когда был еще в порядке и его беспокоил только кашель. У сына появилась семья, родился ребенок, они планировали второго, и им стало тесно вместе. Они уже поговаривали о доме престарелых или хотели найти дом в деревне и отправить его туда – был у них один на примете. Раз в месяц навещали бы (во всяком случае, так говорили), но старик был непреклонен – хотел, чтобы его жизнь оборвалась здесь, в родном доме. Несмотря на их уговоры, ничего не подействовало и отношения накалились до такой степени, что даже внук стал говорить: когда ты, дедушка, умрешь, я займу твою комнату. Ирина была свидетельницей, когда сын приходил очень поздно, брезгливо смотрел в сторону комнаты с отцом, поплотнее ее закрывал, и только тогда мог чувствовать себя комфортно. Жена его тоже не могла переносить тяжелого запаха, хриплых звуков, и была первой за переселение старика.

– Моих детей женщины испортили, – говорил он. – У первого жена учительницей работает. Что это за работа – целый день кричать на детей. Вот она и моего Ваську строит. А он, малодушный, хоть бы что сказал в ответ. Да, ладно, говорит, мне не жалко, пусть. А то, что она веревки из него вить начинает, он не замечает. Вот... Моя средняя тоже не по уму выскочила. За актера. И что? Что хорошего их ждет? Он будет гулять, она за ним – по кабакам бегать, искать и на себе, как санитарка, выносить. А этот тоже. Жена – бухгалтер. Вот она все и рассчитала – как сделать так, чтобы отца родного со свету сжить.

Ирина подошла к нему, погладила по руке, тот задрожал и медленно приподнял голову, словно ждал, что она сейчас скажет такое, от чего все изменится – и дети, и жены и их дети.

– Они тебя любят, – сказала женщина, – только не могут свою любовь правильно выразить. Понимаешь, мой дорогой, мы-то с тобой уже пожилы на этом свете достаточно, чтобы знать, как и где нужно сказать, сделать. Мы-то опытные, а они так, дети.

– Так сколько же им детьми-то быть? – прошептал старик. – Боюсь, не дождусь я этого. А я хочу при жизни получить то самое тепло, которое им когда-то давал

– А они дают тебе это тепло. Только ты почаще смотри на них. Говори им хорошее.

Например, читай каждый день «Комсомолец» и рассказывай им...

– Они не будут слушать.

– Будут. Понимаешь, молодые – им скучно, когда ты просто лежишь. У меня муж такой был. Он не понимал, почему его родители лежат. Не важно, болеют они или нет. Отец любил завалиться после работы с кроссвордами, а мать с клубком и... могли целый день без движения. Он раз сказал, два. А потом взял, вынес мать во двор, потом отца вывел, едва до скандала не дошло. Они сидят, тут соседи стали подходить, разговорились, до заката сидели и разговаривали. Сейчас заставишь их лежать! Они сейчас в свои семь десятков любому молодому фору дадут.

Дед смотрел на Ирину и глубокомысленно молчал. То, что она говорила, было похоже на сказку, но в то же время в ее словах нельзя, да и не хотелось сомневаться. Он стал вспоминать отношения с детьми, что сам порой ворчал, не пускал в комнату, когда те стучались. То есть было из-за чего придти в раздражение и не только.

Однажды Ирина пришла на день позже, так сложились обстоятельства. Когда она открыла дверь, вошла к старику, то в комнате было такое, отчего хотелось не только зажмуриться, но и бежать куда дальше. Тошнотворный запах, мусор, сорванные в нескольких местах обои, грязная посуда, тарелка с нетронутой кашей. Старик лежал укрывшись с головой. Он понимал, что пришла Ирина, поэтому еще сильнее отвернулся и уткнулся в стену. В комнате было темно.

– Ты что, к тебе сосед хотел на рюмочку прийти, а ты... – сказала женщина, раздвигая шторы. Комната осветилась. Старик сразу оживился, задвинул под кровать тазик и вытер усы.

– Только что его видела. Говорю, как поживаете. А он – ничего, вот собираюсь в гости к нашему Митричу зайти. С бутылочкой.

Митрич светился. Он сжимал в руке махровое полотенце, пытаясь из него сделать мяч и смотрел на свои ноги, двигая энергично пальцами.

– Вот правильно. Посмотри на себя. Запустил. Сколько я не была? Два дня? И это за два-то дня ты таким стал. Нужно будет и себя в порядок привести, да и дом тоже. Так ты давай брей свою бороду, а я пока на кухне что-нибудь приготовлю. Ты, небось, голодный. А?

Он пожал плечами.

– Понятно, – ответила Ирина. – Значит голодный. Ну, все времени у нас немного. Полчаса, а то и меньше.

Митрич встал, посмотрел на будильник, смахнул паутину с окна и открыл его. Сиделка наблюдала за ним, улыбаясь. Она тем временем готовила солянку, делала нарезку (пришлось немного потратиться) и стучала в стенку соседу. Тот вышел на балкон.

– Семеныч, подсоби, – сказала она выглянувшему старику по соседству. – Митрич тебя в гости зовет. На бутылочку. Приходи. Да, прихвати с собой еще одну. Ну, мало ли, не хватит.

Старик кивнул головой и пошел наводить марафет. Ирина вернулась к своим заботам, параллельно наблюдая за процессом перевоплощения старика. Тот надел чистую рубашку, брюки, нацепил медали, подошел к зеркалу.

– Сперва в душ, – пропела Ирина и Митрич услышал. Послышался шум включенной воды и песня, едва уловимая, но точно – она звучала.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью.

Мы – воплощение собственных надежд...

Старик знал про это, только, наверное, забыл. Он тоже когда-то был юн и сидел за партой, рисуя на полях тетради разных смешных человечков, которые означали разное, но прежде всего, что он не такой простой, как все, он еще покажет этому миру, что он не только может спокойно сидеть за партой. Дайте ему возможность, и он себя проявит, как никто никогда не проявлял. После школы он работал на металлургическом заводе, затем чинил шасси на аэродроме, был лесником и, наконец, стал работать в ЖЭУ. Там он свой голос и сорвал.

В дверь позвонили.

– Ждали? – на пороге был сосед. В руке бутылка, он прошел в комнату, поздоровался с

Митричем (тот был уже при параде), похлопал его по спине:

– Давно мы с тобой не виделись.

И действительно, гостей старик не принимал давно. Как только с ним произошла эта оказия, от него отвернулись многие, но в основном по причине его замкнутости. Он закрылся, не подходил к телефону, а когда кто-нибудь из друзей приходил, был холоден и равнодушен. Так, постепенно, в течение года, он остался один, и только дети, как вороны, кружили над ним, мечтая только об одном. Сосед уважал Митрича. Он часто обращался к нему по поводу ремонта, да и гараж ему удалось выбить опять же с его помощью. Но не поэтому Семеныч ценил его. Он говорил, что в нем есть то, что утратили многие люди. Такое человеческое бескорыстие, которое – как золото. И он это золото раздает. Только в последнее время ему тяжелее «раздавать», но это не значит, что его поубавилось. Ничуть. Просто теперь ему стало сложнее ходить к людям, но если они сами будут это делать, то другое дело. К нему не шли – Ирина это знала, поэтому понимала, отчего старик такой хмурый. Когда-то работала на скорой помощи, видела многое, и с каждым больным, будь то самый безнадежный, уходящий, она разговаривала. Ему остается жить пятнадцать секунд – она ему говорила то, что чувствовала, то, что ему нужнее. И несколько раз приводила в чувство своим голосом, обычным прикосновением к руке – пожатием, словно находила ту самую точку, от которой зависит жизнь человека.

– Сейчас на твоём месте такой лопух сидит, – начал сосед. – Я недавно пошел к нему документы переоформить на гараж, так он говорит, что ему некогда, что нужно будет подождать до следующего квартала. Разве так можно?

Митрич поднял руку и прошептал:

– Я позвоню, если хочешь.

– Правда? Ты это сделаешь. А тот там такие бюрократы нынче сидят. Им же что надо – мзду. Они без нее не могут. Рука не поднимается. Вот люди.

– Странно, я здесь на пятом этаже, а они на первом, подо мной. Получается, что я все равно, выше них сижу.

– Ты всегда был выше.

Митрич ощутил забытое чувство. То самое – с головокружением. С дыркой в горле. Он говорил, а все то, что они пили, выплескивалось эмоциональном всплеске. Несмотря на это, он улыбался и был очень счастлив.

Ирина стояла на кухне и наблюдала в окно, как через детскую площадку мужчина ведет за руку ребенка, что-то приговаривая. Она улыбалась, размешивала в кастрюле пельмени и напевала ту самую песню, что пел Митрич, только на свой лад:

Мы рождены чтоб сказку сделать...

В комнате продолжалась беседа. Старики говорили о Наполеоне, примеряли на себя его возможности и думали о том, могли ли бы они сами взять на себя такие полномочия, чтобы управлять страной.

Раздался звонок. Пришел сын Митрича. Он вошел в комнату с пакетом, из которого торчали банановые носики и зеленый лук. Картина явно не понравилась парню. Сперва он не мог проговорить ни слова. Все стоял, смотрел на своего отца, соседа, искал глазами Ирину.

– Папа, ты что, сидишь? – спросил он, наконец. – Я не думал, мне казалось... а где... мне нужно...

Сын, этакий долговязый детина, метр девяносто, был смешон. Он разводил руками и смотрел на отца, который, по мнению сына, был не способен... А тот улыбался и уминал пельмени, смертельные для него.

– Вы пьете? – продолжал сын.

– Да. Присоединяйся.

– Тебе же нельзя.

– Мне можно

Вошел мальчик. Он ввел в квартиру пса. Фокстерьера. Тот лаял и безостановочно вертел головой. Мальчик его гладил и смотрел на эту картину маслом. Все застыли. Ирина вышла из кухни. Пес вырвался.

– Дарик, стой, – крикнул ребенок, но пес уже бежал по дому и определил свою цель.
– Нет, – крикнул дед. Пес бросился на него, подмял под себя, со стола слетели тарелки. Дед улыбнулся и этот фокстерьер стал его облизывать. Точнее, то место на шее, откуда текла жидкость от пельменей.
– Дедушка, ты жив? – спросил мальчик, осторожно отводя пса. Тот с явным недовольством отошел от старика, посмотрел на него, продолжая облизываться. Как это принято у собак – они могут еще час облизываться после съеденного обеда. Тут был не обед или...
– Жив, дорогие мои. Мне еще хочется на твоей свадьбе погулять.
– Ну, батя, сколько можно, – возразил сын.
– Вот так. Они ждут моей смерти, а я...
Этот инцидент окончился печально. Правда, внук теперь по-другому взглянул на своего деда. Но сын был непреклонен. Он высказал Ирине много неприятного, закончив свой отчет:
– Эх... Ну, зачем же вы. Мне придется вас уволить.
– Я не могу уйти.
– Я вам заплачу за те дни, что вы у нас отработали...
– Вы не понимаете. Я не могу его оставить.
– Вы не справляетесь.

Старик спал. Около кровати лежала стопка книг. В основном одни детективы. Ирина читала старику, да так интересно, что тот внимательно слушал, открыв рот, периодически вздрагивая благодаря сюжетной линии, которая неожиданно вела в темные переулки, выхватывала нож или заставляла кричать от паранойи. Некоторые книги она выделяла. Например, Агату Кристи старик меньше любил, зато Конан Дойля он слушал с таким интересом, что забывал про свое недомогание. Он пытался и сам пересказывать сюжет, пусть у него это с трудом выходило – голос был хриплый и тихий, но он старался, и у него порой выходило так естественно, что Ирина аплодировала его упорству.

Сейчас старик спал. Сосед ушел, и вроде бы Ирине тоже было пора, но она не хотела уходить. Она не знала, что предпринять, чтобы не оставить его, но знала наверняка, что что-нибудь придумает. Не зря она читала так много детективов.

Современные папаши

Парк Горького. Полдень. Солнце уже жарит и мешает движению. Все переходит на более плавный тон. Почти убаюкивающий. На детской площадке оживление. Дети играют в песочные игры, таскают друг друга за волосы и вызывают на дуэль. «Если ты не трус, ты будешь бороться со мной», – кричит малыш. Второй пытается отстать от назойливого прилипалы, и он спасается фразой «я устал». Девочки катают коляски. Мальчуган бежит по самым грязным местам и пытается обновить чистый костюмчик героическими следами.

Изо дня в день сюда приходят разные люди. Они гуляют просто, выгуливают собак, детей. И те, и другие, и третьи находят себе собеседников. Больше всего в этом нуждаются... папаши. Да, все правильно, в один из будних дней в центре самого центрального парка в городе встретились мужчины. И не просто встретились. У каждого была коляска, в которой сидел ребенок. Взрослые пели своим отпрыскам, разговаривали с ними, лениво смотрели на окружение, пока не произошла эта встреча.

Первый смотрел на остальных, понимая, что никто не решается, начал говорить:

– У меня есть жена, будет третий ребенок. Но, как ни странно, я уже третий месяц живу у матери и жду, когда придет срок. Только он что-то не очень торопится.
– Ты ж не холостой.
– Да, я женат. Но, понимаешь, какое дело. У меня жена круглая. В смысле, округлилась благодаря мне. Ну, беременная. А я, если вижу... так у меня отторжение наступает. И в

еде, и во всем. Поэтому на несколько месяцев мы расстаемся.

– Не понимаю.

– Да все очень просто. Живем-то мы с ней душа в душу. Завидуют нам. Но как только круглые дни – я из дому. Тут дело в том, что мама у меня повитухой была и, бывало, брала меня с собой. Ну, я и дождался ее. Но как-то раз не выдержал и заглянул за шторку. То, что я увидел, я помню... У нее руки были в крови, а в руках орущий ребенок. Я выбежал и долго не мог надышаться. И вот какая штука, как только я смотрю на жену, на живот, то у меня перед глазами та самая картина.

– А ты, перед тем как с женой встретиться, фильмы определенного содержания посмотри. Помогает.

– Ты думаешь?

– Думаю-думаю. Они тебя зарядят в нужном направлении. И как только ты ее увидишь, то перед тобой будет не та картина из детства, а то, что ты увидел в последнем фильме. Ты меня понимаешь.

– Да, но я сроду таких фильмов не смотрел. И когда же мне это делать? Телевизор большой. Полтора метра. Страшно подумать, что будет, если я включу там. Это же все будет крупно. А перед этим нужно купить диск. А где они продаются, я и не знаю.

– Я тебя скажу где, пойдешь, скажешь, от меня, и тебе еще сделают скидку.

– Знаешь, я, наверное, не стану. Ну, осталось всего пару месяцев. Это немного. Полгода выдержал, даже больше, и эти месяцы... как-нибудь.

– И жена спокойно относится к этому?

– Она все знает. А как же? Я ей все рассказал. Теперь это не только мои проблемы, а и ее тоже. Она конечно сперва не понимала, говорила, что будет специальную одежду носить, и не могла понять, почему я на первых порах не мог дома жить. А я ей – не могу, уже вижу.

– А ты, случаем, не гуляешь?

– Да что ты, она у меня первая. До свадьбы только поцелуи были, да и то неумелые какие-то. Она меня всему научила. А я от нее бегаю. И стыдно бывает. Кому расскажешь, не поверят. Но мы и не рассказываем. Если кто спрашивает, что это твоего не видать, говорит, в командировке. Если объявляюсь, мы с ней через окно видимся. Я на улице, она в окне стоит, грустная такая. Я себя такой сволочью чувствую.

– А ты представь: приходишь к ней, перед глазами акт соития двух сонных девок с пятым размером груди. Что ты хочешь ей сказать?

– Прости.

– Почему?

– Так я виноват. Изменил, пусть мысленно.

– Да какая это измена?

– Самая настоящая. То, что я подумал – это уже предшествование действию. Сегодня я подумал, завтра сказал, послезавтра сделал.

– Но ты же не собираешься снимать двух проституток и пока вы живете отдельно...

– Нет!

– Ты как-то реагируешь бурно.

– Мне кажется, что я впервые изменил жене дважды. Мысленно конечно. Но...

Второй папаша напоминал осьминога – его волосы были прилизаны, а из карманов торчали всякие предметы – бутылочки, платочки, погремушки. Ребенок у него был крупный. Он обсасывал леденец, пока тот говорил:

– С моей женой что-то не то. Она любит детей. Перед тем как родить, она читала книжки, смотрела фильмы, слушала детские песенки, насыщалась, в общем. А сейчас родила двоих, и что? Ей наплевать на маленьких. Она ходит по барам, я заделался нянькой и кормлю детей сухой смесью.

– Так скажи ей «хватит».

– Не могу. Мне кажется, что я тогда расстрою ее. Она же у меня одна. Тем более, я еще хочу детей. Двоих как минимум.

- Ты же сам так решил, чтобы она работала, а ты был мамкой бородатой.
- Нет, я с ней разговаривал, но она мне затыкает рот. И детки к ней тянутся. Что я сделаю?
- Детки тянутся почему? Они чувствуют силу. Инстинкт. Вот и получается, что в вашей семье мужик – она.
- Она у меня очень женственная.
- Но ты же не можешь ее на место поставить.
- У нее знаешь, какая рука? Она такие сумки носит.
- А ты чего ей не помогаешь?
- Я музыкант, и чтобы я носил тяжести - нонсенс. После того, как я больше двух килограммов пронесу, у меня руки дрожать начинают. А это мне вредно. Я вечерами выступаю.
- Где же ты выступаешь?
- В клубе, потом еду в другой. За ночь порядка пяти клубов. Но это не так часто бывает. В лучшем случае два раза в месяц.
- Тебе не в клубах надо выступать, а дома.
- Чего ты?
- Взял жену, поставил на место. Потом поцеловал, Чтобы и кнут, и пряник был. То есть после поцелуя – на место.
- Так она же меня не слушает. Она же привыкла по-другому.
- Во-во. По-другому. А ты сделай так, чтобы послушала.
- Мужики, и вправду хочется другого отношения. Только я всегда думал, что жена – нос корабля.
- Думай так: ты корабль, и двигатель, и внутреннее содержание, а жена – это кок на корабле, ну и юнга, конечно.
- Но как ей объяснить?
- Просто. Подходишь и говоришь, может, хватит строить из себя президента России...
- При чем тут президент?
- Так у кого кто на примете. Ты можешь Стеньку Разина назвать. Кого предпочитаешь больше, того и называй.
- Тогда я деда своего Руслана. Его можно?
- Запросто. Вот и скажешь, что не надо строить деда...Руслана...
- Так он покойный. Как-то нехорошо о покойнике.
- Это же так просто, чтобы место свое знала.
- Но и деда не будем трогать. Возьмем моего соседа Пашку. Он жив, и такой кулак у него, что стену пробить может.
- Ради бога. Сосед так сосед. Пашка, так Пашка. Скажешь ей, что второго Пашку в доме не вынести.
- Э, нет. Она шибко любит болтать с соседями. На площадке и так во дворе. Обязательно донесет до адресата. С Пашкой постой. Не надо его. Он мне как-то дорогу перешел. Синяк три недели не сходил. И из-за чего получилось-то? С женой его заговорил около магазина. Я уже и не помню, о чем. О ценах, наверное, о повышении. А он и не спрашивал, подошел и хлоп. Я в шоке, его жена как треснет сумкой, а там яйца. По лицу желток течет, он злой, и я тоже. Ну и угораздило мне назвать его «бобром» У него зубки передние вперед, как у.... он до сих пор помнит.
- Неважно как ты ее назовешь, что ты скажешь, главное – уверенность, тон, от которого она будет идти. Будешь брыкаться, спотыкаться на ровном месте, не станет тебя слушать, а если скажешь твердо – так, как никогда, то увидишь результаты.
- Скорей бы.
- Не гони коней. Москва не сразу строилась.

Третий молчал. Сперва он держал ребенка, а тот звенел погремушкой, потом посадил малыша в коляску и, укачивая, стал говорить:

- У меня жена в порядке. Она родила и воспитывает. Все нормально. Но она забыла обо мне.

– Понимаю, женщины всегда так.
– Вы еще скажите, что женщины со всеми так.
– Нет, есть счастливые экземпляры. Но мужчины хитрят. Они ставят условия, а женщины их выполняют.
– Какие условия?
– Например, он – приносит деньги, она – ему стирает белье. Он – выносит ведро, она – ему котлеты жарит. Понимаешь?
– Нет, с котлетами полный порядок. И стирает, и гладит, по дому туда-сюда, крутится. Я же другого хочу.
– Женщины натуры творческие.
– И как это понимать?
– До того, как появился ребенок, ты был тем самым пупсом. Ты не замечал, она с тобой не вела себя как с младенцем?
– Еще бы. Придумывала мне разные прозвища. Не сказать, что все мне не нравились. Но были и ничего.
– Она просто переметнулась. С тебя на него.
– Но я же другой. Я могу больше. Ему еще расти и расти, чтобы стать как я.
– Понимаешь, какая штука. Ты уже стал тем, кем ты являешься, а ему еще это предстоит.
– Ну и что?
– Как заманчиво – создать человека по своему образу и подобию. Представляешь, он смотрит на нее и не делает так, как привык, а спрашивает – можно, а как лучше.
– То есть со мной нелегко?
– И да, и нет. Это пройдет. Через год она поймет, что ребенок – это ребенок, что воспитывать одной – не самый лучший вариант, и снова переметнется.
– Через год?
– Может, и раньше. Но год – это небольшой срок. Что такое год? Так, мелочь. Капля в море.
– Капля? Да я двинусь на этой почве.
– Тогда есть один способ, только я его еще не проверял.
– А какая разница. Если он есть, нужно испробовать. Это как для тяжелобольного, потому что я именно таким себя ощущаю – любое лекарство.
– Хорошо...
– Что делать?
– Сделай вид, что пошел налево.
– Как это?
– Ну, сделай вид, что у тебя есть какая-то тайна.
– Какая тайна? У меня сроду не было никаких тайн.
– Вот. А женщины любят загадки. Стань для нее загадкой, ребусом.
– Что за ересь? Каким ребусом? Она очень проницательная. Может разглядеть все без исключения.
– Но ты же говоришь, что она потеряла интерес.
– Да, но когда смотрит, кажется, раздевает меня. Иной раз хочется сказать, подойди, раздень, что глаза портить, но не решаюсь – в руках ребенок или она его держит, чтобы тот сходил по маленькому, в общем, никакой романтики.
– Значит так. Действуй сразу же. Сейчас приходишь домой, обязательно зайти по пути в парфюмерный магазин. Да, немного «Гуччи» или «Шанель», и она почувствует. Спросит, наверняка. Откуда? Скажешь, что встретил знакомую...
– Так она всех моих знакомых знает...
– Одноклассницу, бывшую коллегу, нынешнюю, не знаю, сам придумай. Главное, не говори, что заходил в магазин и надушился.
– Потом?
– При этом надо говорить об этой знакомой больше, вспомнить какую-нибудь общую историю, обязательно комичную. В глаза должно читаться – у меня есть то, что ты не знаешь. Если она не поведется, то она не женщина.

- Я, конечно, попробую.
- Ты уж, конечно, попробуй.

Четвертый был самый грустный из этой группы. Он смотрел по сторонам, словно искал кого-то, хотя его ребенок мирно сидел в коляске и жевал печенье.

- Я пришел, чтобы найти друзей. Понимаете, в моем районе я единственный отец, который воспитывает ребенка без матери. Когда я гуляю с ним, то во дворе одни женщины, а так хочется поговорить с мужиками...
- Отец, отчим, одноклассник, с которым с самого детства. Мало ли...
- Отца нет, всю жизнь женщины воспитывали – мать, три сестры, четыре двоюродные, одноклассники – тоже больше с девушками, я для них был школьный психолог – все приходили за советами, а после школы разлетелись. Я женился на соседке, которой помог выбраться из ямы – бывший муж, свекровь и теперь все хорошо. Ей живется припеваючи, а мне плохо.
- А она что, тебя не отпускает? С мужиками в сауну и прочее.
- Нет, я сауну не очень. Люблю выставки, но туда редко мужиков затащишь.
- Если только не определенной ориентации. Но ты же женатый человек, хотя бывает, что люди ошибаются.
- Это не про меня. Я пусть и люблю искусство, картины, балет, и голос мой изнежен женским вниманием и воспитанием, но я мужчина – хрупкий, с очень ранимой душой, но мужчина.
- А ты что, и футбол не очень?
- Да, я к спорту равнодушен. В шахматы когда-то играл, но потом забросил. Сейчас больше живопись, театр, кино.
- Да, друг попал. Но я могу посоветовать с дитем на выставку. Нормально. Во-первых, ребенку бесплатно, во-вторых – с самого детства прививаешь любовь к творчеству. Я вот своего на футбол уже вожу, только моя, конечно, не в курсе. Зачем ей знать об этом? Не надо.
- Футбол – это очень опасно. Я бы никогда не стал играть в этот жестокий вид спорта. И потом, там же масса народу. Я вообще не люблю массовости. Демонстраций и прочего... Выставка? Звучит вполне безобидно.

Прошло немного времени. День или два, а может и целый месяц. Никто не знает. Главное, что эта встреча повторилась. Погода была такой же жаркой. Детки все также сидели в колясках, а папаши были так же возбуждены.

- Ты чего такой нервный?
- Сплю плохо.
- Твой спиногрыз?
- Нет, хуже. Девки.
- Какие девки?
- Они, бабы. Женщины, чтоб им пусто было.
- Ты что, на лево?
- Да нет. Да и не знаю даже. Гуляю я или погуливаю. Или это скорее мои домыслы только.
- Нет, если ходишь в противоположную сторону, чем право, так и скажи. Гуляю. Если нет, то нет. Тут все просто.
- А, нет. Не скажите. Я вот вроде бы и гуляю, а вроде бы как и нет. Со стороны – муж – образцовый семьянин, а в глазах – похотливый самец и главное, в душе столько грязи, чтоб ее растуды.
- С чего это ты вдруг так себя чувствуешь?
- Сами же посоветовали фильмы определенного содержания, ну я и попробовал, потом еще и еще. Ну и подсел. Забросил все, и работу свою, и ребенка. О жене своей совсем не думаю. Все занимает мысль, а почему у нас жены такие некрасивые, со складками в нескольких местах, почему у меня не такая, как там. Я что, не заслужил? Мне что, не хватило?

- Так она же была у тебя такой. Это только потом раздулась.
- А почему раздулась?
- Ну, родила, успокоилась.
- А почему успокоилась? Разве я не могу себе найти такую же? Могу. Что мне мешает? Ничего.
- А жена?
- Вчера мы должны были увидеться. Я перед этим насмотревшись десяток фильмов, всю ночь не спал, пошел к окну. Постоял, постоял и подумал – а зачем. Не хочу и ушел обратно. А она, наверное, выходила, ждала меня. Потом звонила, спрашивала, я что-то говорил, не помню.
- В следующий раз поднимись по лестнице.
- И что?
- Зайди к ней и все расскажи.
- О чем?
- О том, о чем все эти дни думал.
- И о том, что думал?
- А вот здесь можно немного слукавить.

Второй держал в руке экспандер и глубоко дышал. Малыш смотрел на папашу и радостно махал ручкой.

- Сказал я своей веское слово. Сказал все же.
- Молодчик!
- Все! Теперь сидит дома она, а я работаю.
- Во, теперь все на своих местах.
- Но душа-то не на своем месте.
- А она-то причем?
- Тут вот какое дело. Тело может быть в одном месте, а душа в другом. Но человек должен идти по зову чего? Не тела же.
- А чего?
- Души, естественно. И вот я сейчас понимаю, что моя душа – дома с детьми. Играет с ними, моет, укачивает. И от этого так плохо. И что делать, я не знаю.
- Может быть это только поначалу. Привыкнешь.
- Я тоже так думал, но как-то сижу на работе, проверяю письма и нахожу одно – жена пишет, сейчас говорит «готовили блинчики – все тесто по кухне разметали». Вечером, говорит, блинчики будут на стенах. И мне так горько стало. Я тут ерундой занимаюсь, а там все самое главное происходит. Без меня.
- Но это же нормально. Днем работаешь, вечером в семью. На выходные тоже вместе.
- Да, но у меня работа – шестидневный график, а босс по выходным любит строить нас на футбольном поле. Для команды. Он говорит очень смешные слова – мы, говорит, не просто команда, мы семья. Эти слова как ножом ударяют. Я думаю, разве можно иметь две семьи? Это перебор. Босс дважды разведен, ему проще. Видится с детьми раз в полгода и доволен. Много любовниц, чего еще надо. И всех сотрудников под себя строит. И меня тоже. А дома – сооружение из кубиков и первые слова. Не эта корпоративная фальшь. Семья!?
- Поменяйся.
- Легко сказать.
- Легко.
- Тебе легко сказать, а как сделать.
- Сделать и все.
- Но так нельзя.
- Как так?
- Просто сделать.
- Поверь мне, можно.

Третий снова молчал и ждал, когда его спросят.

- Я сделал в точности так, как вы мне советовали. Но не успел. Она загуляла.
- Как так?
- Понимаете, я заметил как-то, что она каждый вечер гулять идет. В одно и то же время. Гуляет часа два. И, что странно, в любую погоду. Приходит, ребенок мокрый, а она усталая, как будто стирала руками, по старинке. Да и такая заводная. Просто.
- То есть, она после каждой прогулки отправляет ребенка спать и бросается на тебя, как кошка?
- Ага, и не всегда ребенок спит при этом.
- Что, вы делаете это при ребенке?
- Да, это ее заводит.
- О, боже, извращенцы.
- Да, и с ней такого раньше не было. Она была очень скромна в постели.
- Ничего себе скромность. Вы дождетесь, что ваш мальчик будет пихать куклу.
- Не надо, и так тошно.
- Неужели все так плохо?
- Да нет, не все, но откуда такой завод?
- Скажи спасибо, что она уделяет тебе время. Понимаю, что ночью было бы приятнее, добравшись до спальни, а не там, где придется, но я даже тебе, старик, завидую – какая она изощренная.
- Да, но это такое спасибо, после которого начинаешь пеленать ребенка, а он на тебя смотрит, словно хочет сказать – ага, а кто вчера мамку мою на диване... видел, видел. Что скажешь?
- Вот странный человек. То ему не нравилось, что его жена внимания не уделяла, то теперь избыток.
- Да не избыток. Она же совсем со мной не разговаривает. Она идет, гуляет, говорит с кем-то о Есенине, приходит сытая от разговоров, и я уже нужен только для перепиха. Больно.
- А ты проследи за ней.
- Следил. Она сидит на скамейке, а вокруг нее соседи.
- Мужики?
- Нет, зачем, старушки, женщины с детьми, ну и мужчины есть, но больше просто выходят поговорить.
- Не пробовал выходить?
- Нет, стыдно. Не выходил, не выходил, и тут вышел. Да и разговоры у них. Я же Есенина только в школе проходил.

Четвертый высказался последним. Каждый ждал своей очереди. Они понимали, что все скажут, получат совет или какой-то толчок, который поможет самому найти выход.

– Вот такая штука. Оказывается, я совсем не одинок в этом. В музее встретил такого же папашу. У него жена работает на стройке, а сам он - оценщик. Вот мы с ним сейчас - то там, то сям.

- То там, то сям?
- Не надо, он нормальной ориентации. Не бойтесь.
- Да кто боится.
- Бойтесь. А больше за детей своих бойтесь. Ведь неизвестно, какими они вырастут. Как они будут воспитывать своих детей. Кем станут.
- Хорошими людьми.
- Это точно. Кем ты своего видишь, тем он и будет. Видишь хулиганом, таким он и станет, как не воспитывай. Кажется, что он по спортивной части пойдет, конечно, пойдет. Дай руку, он и пойдет. Мой, вон, артистом хочет быть. Вчера пел песню. Сперва я ему колыбельную, потом он мне. Так и уснули.

Мужчины разошлись по своим домам. Но они непременно встретятся снова. Когда? Может быть, завтра или через месяц. Тогда, когда им потребуется помощь. Пока еще их дети не выросли и не могут спросить: «Папа, а почему с другими гуляет мама, а со мной ты»? Каждый ответит по-своему. А может быть, просто скажет: «А почему бы и

нет? Я же твой отец».

У нас нет дома

Мужчина в неизменном трико с лампасами, в больших ботинках, сандалиях, сапогах – по сезону, заходил к ним примерно раз в месяц, и почему-то всегда оставался стоять в прихожей. Вопрос Вити «почему дядя Слава не заходит» всегда оставался без внимания. По мнению мальчика, ходить в гости так не полагается. Вот бабушка к ним приезжает, например, – так они встречают ее на вокзале, заказывают такси, если большой груз (чаще всего именно так и бывает) и едут домой. А там уже накрытый стол, домашняя лапша и пирожки. Витя любил принимать гостей. А когда приходили его друзья, они шли в его комнату, играли, а через некоторое время приходила мама и приносила беляшики и сок. Вот так. А то, что стоит дядя Слава в прихожей, не снимает обувь, которая к тому же не всегда бывает чистой – а он стоит, не снимает, и говорит таким басом, словно его не слышно – все это было непонятно юному Вите. Ему казалось, что, если бы тот снял сапоги, куртку, надел тапочки и сел с ними выпить чаю и поговорить о том, о сем, тогда и голос его стал бы другим, да и атмосфера изменилась бы. Но все было по-прежнему – дядя приходил, стоял в прихожей, о чем-то разговаривал с родителями, иногда спорил, и уходил, приговаривая «замки стали плохо делать, вот и у вас, вижу, расхлебенился». Отец зачем-то материл его, а мама глубоко вздыхала. «Не любили они его что ли», – думал Витя.

Но однажды мальчик узнал причину этой нелюбви. И это прозвучало за столом во время обеда, так случайно, как чья-то неприятность, которая регулярно происходит с рядом живущими и тебя никогда не трогает. И тут тронула. Молодой неокрепший организм, который только начал понимать вкус жизни в ее непродуктовом понимании. Родители даже и не пытались сказать ему об этом. Он тихо повторил, еще не успев проглотить гречку:

– У нас нет дома, у нас нет.

Ему было страшно. Объяснение то, что квартира съемная, и то, что она не принадлежит им, расставило все точки. Витя смотрел на родителей, застыл, но чувствовал, как колотится сердце и какая-то горечь подступает к горлу.

– Успокойся, – говорила мама. – Не волнуйся, это только временно, – бодро говорил папа. Но почему-то эти слова не подействовали на него должным образом. Ему показалось, что все вокруг скрывали от него еще что-то. Он думал, что это не вся тайна, есть еще и другие нюансы, и родители так просто не скажут. Он, конечно, спросил:

– Это все?

– Да, – ответили отец с матерью, навсегда поселив в сыне сомнение. Они еще что-то говорили о том, что в следующем году хотят переехать, и про район, где все намного дешевле, но он уже ничего не слышал. Он вышел из-за стола и пошел в комнату, которую считал своей. Ночь не была такой долгожданной, потому что комната, которую он так любил, больше не принадлежала ему. Эти стены, на которые он клеил свои любимые плакаты с мультяшными героями, тоже были чужими. Кровать не была такой мягкой. Он присел и стал смотреть из окна – на детскую площадку, которой он всегда гордился, на этот магазин, в котором все было, и он знал, что живет на самом лучшем этаже, и вид из окна тоже не сравнится с видом из другого окна.

Он взял в руки коробку с игрушками и почувствовал, что она здесь чужая, и эти машинки, конструктор из магнитных шариков, плюшевые игрушки, оставшиеся из прошлого – здесь временно пребывали с ним.

– Эх, бедные, – прошептал он. – И вы тоже без крова.

Он обнял жирафа и, думая о том, сколько времени прошло в неведении, уснул прямо на полу. Вошла мама и переложила его на кровать. Он ворочал головой и говорил «это мое, мое». Отец с матерью, конечно, переживали, но считали, что это пройдет спустя какое-то время.

Так минула ночь.

Утром Витя не стал завтракать и любимое времяпрепровождение в ванной плюс пробежка, которую они с отцом никогда не просыпали, были пропущены. Он просто оделся, не стал даже причесываться и поплелся в известном направлении. Все стало ему чужим. Земля, тропинка, по которой ходил, выходя из подъезда с рекламой, и эти дворники, к которым он относился с важным чувством того, что они убирают его дом, сейчас выглядели главнее и выше.

Когда он подошел к школе, ему стало не по себе. Школа выглядела иначе. Если раньше он спокойно относился к ней, то сейчас ему казалось, что он здесь чужой и его терпят, потому что у мамы громкий голос и преимущество.

Ему трудно было сидеть уже на первом уроке. Урок истории, тема переселенцев. Он и здесь соотнес себя с ними.

– Мы не на своей земле, – пульсировала мысль, – мы не на своей... Но тогда где же наша родная земля?

Он посмотрел на окно, на силуэты лохматых цветков, думая о том, что те погружены в землю по самый пояс. В основном. Некоторые только по колени. Их пересадили, и они тоже никогда не узнают, откуда они родом. Так и засохнут в этих горшках и окажутся на помойке вместе со стеклянной и пластмассовой тарой.

Учительница истории, Зоя Карловна, долго вешала карту, которая то и дело сползала из-за сбитого механизма кронштейна, немного ругалась, стоя спиной и, повернувшись, с искусственной улыбкой, продолжала говорить о племенах, о причинах, побудивших их сменить место жительства.

– Я думаю, что еда. Только еда побуждает человека менять место. Это истина. Вам еще это может быть непонятным, но я, уже познавшая некую перевалочную жизнь, имевшая опыт в этом деле, могу с твердостью сказать – мы убегаем из-за куска хлеба с колбасой. Из-за пирожка с ливером и с капустой. Из-за борща, которого всегда хочется по второй порции.

Все засмеялись. Витя не мог это слушать. Он попросился выйти. Зоя Карловна показала на дверь, словно Витя мог выйти как-то иначе. В коридоре никого не было. Ему хотелось протянуть время. Он подошел к окну и увидел машину, из которой выгружали мебель. Он повернулся, подбежал к другому окну. Березы, небо, скворечник, Пес Танк бегают по двору, снова отвязался. Ищет своего хозяина, Ромку Прянина. Тот сидит на истории и слушает про переселенцев.

– Нет, все, хватит, – сказал он себе. Зашел в туалет, открыл кран, постоял с минуту, закрыл и вернулся в класс. В тот самый момент, когда рыжий вихрастый мальчуган, Славка Славин, с первой парты, задал вопрос:

– Может быть так, что все переселенцы станут жить в одном месте. А все остальные места опустеют. Да, то есть в других местах, где когда-то и жили люди, будут пустыни, там леса, горы вырастут и прочее-прочее. А одно место заполнится. А?

Учительница улыбнулась и ответила:

– Не может быть. Люди разные, и потребности у них соответственно разные.

Витька не выдержал. Он встал. По классу прошел шумок. Сосед, Колька Горностаев стал шептать свои бредовые стихи, которые тому приходили в голову в нестандартные моменты. Это его вдохновляло. Он, глотая слюну, громко, громче, чем его шепот, продекламировал:

Ты встал, чтобы сказать о-го,

Пока вставал, забыл причину.

С рифмой у него никогда не было дружбы.

– Ты что-то хотел добавить, – спросила Зоя Карловна.

– Нет, ничего, – сказал Витя и сел на свое место.

Урок подошел к концу, потом еще один. На физкультуре он потянул ногу и заметил, что никто не помог ему. Мысль о том, что весь класс в курсе того, что его семья живет на съемной квартире, не покидала.

– Что с тобой? – спросил Пал Палыч, физрук.

– Так, ногу слегка потянул.

– Так, иди домой, Пусть тебе Лукьянов подсобит. Подставит плечо.
– Я не хочу домой.
– Вот, странный. Все хотят домой, не могут дождаться, когда прозвонит звонок, а он не хочет. Что с тобой?
– Все со мной в порядке.
– Да что с ним? – повторил он вопрос, обращаясь к остальным ребятам. Те лишь пожимали плечами.
На следующем уроке все смотрели на него, посылали записки с вопросами. Он не знал, что ответить. Пытался отшучиваться, но некоторые понимали, что тут все намного серьезнее. Последний урок он не высидел. Он подошел к учительнице, попросил разрешения уйти с урока, так как плохо себя чувствует. Та сказала, чтобы он заглянул в медпункт. Он обещал, что заглянет, даже дошел до кабинета, но свернул в сторону. Он не мог туда пойти. Там работала его мама. Преимущество, которое было у него перед другими – если кто-то ему не понравится или будет задаваться, он скажет маме, и она выпишет лекарство горькое-горькое. Но и показываться ей на глаза сейчас не хотелось – это означает получить вечером очередную взбучку.
Пока он шел к дому, то смотрел на прохожих, которые думали о чем-то своем. Он постарался понять величину своей проблемы, происходила ли она еще с кем-то, и каково испытать это взрослому, по сравнению с ребенком. Он тщательно всматривался в прохожих, пытаясь определить и выявить отличие коренных жителей от некоренных. Первые были более спокойными, но, может быть, многие из них не догадываются, что квартиры, в которых они живут – не их. Все спешили по своим делам и вряд ли думали о чем-то подобном, и когда Витя стал смотреть на своих сверстников, то увидел лишь глупые усмешки, которые напрашивались сделать только один вывод – он был единственным, у кого нет...?
– Мама, а где наш родной дом? – спросил он вечером. Он даже не стал приступать к еде, пока не услышит ответа.
– В Калуге, – спокойно сказала мама.
– Да, но почему мы здесь? – недоумевал Витя. – Если у нас есть дом там, то для чего мы здесь?
– Это Москва, – сказала мама.
– Ну и что.
– Здесь больше возможностей.
– Я не понимаю. Ты работаешь медсестрой, отец – водителем. Разве в Калуге нет водителей?
– Есть, но зарплата – смешная.
– Смешная – это как? Маленькая?
– Да, маленькая, смешная.
– Но зато есть дом, есть близкие, знакомые.
– Уже нет. Дом продали, осталась мама, а знакомых почти нет. Тоже разъехались. А куда. Не найдешь.
Витя сел на диван неизвестного происхождения. Он не понимал.
– Я хочу домой, – сказал он.
– Это наш дом.
– Я хочу в настоящий дом.
– Сейчас это наш дом. Дом – это место, в котором мы живем. Сейчас.
Отец пришел поздно. Этот вопрос он задал и ему.
– Сынок, то, что мы раньше жили там – это, скорее, наше детство. У нас есть много воспоминаний с родины, друзья, мама, мы же ездили туда прошлым летом.
– Да, я подумал, что бабушке там лучше. Там поспокойнее. Она же не любит метро, да и Москву называет чудовищем.
– А ты родился там, и когда мы переехали, ты был совсем маленьким, так что вряд ли помнишь, как это произошло.
– Не помню.
– Тогда и сожалеть не о чем. Сожалеют о том, чего лишаются сознательно. Когда у

тебя отбирают что-то. У тебя все при себе. Никто у тебя не отнимает ни дом, ни друзей. Они всегда останутся твоими друзьями, даже если мы переедем в другой район. Если они, конечно, твои друзья.

– Да, но почему мы не купим себе новый дом? Пап, давай купим.

– Хорошее предложение, и как только появятся возможности, то мы обязательно осуществим это.

Он шел в комнату, в которой не было света. Он не стал зажигать свет, просто лег, и когда стучали мама с отцом, не ответил, притворившись спящим. Больше они его не беспокоили. Как только в комнате родителей погас свет, и он дождался, пока отец перестанет отвечать на женские вопросы и перевернется на другой бок, откашляется, пройдет минута – и они спят, Витя вышел в прихожую, нашел на календаре с фруктами нужный номер, взял телефон, перенес его в детскую, и стал медленно крутить диск. Мальчик насчитал одиннадцать длинных гудков. Ответил детский голос. Мальчик, примерно такого же возраста, что и он.

– Да?

– Могу я поговорить с дядей Славой?

– Нет, не можешь.

– Почему?

– Во-первых, потому что ты слишком поздно звонишь.

Вите хотелось наговорить ему много гадостей, но не стал этого делать, он просто спросил еще раз:

– Почему же?

– Это уже во-вторых...

– Да хоть в-третьих...

– Не надо говорить со мной в таком тоне. Если бы ты стал говорить таким тоном с моим отцом, то он бы не стал с тобой церемониться, просто бы повесил трубку. Что я сейчас и сделаю. Но перед этим все же скажу. Родителей нет дома. Они в гостях. Я один и уже сплю. Так что ты мне снишься.

Последовали короткие гудки. Витя намеренно уронил трубку. Его трясло. Этот мальчик... да как он смеет. Да что он хочет этим сказать? Я ему снюсь. Или он имеет право на это? На то, чтобы говорить так. Может быть, это правильно, что все, кто неместный – они как бы сняты, их нет. Они просто существуют в таком мифическом пространстве, похожем на сон. Пространство, которое невозможно изменить. В него нельзя напустить другого воздуха или поменять структуру, оно всегда останется таким. Эти стены, которые он сейчас не видел, были сформированы не им, а другой семьей и то, что они здесь живут, вбирают в себя эту пыль и чужой воздух, к тому же небесплатный, делает их чужими не только местным, но и самим себе. Они не похожи ни на них, ни на себя.

Наутро состоялся такой разговор. Витя встал, как и прежде, сел за стол, чтобы позавтракать. Есть не хотелось. Сестра позавтракать – это не означало обязательно съесть тарелку каши и выпить чай с шиповником. Он ожидал какого-то чуда. Все, что было сказано, окажется шуткой. Мама улыбнется и скажет, что дядя Слава их друг и приходит к ним, потому что ставил им дверь, и беспокоится, когда замок хлябает. А отец улыбнется, так хитро, как он обычно делает, когда долго вынашивает что-то и неожиданно выдает – хохму, в нужном месте, чтобы по-настоящему было смешно или грустно.

– Через неделю у тебя день рождения, – сказала мама.

– Мне не хочется, – равнодушно сказал он.

– Мы хотим тебе сделать сюрприз.

– Какой?

– Но разве он будет сюрпризом?

Он уже пригласил друзей на свой день рождения, нехорошо было отказывать. Пять дней назад он обмолвился. Приходите ко мне, – сказал он, и сейчас это «ко мне» звучало фальшиво. Если перевести это на правдивый язык, то будет звучать примерно так «приходите к дяде Славе» Но сюрприз... что же это? То самое чудо, о котором он

думал? Поэтому он в каком-то восторге перед неизвестным кивнул головой. Витя был заинтригован. Он почему-то ждал, что тот вопрос разрешится. «Они купили...купили дом?»

Целую неделю Витя ходил беспокойный. Он плохо спал, ему снилось, как у него отбирают подушку, а потом кровать, и вот уже все отобрали, но потом мама берет его на руки и относит в дом. А там – кровать в три раза больше и сама комната – слона можно держать. Он говорит «спасибо» и просыпается. И смотрит на календарь, но время движется медленно. «Ну, скорей бы, скорей бы!»

Настал долгожданный день. Пришли гости. Почти половина класса уместилась за столом. Ели салаты, потом сладкое, потом снова, немного танцевали. Потом дарили подарки. Игрушки, альбомы и даже коньки. Родители подарили в последнюю очередь. Это был... ноутбук. И казалось, такая мечта, как свой персональный компьютер, наконец-то сбылась, но она не радовала его. Он смотрел на родителей, словно ждал, что они улыбнутся, скажут «шутка» и объявят то, о чем он всю неделю думал. Но они ничего не сказали, поцеловали и ушли на кухню, оставив его онемевшего и упавшего духом с гостями.

Веселье продолжилось. Играли в игры, разгадывали пантомиму и неожиданно Витя сказал:

– Можно я скажу тост?

Все оживились, стали разливать газировку, сок, по бокалам и застыли в ожидании, немного перемигиваясь, надеясь, что это будет весело, иначе и быть не могло. Пришла и мама, последним вышел отец, так как Витя постучал вилкой по хрустальной вазе. Все ждали. Дети – веселья, родители – благодарности за этот вечер. Кто-то уже успел отпить из своего фужера. Витя не решался. Мама кивнула головой, потом отец показал взглядом – мол, давай, скажи все, что ты думаешь. Настал твой час. И мальчик сказал: –Я хочу поднять бокал за родителей, которые могут дать сыну все, в частности, крышу над головой.

Дети с некоторым опозданием засмеялись. Мама опустила голову. Отец серьезно посмотрел на сына. Витя потянулся за бананом. Он хитро посмотрел на родителей, показывая, какой он ловкий, что сумел провести их.

Уехать

Девушка не могла перейти через дорогу. Казалось, ей что-то мешает. То ли дог, который занял огромное место под светофором, то ли что-то едва уловимое, передаваемое через неверные движения ног и повороты корпуса.

- Вы бы не могли мне помочь? – спросила она у другой девушки – хозяйки дога. Та фыркнула, посмотрела по сторонам с видом «что, больше некого?». Затем спросила бабушку с такой большой корзиной, в которой мог уместиться средних размеров крокодил, но наверняка она с ней ходила в магазин, что, конечно, редкость, но этой пожилой женщине самой нужна была помощь. Старушка не отреагировала или сделала вид, что не слышит.

Молодой человек сильно нервничал. Он остановился, посмотрел куда-то в сторону, казалось, кого-то искал. Одновременно он разговаривал по телефону, который висел у него на указательном пальце, прижатом к виску.

– Это невозможно, – говорил он. – Сейчас уже поздно. У меня осталось всего тридцать минут. Если я не успею? Да почему так скоро? Я уже это слышал. Но разве нельзя перенести хотя бы несколько часов? Кто я? Понял, понял.

Уже горел зеленый и пищал датчик для слепых. А парень продолжал стоять и не переходил. Их было двое, кто не мог перейти. Мужчина в солидном костюме с галстуком, девушка в сарафане, на котором полевые цветы и бабочки давали полное представление о ней – наивная особа.

– Я вас не вижу, – но позвольте вас спросить... если вы меня, конечно, слышите и видите. Я вас, конечно, слышу, но с последним как-то не очень.

Это его остановило. Он посмотрел на нее. Она была ниже на две головы – такая дюймовочка в городе-гиганте.

– Спасибо, что остановились, – произнесла она. – Значит, я могу рассчитывать на помощь?

Это не вызвало у него большого энтузиазма. Помогать, пусть слепой девушке. Ради чего? Да где ее родители? Они вообще знают, что она в центре города не только может попасть под машину, но и под дурное влияние.

– Простите, – сказал он, на время отрываясь от телефона, по которому он то ли говорил, то ли ждал кого-то на линии, – но я очень спешу, у меня сегодня встреча, я боюсь, что она может стать последней.

– Ничего, – вздохнула она, и светофор еще продолжал пикать, возвещая о том, что еще можно идти, правда немного ускоренно, но она не торопилась.

Машина резко остановилась прямо перед ней. Она шагнула дальше, движение была поточным, и никто не собирался давить на тормоз, точнее, это было очень сложно сделать.

– Что вы делаете? – сказал парень, дернув за руку девушку и тем самым спасая ее от лихого водителя. Та вцепилась в руку, передавая дрожь.

– Меня что, чуть не задавили? – испуганно спросила она. Парень был вне себя от злости. Он отцепил от себя ее руку, наклонился и произнес как можно громче:

– Да, чуть и меня не задавили. Ты что, ненормальная?

– Простите, – дрожащим голосом вторила девушка. – Я лишь хотела перейти дорогу, я не думала, что он, они...

– Тебя разве не учили? – неистовствовал молодой человек. – Что когда пищит медленно, то, пожалуйста, но как только запищит активно, то жди следующего светофора. Если и на этот не успеешь, стой и жди следующий.

– Учили, – виновато сказала она. – Но я не запомнила. У меня хорошая память, вы не думайте. Просто я немного испугалась. А когда пугаешься, то начинаешь путать все. Вот я и...

Он тяжело вздохнул, переводя дух, потом улыбнулся кротко и сказал, сменив гнев на милость:

– Да ладно. Чего уж там. Пойдем, выпьем кофе.

– Я не пью кофе.

– А что ты пьешь?

– Морковный сок.

– Вот те раз. Ну, тогда пошли пить морковный сок.

– Нет, я не пойду с вами. Я вас не знаю. Мне просто нужно было перейти дорогу, а сок я могу и сама выпить.

– Для того чтобы выпить сок, не нужно переходить дорогу. Кафе на этой стороне, в трех шагах от дороги.

Девушка задумалась. Она смотрела на объект, который уже нарисовала у себя в голове – молодой человек, дорогой парфюм и сигареты – похожий аромат витал дома в прихожей. И что-то знакомое, почти родное подсказало ей. Она кивнула головой и промолвила:

– Пошли. Только вы мне показываете, куда идти.

Они заказали два сока на летней террасе.

– А что, морковный сок успокаивает? – спрашивал парень. Его телефон несколько раз звонил, но он не отвечал, губами произнес «подождет», забывая, что она этого не может увидеть.

– Да, почему зайцы любят много моркови? А-а. Чтобы не бояться. Они же трусишки.

– Да уж, – согласился он, посмотрел по сторонам, потом на часы и произнес, – Расскажи о себе.

– Что я могу рассказать о себе. Разве что я катаюсь по Москве и не вижу ее. Бог отобрал у меня такую возможность. Зато я обладаю другими. У меня, понимаете, слух идеальный. Я знаю, как звучит мой родной город, как падает дождь. Ездила в Питер, слушала его. А вот Москву так и не удалось послушать.

– То есть ты приехала сюда, чтобы послушать, как звучит Москва?

– Да, и мне почти удалось, но возникли проблемы.

– Какие?

– Я осталась одна.

В очередной раз зазвонил телефон.

– Как звучит Москва? – спросил парень, что-то набирая на аппарате. Вероятно, сообщение.

– Я понимаю, что она звучит как-то особенно. Многими голосами, но я не была в том месте, где главный запевала.

– Я знаю это место.

Она была интересной. Парень закусил губу. Он о чем-то думал. Она не могла этого заметить. Единственное – она поняла, что от него идет приятный аромат туалетной воды, и голос был тоже не лишен мягкости, немного хриплый баритон говорил о мужественности. Это ей тоже нравилось.

– Хорошо, – наконец, сказал он, – я покажу тебе Москву, точнее дам возможность ее послушать, но перед этим мне нужна помощь.

Девушка хлопала в ладоши, забарабанила по столу, он успел схватить два стакана, чтобы оставить их целыми, но потом она замерла, словно поняла что-то и произнесла очень тихо:

– Я слепа. Неужели я могу быть полезной?

– Еще как.

Она так странно хлопала глазами, что казалось, вот, сейчас из глаза выпадет соринка, которая мешает ей видеть. Затем она кивнула головой. Парень продолжил:

– Понимаешь, босс, с которым мне нужно договориться – особенный человек. Он ходит с палочкой и очень сочувствует всем тем, кто лишен возможности видеть, слышать, ну ты меня понимаешь.

– Он лекарь?

– Можно и так сказать. Он в городе очень известный человек и попасть к нему на прием – очень непросто.

– Не понимаю.

– Что?

– Ты хочешь помочь мне? Но как же я помогу тебе?

– Сегодня произошло непредвиденное. Я должен был доставить одного пациента к нему в клинику, но так вышло, что этот пациент успел договориться с другим врачом, понимаете ли, он друг его жены. Хотя по качеству лечения тот во многом уступает. Но его нельзя было убедить. Он стоял на своем. В результате пациент был потерян, в какой-то степени по моей вине. И доктор поставил условие, чтобы я до часу дня нашел взамен него другого пациента. Вот я и подумал...

– Он будет меня лечить?

– Сперва он познакомится с тобой. А там посмотрим. Он не волшебник и если есть надежда, то он помогает. Если же все безнадежно, то он говорит, как есть. Все просто.

– Ну что, пойдём?

– Пойдем.

– Меня зовут Феда.

– Феодора?

– Да, но мама зовет Федой.

Они прошли к парковке, в двух шагах от кафе.

– Ну что, Феда, милости просим в мой транспорт, – сказал он. – Да, меня зовут Анатолий.

Они свернули в Плотников переулок, доехали до Гагаринского и остановились.

– Это здесь?

– Нет, пока мы не приехали, хочу тебе сказать, что этот человек очень солидный, и желательно, чтобы вы поладили.

– Да ты не волнуйся, я всегда лажу с людьми.

– Прекрасно. Ну все.

Они проехали еще несколько кварталов, пара переулков, короткие по своей продолжительности и остановились.

– Приехали.

– Я тоже хотела сказать, что перед тем как встретить тебя, я собиралась уехать. Да, перед этим меня постигли неприятности с хозяйкой, да и моя помощница срочно выехала в Турцию. В общем, я осталась одна.

Анатолий вышел из машины, обошел, открыл дверь и помог Феде выбраться из машины. Они вошли в заведение, и сразу прошли к столу, парень как будто точно знал, куда нужно идти. Они присели на удобные диванчики. В уголке сидел пожилой мужчина, наблюдал за игрой света и, казалось, был очень увлечен этим.

– Привет, – сказал он.

– Здравствуйте, – произнесла девушка и улыбнулась. Она смущалась, поэтому схватила за руку молодого человека. Анатолий смутился, похлопал по ладони и немного отсел.

– Откуда? – продолжал спрашивать мужчина одновременно очень приятным и в то же время слишком уверенным голосом.

– Из Выборга, – ответила Феда.

– Далеко забралась, – засмеялся он.

– Я здесь была у подруги, но я уже рассказывала Анатолию, что она слиняла в Турцию, а я осталась. Что делать? Но я так подумала, пусть я не вижу, но я же соображаю. Ходят же слепые, для них и специальные плитки положили. Все есть. Как-нибудь. Но там, на площади, я смутилась. Сложно было понять. Так хотелось в кого-нибудь вцепиться и пройти с ним хотя бы дорожку.

– Анатолий...ну что ж...наверное тебе тоже многое объяснил. Правда?

– Да, я все поняла. Вы лечите и даже спасаете безнадежных. Я слышала о таких и даже обращалась. Точнее не я сама, а моя мама. Только у меня все не так плохо. Я в отличие от многих слепых довольна. Мне нравится, и вряд ли нуждаюсь в помощи. Да у меня и денег-то нет. Наверное, ваши операции стоят миллионы. Нет, я уж лучше похожу в своем выстроенном моим воображением мире.

Мужчина засмеялся, к нему присоединился парень – это немного смутило девушку и она снова вцепилась в его руку. Тот замер.

– Я думаю, нам нужно обсудить некоторые моменты, – сказал пожилой мужчина. Анатолий кивнул головой и они вышли из-за стола.

Пока они шептались, она улавливала аромат этого клуба. Он был не похож на привычные места, где она бывала. Она не могла видеть, как двое мужчин спорят между собой, что один пытается доказать, второй возразить, и в результате босс махнул рукой и подошел к столику, а за ним поплелся более молодой.

– Итак, юная леди. Мы подумали и решили, что попытаемся помочь тебе.

– И как же вы это поняли? Неужто можно вот так, без инструментов, да и я понимаю здесь нет достаточного освещения, чтобы досконально изучить мой случай.

– Вы забыли, милашка, что я вижу не так, как все. Поэтому у меня такие хорошие результаты.

– Ну, не знаю. Я так привыкла к тому, что слепа.

– Я собираюсь помочь тебе. Разве тебе не хочется увидеть все, что тебя окружает? Прекрасные дома, природу, людей, которые с тобой рядом? Неужели тебе не хочется увидеть глаза твоего спасителя? Да, Анатолий нашел тебя и, мне кажется, это что-то значит. Ты столкнулась не с тем, кто, переведя тебя через дорогу, исчез в неизвестном направлении. Ты повстречалась с ангелом, воплощенном в человеке. И этим ангелом оказался Анатолий.

Она крепко вцепилась в руку и то, что она начала перебирать его пальцы, как что-то инородное, неживое было странным.

– Каким образом вы мне хотите помочь?

– Мы сейчас поедem в одно место. Там мы проведем еще одно исследование. Потом проведем ряд процедур, поместим тебя в стационар, и если будет все в порядке, то к утру сделаем операцию.

Феда еще сильнее сжала руку Анатолия, тот застыл, лоб покрылся испариной.

Пожилой мужчина продолжал говорить:

– Сутки ты будешь спать, и потом ты станешь новым человеком.

– И это совершенно бесплатно?

– Да, для тебя это операция будет бесплатна.

– Но я не понимаю. Почему? Неужели я такая особенная?

– Дело в том, что тот пациент, которого я должен был сегодня лечить, заплатил хороший аванс, и наши правила – если человек внес аванс и отказывается от лечения, то деньги остаются у нас.

– Все равно, не понимаю. Я же должна, как и все заплатить.

– Моя репутация. Наша клиника под тщательным наблюдением. Постоянно отсылаются отчеты министру здравоохранения. Наши операционные не должны пустовать. И для нас уже не важно, платит человек или нет, главное – наша репутация. Она стоит дороже.

– Кажется, я начинаю понимать. Если это так, то я согласна.

Мужчина улыбнулся, попросил счет, прошептал:

– А теперь мы можем идти. Спасибо... Анатолий, сегодня твоя помощь уже не понадобится. Ты славно потрудился.

Он взял за руку Феду, та приподнялась, не понимая, что происходит, сказала:

– А Анатолий с нами не поедет?

– Нет, он работает в другом отделе. Там достаточно и других специалистов.

Феда не отпускала руку.

– Я не знаю, – начала она неуверенно, – ты мне скажи, если ты мне скажешь, то мне будет спокойно. Тогда я поеду, и не буду бояться. Мне только скажи.

Анатолий смотрел на это крохотное существо, которая пыталась ухватиться за его другую ладонь, но рука скользила по воздуху вхолостую.

– Ты же мне обещал показать... город. Я сама не увижу... или увижу, но все равно мне нужна твоя помощь.

– У моего коллеги сейчас другие дела, – серьезно сказал мужчина. – Он сейчас отправится к другим тяжелобольным. Ты не представляешь девочка, сколько людей нуждаются в нашей помощи... ты не представляешь.

Анатолий не выдержал:

– Нет, она никуда не поедет.

Мужчина вздрогнул, резко направился к парню, тот отстранился, отошел на значительное расстояние.

– Конечно, поедет, – засмеялся мужчина, и в этом смехе была такая фальшь, которую почувствовала даже Феда. – Что ты такое говоришь? Если ты хочешь подвезти, то не надо. Ты итак сегодня наездил. Машине тоже нужен отдых.

– Я хочу сказать, что ей не нужно ехать, – настойчиво говорил молодой человек.

– Что ты делаешь?

– Я не хочу, чтобы ее использовали.

– Да кто ее использует?

– Вы, доктор.

Он схватил за руку Феду и пошел к выходу.

– Стой, ты об этом пожалеешь. То, что ты сейчас делаешь, для тебя будет самой большой ошибкой.

– Я так не думаю.

– Дурак, ты же не жилец.

– А мне побоку.

Они вышли из ресторана. Сперва очень спокойно, потом участили шаг и, наконец, побежали.

– Куда мы бежим? Почему не на машине? – задавала вопросы девушка. На что парень отвечал:

– А она не моя. И этот костюм тоже не мой. Кстати мое настоящее имя – Витя.

Она хотела разжать руку, но тот ее слишком крепко держал.

– Отпусти! – кричала она. – Ну, отпусти. Кричать буду.

– Поверь, – сказал он. – Ты должна пойти со мной. – Он взял ее за другую руку, и эта нежность, которую он вложил в эти слова, была особенной – она подействовала на нее.

– Так куда же? – спросила Феда.

Она задала ему вопрос, на который он не знал ответа. Но он не мог ей сказать, что не знает.

– Мы бежим туда, откуда ты сможешь услышать звучание города, – сказал Виктор. Они были на Красной. Замерли где-то посередине, окружив себя собором, ГУМом, башнями, людьми и песней, которая звучала прямо из сердца города. Запевали где-то в районе Васильевского спуска и поднимались на центральную площадь, где припевом разносились смех и биение часов.

– Неужели я здесь? – восторженно говорила девушка, сделал небольшую паузу и очень тихо произнесла. – А тот человек был не лекарь?

– Нет.

– И значит, он меня не вылечит?

– Нет, извини.

– Ничего, я уже привыкла. Мне кажется, что лучше не видеть, чем видеть такое. Закрой глаза.

Он закрыл глаза, и они прошли по площади, как два слепых человека, которые видели намного больше, чем им пришлось увидеть до встречи на Арбатских воротах.